

Продолжение «Бюро "Канун", или Ужасы Ивана»

НИКОЛАЙ ОБОДНИКОВ

ЧЕРТОВИДЦЫ,

ИЛИ

Кошмары

Брянской области

СЛОВО — СЕРЕБРО ЗЛОЧАНИЕ — ЗЛО

ДУРАКАМ ЗАКОН НЕ ЗЛО

ПЕРВЫЙ БЛИН — ЗЛО

ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ ЗЛО

НАШАА КОСА НА ЗЛО

СДЕЛАЛ ДЕЛО, ГУЛЯЙ ЗЛО

ПОЕЛИ, ПОПИЛИ, ПОРА И ЗЛО ЗЕЛТЬ

НА ВОРЕ И ШАПКА — ЗЛО

МУЖ — ГОЛОВА, А ЖЕНА — ЗЛО

ГЛАЗА ВОЯТСЯ, А РУКИ — ЗЛО

ЧЕМ БОГАТЫ, ТЕМ И ЗЛО

ДАРЕНОМУ КОНОЮ В ЗУБЫ НЕ ЗЛО

БАБА С ВОЗУ, КОБЫЛЕ ЗЛО

У СТРАХА ГЛАЗА — ЗЛО

16+

Николай Ободников

Чертовидцы, или Кошмары Брянской области

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53822755

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-92969-2

Аннотация

Продолжение книги «Бюро "Канун", или Ужасы Ивота».

Вторжение древнего и жестокого космического существа обрекло Брянскую область на кошмары и неравное противостояние потустороннему злу. Ведь бюро «Канун» потерпело сокрушительное поражение: Булата официально признали погибшим, а Лунослава – пропавшим без вести.

Только ничто не остановит чертовидцев – ни тайна затопленной церкви, ни подлинные места дьявола, ни плач брянских ведьм в тумане! Они объегорят и превозмогут всё, чтобы восстановить кошель предсмертных подаяний, способный умертвить даже неземного бога. Правда, есть одна незначительная загвоздка, пустячок: Лунославу сперва придется отвоевать человеческий облик, а Булату – выйти из комы.

Словом, чертовидцы вернулись, детка!

Содержание

Предисловие	4
Глава 1 Восставший	5
Глава 2 Мы гоним!	38
Глава 3 Хороший мальчик	77
Глава 4 Лицом к лицу	144
Глава 5 Ночи по-танзанийски	189
Глава 6 Трасса «Р-68»	229
Конец ознакомительного фрагмента.	253

Николай Ободников

Чертовидцы, или Кошмары Брянской области

Предисловие

Всё вымысел.

С уважением, Автор.

А вот и нет!

С ненавистью, Черномикон.

Глава 1 Восставший

Мы снова здесь – посреди микроскопического пятнышка на карте России. В точке невозврата и кипения. В истоке аномальной активности и пассивной нормальности.

Блестящая догадка. Верно, мы – в Ивотé.

Растекитесь в любимом кресле, сделайте поярче свет, чтобы медики по прибытии сразу могли опознать инфаркт, и захватите что-нибудь с собой в дорогу. На сей раз зло шагнет далеко за пределы обреченного городка. Откажитесь от попкорна и содовой. Бокал крови домашнего питомца и скорченный ломтик трупного жира на блюде будут куда уместнее.

Так ваш печальный мертвый образ навеки станет вестником ночных кошмаров.

Кто я такой? Похоже, накануне кто-то провел ночь в обнимку с амнезией. Черномикон к вашим услугам – звезда ¹Полынь¹ любых библиотек.

В прошлый раз вы хорошенько меня засалили. Да бросьте! Это были вы. Прекрасно помню пот и дрожь под одеялом. И ваши мольбы продолжать – вести, пугать и радовать. Хотя казалось, там, под одеялом, вы, истязая руку, предавались блуду. Ведь бывало?

---

¹ Звезда Полынь – один из библейских символов наказаний Господних, горькая и ядовитая кара ослушникам.

Смотрите, это – карта глав и в каждой – жесткая структура. Словечко от меня, раздутое от желчи и сарказма. Отбивка с помощью «итак». *Итак, разрез... разрез-разрез-разрез... до кости.* Затем сама глава. А после – внятный вывод.

Ну-с, начнем.

Подышите на страницы, согрейте их. Дайте почувствовать вкус вашей души. О, вот и он – вопрос, морщинкой бьющий в лоб. Хотите знать дальнейшую судьбу чертовидцев? Ай-ай-ай, переживаете за них. Болеете. Как я и говорил, примите форму кресла и смочите губы.

Впереди нас ожидает паломничество в новую Мекку ужасов – Брянскую область.

Итак, ночь, больница имени Благого Карпа, из благ которой – лишь чётки, позабытые у раковины.

Тело молодого человека содрогнулось от дефибриллирующего толчка в грудь. Последовали неестественные нажимы, выдергивающие из глубин комы, и он широко распахнул желтые глаза. Казалось, чересчур крепкий сон нарушил стук в дверь. Только принесли не телеграмму или горячую пиццу, а кое-что похуже.

Темноту.

– Яд... ядерн... – Булат застонал, не в силах закончить любимую фразу. Неуверенными движениями ощупал себя. Почесал голые ноги. – Ну и где я? – Закашлялся. Легкие словно расправлялись, готовясь к работе на всю катушку. – Госпо-

ди, хоть бы почки не сперли...

Он сел на кровати и выковырял из уголков глаз песчинки, оставшиеся после сна. Огляделся. В темноте угадывались очертания мебели, холодильника, душевой кабинки и телевизора на стене. Предпосылки сложились в неутешительный вывод: больничная палата. И неплохая, надо сказать. Булат перевел потерянный взгляд на окно, взявшее ночь в рамку.

А потом воспоминания тяжелым тараном ударили в голову.

Они с Лунославом – названным братом и напарником, делившим на равных тяготы и заботы бюро «Канун», – продули Бессодержательному – древней и жестокой твари, пришедшей из чертовски холодных бездн космоса. И продули, сто́ит отметить, на славу: Булат, насколько он помнил, уже готовился дернуть святого Петра за бороду (обширная кровопотеря всё же не шутки), тогда как Лунослава, боровшегося за их жизни до последней секунды, похитил Черномикон². Дрянная книжка, что и говорить.

Ими попросту воспользовались, как плакатом из календаря «Playboy» за февраль 2020 года, чтобы дело со шкуркой пошло быстрее.

В результате их постыдного поражения Бессодержательный покинул свое паранормальное узилище, сокрытое в глу-

---

² Вторая книга, которую вы держите в руках, скажет больше и лучше, чем первая. Она дополняет и объясняет «Бюро "Канун", или Ужасы Ивота». Отнеситесь к I тому как к необязательному мифологическому фундаменту. Ключевое слово здесь: необязательный.

бинах царства первобытного хаоса.

– Вот это мы огребли. Вот это мы... Что же я пролежнем валяюсь? – Булат спустил ноги – и грохнулся на пол. Он словно провел обстоятельное заседание на «белом камне раздумий», и теперь конечности знакомо покалывали. – Упал – отжался. Ну? Курс молодого меня!

Оттолкнувшись от пола руками, Булат с довольством отметил, что ощущение «ваты» в членах разом исчезло. Странно. Вскочил, и его задницу обдуло. Он выпучил глаза, включил свет и обнаружил на себе просторную больничную пижаму с кретинским узором из снежинок. Нежный ветерок на волосках ягодиц и никакой опрелости. Как в рекламе.

Лишь в одной больнице Ивота практиковалось подобное безобразие.

– Благой Карп. Только здесь от «дымоходов» прутся. – Булат скривился и сорвал пижаму, оставшись голышом. – А это что еще за хрень?!

На груди распластался внушительный белый волдырь, напоминающий прямоугольник. Около двадцати девяти сантиметров в высоту и двадцати в ширину. Отталкивающее непотребство находилось в том самом месте, где Черномикон, присосавшись, впитывал сакральную кровь чертовидца.

Волдырь колыхнулся. Потянуло ароматом свежего хлеба.
– Новый штамм COVID-19, что ли, подсадил? – Булат вцепился в «пузырь». Пальцы с легкостью проникли под слой белёсой кожи и нащупал что-то твердое и шелестящее,

похожее на бумагу. – Хоть бы не туалетная!..

Его взгляд уперся в диагностическую карту, прикрепленную к изножью кровати. Присмотрелся и понял, что его окрестили чужим именем. Таким обычно обозначали неизвестных. Булат оставил волдырь в покое и взял планшет с документами.

– «Джон Доу³. Поступил с открытой раной в области...» Это я и сам знаю. Кома?! – Он сверился с календарем на стене. – Двадцать второе сентября. Меня вырубili на два месяца. Господи, хоть книжку пиши: «Шестьдесят дней фаллического одиночества».

Настал черед палаты. Булат осмотрел ее и в шкафчике обнаружил тёмно-синие джинсы, черную футболку с принтом «AC/DC: Hell Bells», трусы, носки, позвякивающие сапоги со стертыми каблуками и «косуху». Нахмурился. Кто-то не поленился обновить почти весь его гардероб. Из старого остались только сапоги. С другой стороны, они единственные и уцелели после обращения в демонического волка.

Да уж, последние часы перед комой могли дать фору всей его лихой жизни.

– Ну, здравствуй, милая! – Булат с восторгом оглядел «косуху».

Хороша чертовка. Бычья кожа, косой покрой, зауженная талия с ремнем, молнии у запястий, декоративные погоны и

---

³ Джон Доу – один из многих экземпляфикантов, которыми обозначают неизвестную или анонимную личность.

главное – всё это цвета ночного дождя, прячущегося в переулке вместе с ударом мотоциклетной цепью.

Он оделся и проверил карманы. Вздохнул. Расчески, конечно же, нигде не завалялось.

Внезапно идиллию примерки новой одежды прервал вопль, донесшийся откуда-то из коридора. Судя по характерным влажным обертонам – предсмертный.

– А вот и повод покрасоваться пожаловал.

Булат выскочил из палаты и сейчас же влетел ногой во что-то хлюпающее.

Кровь.

Мерцали поврежденные лампы дневного света. На голубовато-лилейных стенах экспрессионистскими мазками застыли широченные багровые брызги. Тошнотворно разило медными монетками. На синих квадратах пола лежали две медсестры и один врач из педиатрии, судя по вышитому на его халате жирафу. Всех роднили многочисленные порезы и иглы с трубками капельниц, по которым в шею и бока вкачали воздух.

Смертельные инъекции животворящей смеси газов.

– Черт! – Булат кинулся к женщине, изо рта которой с чавканьем струилась кровь, и приподнял её голову, чтобы она не захлебнулась. – Кто это сделал? Где он?! Что стряслось?!

Обветренная рука с обручальным кольцом и скромным маникюром вскинулась и опала. Глаза женщины застыли, следя за неприметной точкой где-то на потолке.

– Покойся с миром. И пусть у твоих пациентов-мужиков никогда не будет тридцать семь и одна. – Булат закрыл медсестре глаза. – Пора немного разобраться в происходящем. Но сперва...

Он на пробу сделал несколько движений корпусом, присел, встал и коснулся пальцами пола и крови. Хмыкнул. С безразличием вытер руки о стену. Каплей больше, каплей меньше – кто заметит? Уборщица-детектив? Тело после двухмесячного воздержания отзывалось на «отлично». Правда, подозрительный волдырь то и дело давал о себе знать.

Булат решительным шагом направился к лестницам. С каждым обнаруженным помещением он всё больше мрачнел. Что-то напало на медицинское учреждение. Напало изнутри. Утешало одно: судя по малому количеству жертв и разбросанным вещам, бóльшая часть персонала и пациентов, кроме тяжелобольных, успела покинуть больницу.

Но помощь не пришла. Тела всё так же сочились кровью, а аппараты ИВЛ всё так же дышали за тех, кто не мог самостоятельно сделать глоток из прозрачного кувшина воздуха.

На втором этаже слышался странный ритмичный звук. Его исток привел Булата в ординаторскую.

На диванчике лежала молоденькая медсестра. Мертвая. Из расстегнутого халатика и порванной розовой кофточки торчали бледные груди, покрытые струйками крови, словно охлажденные десерты – сиропом. Возле распахнутого окна

пыхтел пятидесятилетний хирург, напоминавший своей плешивой и безбровой головой пластикового младенца. Причина беспорядков и циничного кровопролития.

Хирург с маниакальным оскалом насиловал больничную утку. Как мог.

Поблизости валялся старомодный саквояж с порожними капельницами, пилами, реберными ножницами и прочими инструментами, предназначенными для ампутации конечностей и грубой работы с костями. Булат пригляделся: на груди хирурга, в такт движениям, дергался бейджик с надписью «Бёдор Ф».

– Только не говори, что тебя зовут Бёдор Фондарчук. Это кино мне в жизни не досмотреть.

Бёдор с испугом оглянулся. Глаза, будто обведенные чернотой, расширились. Медицинское судно качнулось на эрегированном пенисе.

– Че-чертовидец?! Вы же сгнули! Откуда взялся? Пахло всеми, но только не тобой. Зачем людской смрад сокрыл? Секретики, да?

– Секретики? – Булат задумался. – А что, есть один: сам худ, а яички – с пуд. Где мой собрат по ремеслу?

– Ты ж не знаешь. Твой дружок нынче адским задницам угождает. Так что сфинктер допроси, борода!

Прежде чем Булат успел что-либо сделать или сказать, хирург воткнул себе в шею скальпель и уверенным, широким движением провел им.

Через несколько секунд для одержимого «Бёдора Эф» всё закончилось.

– «Борода»? – Булат с оскорбленным видом подошел к зеркалу, висевшему над аккуратным умывальником. Взглянул на отражение. Обмер. – Боже, и впрямь щетина заколосилась.

Как назло, воды в кране, чтобы привести себя в порядок, не оказалось. Булат в задумчивости ощупал двухмесячные кудряшки, пожал плечами, подобрал чью-то расческу и без колебаний обмакнул в чужую кровь. Затем тщательно прилизал бороду и вернул черным волосам на голове привычное положение.

Несмотря на бесконечный мачизм и неуловимое выражение безразличности на лице, Булат больше всего наслаждался собственной прической. Настоящий кок Элвиса. В тринадцатилетнем возрасте, в подсобке одного магазина, куда проник, чтобы разжиться сигаретами, он увидел плакат короля рок-н-ролла. Красота укладки сразила его наповал. Петь он так и не выучился, зато всем сердцем полюбил музыку. Ну и конечно же, сделал прическу как у кумира и даже отстоял право носить ее.

В уплату привилегии пошел зуб, выбитый возле школы. Булат оглядел себя. Получилось недурно. Этаким худой и бородатый Элвис Пресли с желтыми глазами. Или псих, использовавший кровь в качестве мусса. Как бы то ни было, результат удовлетворил его, и он наконец-то покинул боль-

ницу.

В ночном воздухе распространялись сладкие ароматы осени, несшие в себе горчившие струйки, какие обычно при-манивают мух к очагам гангрены. Звездное небо пестрело нездоровым амарантовым оттенком.

Порождения тьмы и нечеловеческого порядка шныряли по истерзанному городку. В сторону десятого микрорайона проехал объятый красноватым пламенем трамвай с табличкой: «Ул. Олега Кошевого – Набережная Кюбель». Внутри с тихим потрескиванием тлели обугленные пассажиры. У мусорного бака через дорогу отвратительного вида женщина целовала голову пятилетнего ребенка. Блестевшие глазки дитя бессмысленно тарасились в пустоту. На вывеске с рекламой минеральной воды «Жемчуг гор» болталась человеческая кожа. Ее скользкий хозяин, спотыкаясь и пошатываясь, бродил внизу.

И ни одного здорового человека.

Выжившие затаились в уголках собственных квартир-гробниц. Почти все окна первых и вторых этажей, насколько хватало глаз, закрывали наспех приваренные ставни и решетки. Только на восточной стороне перекрестка пересечения Вербной и Павловской работало кафе «Арбузь». Правда, огромный плакат, стоявший близ открытой двери, утверждал обратное. Буквы на нём извещали и гласили: «Бог послал мне срочную телеграмму, и теперь я и моя Лилия на

небесах. Давайте к нам, олухи!»

Ивóт находился во власти потустороннего зла и бесчисленных аномалий.

Увидев всё это, Булат на миг лишился дара речи.

– Я что, апокалипсис проспал? – спросил он. Не выдержав, в гневе гаркнул: – Свет из дома, трупы в пляс?!

Во мраке переулков и навесов вспыхнули десятки кошмарных глаз, напоминая огоньки сигарет. Зашелестели мертвые голоса.

– Чертовидец?! Невозможно.

– На дыбу его! И поиграть! Поиграть с ним!

– Лучше прокатить на капоте!

Голоса сплелись в скандирующий, насмешливый хор:

– Смерть ему! Смерть! С-с-сме-е-ерть!

Булат схватил себя за яйца:

– Ну, так идите и выкусите.

Однако все, ограничившись воплями, разбежались. Никто не рискнул принять вызов того, чья жизнь еще час назад считалась угасшей.

Булат направился в сторону полицейского управления. Там он рассчитывал получить информацию о местоположении Прохора Питонина – вспыльчивого капитана полиции, в свое время прикрывавшего сотрудников бюро буквой закона и классикой табельного оружия.

Если он правильно помнил, нужно было преодолеть каких-то четыре квартала. Четыре квартала, под завязку заби-

тых паранормальным дерьмом! Но это всё же лучше, чем тащиться в южную часть города, где находилось отделение полиции, в котором работал капитан.

К мрачному удовлетворению Булата, он без особых проблем проделал весь путь. Молва о его возвращении разнеслась довольно быстро: дети тьмы спешили убраться куда подальше. Миновав сквер с пунцово-красными рябинами, придулившимся под светом фонарей, молодой человек вышел к полицейскому управлению.

Творилось черт-те что.

Со стороны парковки под открытым небом и примыкавшей к ней дороги, стиснутой домами Богучарской улицы, ковыляли выходцы из могил. Они осаждали трехэтажное здание управления. Многие щеголяли в погребальных костюмах и платьях, припорошенных комьями свежей земли. Нашлись и те, кто шествовал в одной лишь бирке из морга. Особенно выделялась голая двадцатикилограммовая женщина, из чьего Y-образного разреза на груди вытекал черный чай, выпитый сутки назад.

Мертвецы, зеленовато-почерневшие и безразличные, словно буквы, оповещающие о диагнозе «рак», лезли по баррикадам из полицейских машин. Без устали молотили холодными руками в центральные двери. В распахнутых окнах управления то и дело расцветали вспышки выстрелов. Грохот пальбы повторяющимся эхом заливал улицу.

Обороной, к радости Булата, командовал Питонин.

– Олени безмозглые! Бьем в головы! Только в головы! – Капитан, чуть выступив из окна третьего этажа на отлив, напоминал взбешенного зверя, метавшегося на скальном выступе. – Если они прорвутся, я перед смертью каждому из вас ноги переломаяю!

Трупы падали, вставали и иногда отрывали от себя волокна холодного, слизистого мяса, после чего забрасывали его в открытые окна, деморализуя живых. Бледные лица защитников, озаряемые отблесками нагретых пороховых газов, заливал пот.

– Я так больше не могу! Я не выдержу этого чертова ужаса! – Последовал одиночный выстрел, и со второго этажа выпал младший сержант, пустивший себе в голову пилюлю свинцового успокоительного.

Его тело повалило несколько трупов.

Стрельба на миг стихла. Питонин похолодел. Он знал этого кретина. Родион Фокин. Дураку не исполнилось и двадцати. Даже звание получил только в прошлом месяце. Хорошо, что детей не оставил. Да и жена молодая – быстро выправится. Цинично, зато честно.

И всё же... жаль.

Полицейский пребывал в бешенстве и отчаянии. Особенно сейчас, когда Фокина принялись раздирать ненасытные твари.

– Кто еще раз вот так кинет товарищей – оставит семью без пенсии и прочих выплат! Обещаю! Лично всё пропыю! –

Питонин буквально задышался от ярости.

Булат, видя, как младший сержант накрыл собой стол и теперь им ужинают, с сожалением покачал головой. Похоже, на сцене недостает только него. Оперевшись на серебристую «Toyota Corolla» 2012 года выпуска, он горласто крикнул:

– Эй, Капитон! Салют! Как оно? Как жизнь? Как печень? На новую еще не обменял?

Его голос привлек мертвых. Мгновение – и нежить направилась раздутые, варикозные стопы к Булату.

Теплая, хлюпающая плоть!

Впереди ковыляла двадцатикилограммовая женщина с Y-образным разрезом среди отвисших, творожного вида грудей.

Полицейские в окнах с недоверием уставились на Булата. Те, кто отличались особой нервозностью, взяли его на мушку. Все знали, что бюро «Канун» было разбито наголову: один его сотрудник погиб, а второй пропал без вести.

И только Питонин проявил неожиданное здравомыслие.

– Ах ты ж, труподел хренов! – Он разразился дубовым, отшелушенным смехом. – Чего так долго-то, а? Я, что ли, за тебя должен разгребать эти авгиевы конюшни с трупами?

– Только не за оклад дворника. Нашего, из бюро, чего-нибудь не находил?

– А как же! Погоди.

Булат перевел взгляд на мертвецов, усиленно преодолевавших разделявшие их семнадцать метров. Разбил лок-

тем окно тойоты, заглянул внутрь и взялся за магнитолау. На электронном табло высветился список доступных музыкальных треков. Что тут у нас? Классика. Урок немецкого «Неправильные глаголы». Михаил Круг? Прости, но сегодня юго-восточный, а не северный. А это что?

Булат расплылся в довольной улыбке. Это будет в самый раз.

В окне тем временем показался Питонин с двухметровой косой в руках – Костяной. Вопреки боевому имени, которое довольно легкомысленно дал Булат, кошмарная коса целиком состояла из полос углеродистой стали, вырванных из развороченных рельсов. Известно, что родилась она вместе с чудовищным слухом о женщине, перерезанной поездом и охотившейся на путников, имевших неосторожность оказаться ночью на железнодорожных путях.

В бюро «Канун» коса попала в качестве трофея, в те же сутки получив статус любимицы Булата.

Питонин с раздражением заворчал: коса, ощутив близость хозяина, тонко завибрировала. Полицейский прикинул расстояние. Метров шестьдесят, не меньше.

– Дерьмо. Булат, я не докину!

– Доверься ветру, Капитон!

Сотрудник бюро неким шестым чувством ощущал, что Костяная не подведет. Такая необъяснимая уверенность обычно бывает, когда предчувствуешь, что получишь премию – или попадешь под колёса фургончика скучающего

таксидермиста. И то и другое лучше действительно предвидеть.

– «Доверься ветру». – Питонин отступил от окна. – Вот же говнюк. – Затем рванул вперед и, ни на что особо не рассчитывая, метнул косу на манер копья.

Костяная, ко всеобщему вздоху живых, противоестественно перешла в горизонтальное вращение. Скользя по воздуху бритвенным диском, она преодолела парковку с мертвецами и со шлепком влетела в раскрытую ладонь сотрудника бюро. После чего испустила легкую, сладкую вибрацию.

– Снова в деле, да, крошка? – Булат погладил ручку Костяной, плавно переходящую в острое полотно лезвия с кровостоками. Нырнул в тойоту и выкрутил в магнитоле громкость на полную; колонки зашипели. Запустил подобранный трек. – Ну что, восставшие, тряхнем песочком?

Загремели первые аккорды песни «Хочу перемен» группы «Кино», разносясь далеко по парковке и отражаясь от домов Богучарской.

Булат взобрался на крышу продукта японского автопрома, перехватил косу на манер гитары и «заиграл» на ней. Трупы облепили машину. Их руки заскользили по штанинам наглеца, пачкая их землей и мазками формалина.

Раздался харизматичный голос Цоя, и молодой человек влетел в толпу покойников. Добро пожаловать в промышленный усекатель конечностей имени Булата! Костяная на-

резала, крошила и укорачивала.

На лицо подпевавшего сотрудника бюро брызнуло вонючим черным чаем.

Из окон полицейского управления и квартир соседних домов полились восторженные вопли. Сердца вновь принялись толкать по венам надежду и лошадиные дозы никотина. Громче всех кричал, конечно же, Питонин. В основном чтобы не вздумали стрелять и накрывали на стол. Ему-де дорогого гостя принять надо.

За те минуты, что играла песня, Булат расправился с неупокоенными.

Двери полицейского управления распахнулись.

Булат пристроил Костяную на плечи, закинул на нее руки и вошел с таким довольным видом, будто он только что выкосил мозолившую глаза лужайку на заднем дворе, а не расчленял мертвецов. Во взглядах полицейских и горожан читалось вдумчивое изумление. Борода. Волосы в крови. Желтые глаза, будто волк в сумерках затаился.

А потом все зашептались.

– Святой Флорентий, говорили же, помер он! – воскликнул мужик с бельмом на правом глазу.

– Сам ты «помер». Похищали его! Вот прозондировали и вернули.

Но последующая фраза перекрыла все домыслы козырем идиотизма.

– А я слышал, он Пампушку Всевластия нашел, – вставил сублильный очкарик, прибежавший из дома вместе с кошкой. – На член надеть надел, а снять не сумел. Так и ходил – очарованный бубликом.

Все замолкли, внезапно осознав, что такой бред мог изречь только настоящий кретин. Очкарик покраснел.

Булат вздохнул:

– Я был в коме.

– В республике? – с осторожностью уточнил Бельмоглазый.

– Издеваетесь? В настоящей.

Растолкав всех, к Булату пробрался Питонин. Сорокадвухлетний коренастый полицейский, как всегда, с раздражением сопел. За вечно красным лицом, казалось, зрел оглушающий крик. Он напоминал безбородого злобного гнома, узнавшего о неверности супруги, пока он, бедолага, надрылся где-то в копиях и рудниках.

Питонин какое-то время изучал Булата, а потом заключил в медвежьих объятиях:

– Вопрос на пятнадцать суток: выпьешь?

– А то! – Булат рассмеялся. Он только сейчас ощутил, что чертовски проголодался. – Заодно и болты поболтаем.

– Чего?

– Поговорим.

– А.

Под шушуканье за спиной они поднялись на третий этаж,

миновали бежевый коридор со стульями и засаленными следами на стенах, оставшимися от постоянного отирания теми, кому сидеть совсем не хотелось (во всех смыслах), и вошли в последний кабинет.

Внутри, обхаживая один из рабочих столов, хлопотала полненькая блондинка-лейтенант. Она как раз заканчивала вытряхивать из упаковки нарезанный черный хлеб, подвигая его стопкой к нехитрой закуске: перловой каше, соленьям, крупной колбасной нарезке и прочему, что могла предложить скорая рука, недавно державшая оружие. Сквозь приоткрытое окно врывается зловонный ветерок. Под ногами скрипели гильзы.

Питонин с недовольством махнул в сторону девушки:

– Лаванда.

– Горная? – Булату совершенно некстати вспомнилась песня⁴.

– Нет, Гжельская. Из столицы приставили. Поднимать паранормальную целину, а заодно мне – давление.

Блондинка-лейтенант густо и восхитительно зарделась. Глаза напомнили прозрачные голубые блюдца, за которыми скакало нечто щенячье. Булат с безразличием подумал, что именно вот такие, со свисающим жирком, но очень теплые, будто прогретый водный матрас, на первом свидании прикидываются простужками, после чего ночью выжимают из твоей мошонки все соки, словно сливки – из пакетика.

---

⁴ «Горная лаванда», исп. С. Ротару.

– А вы знаменитый чертовидец? – Голос Лаванды прерывался от восторга, будто ее в этот момент подвергали сексуальной асфиксии. – О боже, я думала, вас убили! А вы вон какой... *живучий*. – Фраза получилась довольно зловещей, но никто не обратил на это внимания. – И никто не знал, где вы... И все эти страшные вещи почему-то до вас тоже не добрались... Необъяснимо, да?

Булат покосился на Питонина:

– Капитон, может, наедине потолкуем?

Полицейский показал на свои погоны, на которых красовалось по одной большой звездочке:

– Во-первых, мне дали майора. Во-вторых, вот этого малыша. – Лопатообразная ладонь погладила кобуру с девятимиллиметровым пистолетом «Пернач». – Так что сложи эту производную от «капитана» и моей фамилией трубочкой и затолкай себе в задницу. И в-третьих... Лаванда, пошла вон! Принеси вещи труподелов. И не спеши там!

– Есть, товарищ майор! – Отдав честь, девушка белокурой мышкой выскочила за дверь.

– А ты не меняешься – всё тот же злобный каловый камень, по ошибке именуемый кремнем. – Булат рассмеялся и сел за стол.

Питонин до скрипа стиснул кулаки – и хохотнул. Сдержанность не являлась его лучшим качеством. Но это не влияло на важнейшую и массивнейшую черту характера – агрессивную порядочность, произрастающую из звериной потреб-

ности делать всё правильно. И желательно – с воплями.

Оказавшись в коридоре, Лаванда отвернулась от камеры видеонаблюдения, мерцавшей в западном углу, и позволила себе беззвучно выругаться. Как же ей хотелось разmozжить этому козлу рожу!

«Во-первых, я получил майора!»

«Во-вторых, я получаю членом по лбу! Каждый божий день! Не желаешь ли присоединиться, желтоглазый пидор? Как насчет взаимных ударов?»

Месяц назад ее внедрили в структуру правоохранительных органов. Она просто всплыла ниоткуда. Двадцатитрех-летняя, незамужняя, глупенькая и симпатичная выпускница юридического факультета Самарской академии министерства внутренних дел России. Только училась она, конечно же, не там, а в удушливых казематах, где за оценки ниже «отлично» подвергали физическому насилию и покушались на сексуальную свободу.

Главное, чтобы при этом не поехала крыша. Потому что таких сразу пускали в расход.

По дороге в хранилище вещдоков, где находились прочие игрушки бюро «Канун», она через мессенджер «Signal» отправила зашифрованное сообщение: «Желтоглазый чертовидец жив. Указания?» Ее не беспокоило, что телефон может оказаться в чьих-то руках. Бестолковая коробочка в таком случае немедленно врежет дуба. Лучшая защита ин-

формации. Так что выкуси, «Apple». Оккультные изыскания «ЗОЛЫ» в действии.

Она подошла к металлической двери хранилища и покосилась на телефон. Мессир затягивал с ответом. Не иначе готовился к месопотамскому «ше-гур-куд» – ритуалу смещения душ, когда жертва ценой собственной бесполезной жизни становилась проклятым сосудом для потусторонней сущности. Обычно демонической. Телефон легонько дернулся. Пришло сообщение: «Действуй по инструкции, мой скрытый поросеночек».

Лаванда кивнула и проверила языком уголок рта, точно после оральной ласки.

Булат взял рюмку «Борщевки», осушил и накинулся на разогретую перловую кашу с говядиной. Консервированные волокна парнокопытного приятно запружинили на зубах.

– Что притих, Капитон? Не отставай, а то ничего не останется.

– А я, знаешь ли, не спешу, – огрызнулся Питонин. Его пальцы гладили фляжку. Серебристый цвет. Титановый сплав. Такая и пулю остановит. Станный и порожний подарок жены с размашистой гравировкой «*Ut peculiari*»⁵. – Презент от супруги. И я, черт возьми, понятия не имею, что она имела в виду. Знает же, что могу спиться. И так уже одной ногой в очереди на алкогольную реабилитацию.

---

⁵ «Для особого» (лат).

– Возможно, смысл в том, чтобы держать флягу пустой. С миром-то что стряслось?

Питонин тоже выпил, хрустнул огурчиком, обмочившимся рассолом, и с мрачным видом поведал всё, что знал.

С момента вторжения Бессодержательного миновало два долгих, тяжелых месяца. Тьма, будто холодный саван, накрыла Брянскую область. По ночам порождения нечеловеческого порядка рыскали в поисках слабых душ и плоти. Что-то останавливала пуля, что-то – молитва, а что-то останавливалось, лишь когда насыщалось.

Относительное подобие прежней жизни приносил только дневной свет.

Вдобавок небо приобрело кровавистый оттенок цветков амаранта. Нетипичное атмосферное затенение в тридцать пять тысяч квадратных километров наблюдалось даже с орбиты. Фотографии «лишайной России» доставили немало радости Западу.

Однако сыскалось кое-что похуже.

У всякого, над чьей головой зараженным куском мяса висело тошнотворное небо, появились *пустоты*. Не больше кулака взрослого мужчины, они представляли собой сквозные полости, образовавшиеся в грудных клетках и брюшинах. Смерть таких не забирала, а их органы, лишившись кучности и единства, не вываливались. Разъединённые легкие, желудок, кишечник и прочее – всё оставалось на месте, словно за стенками чудовищной стеклянной колбы.

Метки Безверия, как их прозвали боголюбцы, не коснулись только животных.

Нашлись и те, кто выиграл от этого. Умы, извращенные похотью, быстро приспособили «новые дырки» под «старые нужды».

Брянскую область ожидаемо изолировали. Сквозь кордоны, выставленные на расстоянии трех километров от первых цветковых изменений небосвода, пропускали только эпидемиологов и гуманитарную помощь. Акции заботы и исследования проходили в скороспелых декорациях паранойи: пустоты уродовали каждого, кто имел неосторожность пробить под страшным небом больше суток.

Таких уже не выпускали.

Градообразующую корпорацию «ЗОЛА» на международном уровне признали экстремистской организацией. Однако многочисленные облавы, рейды и засекреченные операции не принесли плодов. «ЗОЛА» растворилась в мировых тенях, оставив после себя, будто в насмешку, пустые помещения, похудевшие банковские счета да пачку мертвых следователей из Интерпола и прочих спецслужб.

Хуже всего пришлось Ивоту, из которого зло брало свой отравленный исток. С закатом мертвые лишались векового сна; вместо детей в колыбелях оказывались грязь и камушки ручьев, в которых после находили пропавших крошек; аномалии и сверхъестественные происшествия стали ненавистной обыденностью. Горожане спешно покидали городок, но

только для того, чтобы так же спешно вернуться.

Потому что покой в ныне проклятой Брянской области остался только на старых фотографиях.

Что касалось Питонина, то он вытащил обескровленного Булата из-под обломков склада и определил в больницу как неизвестного. К удивлению полицейского и врачей, молодой человек наотрез отказывался умирать. Дело оставалось за малым. В те же сутки Питонин, потрясая результатами судебно-медицинской экспертизы, объявил, что желтоглазый сотрудник бюро «Канун» скончался.

Какие-либо вести о Лунославе отсутствовали, равно как и о похитившем его Черномиконе. Оба бесследно исчезли. Не показывался и Бессодержательный – если он, конечно, мог явить себя в привычном понимании этого слова. Радовало одно: дьявольский гул, слышимый в Ивоте на рассвете и закате, наконец-то прекратил терзать уши и нервы горожан.

Сам Питонин «за противодействие паранормальному терроризму», как было указано в приказе о награждении, получил внеочередное звание майора, а заодно – восторженную помощницу-дурочку и высранную, по его словам, кучку новоиспеченных обязанностей. Сюда входили: защита населения от угроз сверхъестественного порядка, а также борьба с ними и координация.

Позабывшись об артефактах бюро «Канун», Питонин растворился в работе. Ничего другого не оставалось, кроме как ждать и надеяться, что желтоглазый чертовидец ко-

гда-нибудь да очнется.

И это, хвала обруганным распятым, случилось.

Булат, сыто отдуваясь, толкнул миску в сторону.

– Ну, спасибо за хлопоты, нянь в погонах, – сказал он. –

А что за пустоты такие?

Питонин с неохотой расстегнул служебную рубашку и задрал майку. Он боялся того, что находилось под ней. Где-то в глубине души он надеялся, что труподел скажет, что всё о'кей, ерунда, к утру рассосется. Но труподел, как назло, с изумлением выкатил шары.

В груди полицейского зияла дыра. Ровные края, напоминавшие бережно загнутый внутрь пластилин. Живой, пульсирующий срез внутренностей, наблюдаемый в полумраке. Казалось, кто-то воспользовался огромным ножом для удаления яблочных сердцевин.

И теперь место главной мышцы организма пустовало.

– Органы без органов? – Булат наклонился ближе. – И как ты? Не продувает?

– Ну, жру нормально, «мотор» тоже вроде как тукает. Всё будто на месте... только не во мне.

Булат кивнул, схватил со стола бутерброд и сунул в полицейского. Прямо в пустоту.

– Сдурел?! – Взбеленившийся Питонин оттолкнул его. – А если я тебе ручищу в зад запихну?

– Я тогда покраснею – прям как ты! – Булат рассмеялся. – Ладно, не скрипи седлом, Капитон. Зацени-ка лучше мою

заразу. – Он не без гордости продемонстрировал загадочный волдырь.

Майор скривился, словно укуса хлебнул, но желудок, будучи закаленным ужасами работы, даже не вздрогнул.

– Похоже на гигантскую ветрянку.

– Только на такую зеленки не хватит. Ну-ка.

Булат просунул пальцы под белёсую кожу – и сорвал ее, будто разваренный, просоленный мозоль. Внутри обнаружился чистый и белый книжный лист. Теплый. Молодой человек с недоверием принюхался, и его брови вскинулись. Невообразимо пахло прошлым, а именно: хлебным духом, разливавшимся по дому, когда каравай, румяный и пышущий, покидал печь.

– Что за чепуха? – Ничего не понимая, Булат дернул нащипку, и бумага отошла с кровавыми ниточками, напоминающими слюни. На груди тотчас вздулся новый волдырь, будто заплатка. – Грибок, что ли?

Он ковырнул мягкую корку новообразования. Из-под волдыря показалась рубиновая капля крови.

Стало очевидно, что следующий «плод» еще не пророс.

– Ты теперь как пустой календарь? – Питонин хмыкнул. – А врачи всё гадали, что за пузырь. Срезать боялись: жизненные показатели падали. И рентген хрен пробивал.

В кабинет с извинениями вбежала Лаванда, погромыхая сумкой с документами, телефонами, зарядными устройствами, термосом, бытовой мелочевкой и кое-чем поопас-

нее. При виде загадочного листа бумаги в руках сотрудника бюро ее глупенькие голубые глаза выразительно округлились.

– Ой, а что это?

Булат хотел отмахнуться, но ответ сам сорвался с губ:

– Часть Беломикона. – И опять мимолетно ощутил струны какого-то невообразимого прошлого... на этот раз принадлежавшего не ему.

В голове у Лаванды всё перемешалось. Желтоглазый ублюдок! Теперь всё ясно. Она подкоркой ощущала угрозу, исходившую от клочка целлюлозы, как будто в руках чертовидца находился спрессованный свет прожектора мощностью в десять тысяч ватт.

– Так вот как Булат Боянович от зла укрывался! При помощи... Беломикона!

– Не уверен, что правильно сказал. Лунтик бы определил, что за листовки ко мне приклеились.

Лист затрепетал и явил на себе довольно примитивную карту, указывающую куда-то на юго-запад области.

– Это же наши края! – ахнул Булат, узнав в сплетении линий знакомые леса, высоты и дороги. – Похоже на координаты Лунослава.

Питонин с подозрением нахмурился:

– Уверен? Индюк тоже думал, да в суд попал.

– Других вариантов всё равно нет. Так что я погнался за напарником. – Булат встал, забрал у ошарашенной Лаванды

сумку, захватил косу. – Кстати, где Алый?

– Ну не в питомнике же! – Майор с недовольным видом бросил ему ключи от уазика бюро.

Булат поднял ключи к глазам и с недоумением обнаружил на них черную жемчужину. Она, заключенная в серебристую оправу-клетку, болталась на цепочке, словно обычный шарик-брелок. Именно в этой форме находился дух ненависти по кличке Алый, обреченный на постоянный сон после контакта с Черномиконом. Лишь один способ позволял ненадолго разогнать дремоту духа: жемчужину требовалось проглотить. Последствия, как правило, изобиловали кровью.

– Мне его теперь со всей связкой употреблять?

– Если приспичит.

– Если приспичит – я кусты найду.

Питонин тоже встал, и они пожатием рук породили хлопок.

– На тебя и Лунослава есть кое-какие планы. Что-то будет привычно, что-то заставит скрипеть зубами. Особенно тебя.

Булат открыл было рот, чтобы отбрить подозрительные поползновения полицейского, но в разговор вклинилась Лаванда.

– Товарищ-майор-разрешите-сопровождать-чертовидца-по-делам-областной-безопасности! – выпалила она скороговоркой, после чего с испугом добавила: – Того... того требуют протоколы из столицы. Ой.

Майор сглотнул, покраснев больше обычного.

– Протоколы? Столица? Безопасность?! – переспросил он, понемногу переходя на взлохмаченный рычанием крик. – Да у меня каждый человек на счету! А из-за всего этого дерьма еще и арбуз с геморрой!

– Я сожалею о размере арбуза, но у меня приказ вышестоящего начальства. – Лаванда вжала голову в плечи, будто опасаясь, что ее стукнут свернутой газеткой. Голос истончился, став похожим на писк мыши. – Его сейчас по факсу скинут! Только не кричите, пожалуйста. А то уши уже болят...

– Беруши приобрети. Булат, погоди. – Питонин вынул из ящика стола упаковку земляничных печений и бросил их молодому человеку. – Только сегодня купил. Как знал.

Сотрудник бюро поймал презент и расплылся в улыбке. Земляничные «Неломаки» от Рот Фронта. Маленькие, твердые геометрические фигурки. Настолько плотные, что не крошатся и не ломаются в кармане. Кому-то вид «неломак» напоминал собачьи галеты, но только не Булату, давно привыкшему таскать их с собой.

– Мои подкаты, Прохор, – с благодарностью кивнул он. – А тебе, белокурая, – хрен, а не роуд-муви⁶.

Обозначив свою позицию в столь категоричной форме, Булат вышел.

---

⁶ Фильм, основное действие которого разворачивается в течение какого-нибудь путешествия.

Когда сотрудник бюро покинул кабинет, Лаванда с немой мольбой взглянула на майора. Паинька. Паинька. Нужно изображать паиньку. К ее облегчению, запищал кабинетный факс, и на его лоток вылез приказ, расширяющий тугие рамки восприятия Питонина.

– Товарищ майор, разрешите следовать за чертовидцем самостоятельно! – с раздражающей назойливостью потребовала Лаванда.

Питонин внимательнейшим образом изучил писульку из столицы. Какое удачное совпадение: стоило труподелу очнуться – и нате – сраная бумажка, обязывающая организовать поиск второго сотрудника бюро. У кого-то слишком много ниточек в руке. И слишком длинный язык. Он уставился на блондинку-лейтенанта. Что-то в ней неуловимо тревожило его. Может, эта ее вечно услужливая мордашка?

– Лаванда, а ты знаешь, что «чертовидцами» ребят из бюро называют только всякие разумные твари? Ты же не одна из них? Ладно, не трясись. Езжай. Узнаю, клин куда вбила, самолично сожру тебя и твои погоны.

– Так точно! Разрешите идти?

– Иди уже. Пока у меня нога пружинкой не дернулась.

Изображая попеременно испуг и смущение, Лаванда выскользнула из кабинета. Чертов козел! Дьявол с ним. Позже. Сперва чертовидцы.

Если повезет, то хотя бы второй из них кормит червей.

Пришел черед традиционного послесловия в конце главы. Разный калибр. Несхожий метраж. Одинаково циничные мысли. Или злословия.

Представьте, что вас нет. Совсем. Что породит ваше длительное отсутствие в жизни? Что произойдет, когда в обойме мира вас не станет? Ответ, как всегда, на поверхности пруда скверных раздумий.

Всё пойдет в рост.

И речь не только о поле, которое вы когда-то удобрили после варенья с косточками. Всё гораздо глубже, чем невесть откуда взявшийся плодовитый куст ягод.

Без вас будет взрослеть ребенок, наливаясь житейской мудростью.

Без вас разрастется дом. Возможно, посвежеет детская, готовясь принять нового визгливого постояльца.

Без вас приблизится к небу дерево, посаженное однажды весной около скрипучих качелей.

Но всё это – с помощью чужих слов, чужих губ и чужих рук.

Причин вашей пропажи – бесчисленное множество. Вот толика из них. Безразличие. Кома. Тюремное заключение. И конечно же, смерть.

Хотите наблюдать рост жизни – зрить новые эмоции дитя, столярничать и отдыхать в развесистой тени? Тогда боритесь. И начните с главной и страшнейшей из причин отсутствия в жизни – безразличия.

Потому что из безразличия произрастает всё.

Глава 2 Мы гоним!

Брянская область не лишена известной полиморфии. Леса под завязку набиты основными лесообразующими породами и лишайниками, типичными для тайги. Встречаются мохноногий сыч, зубр, кабан и насильственная смерть в лице волков или одичавших собак. Вдобавок на подносе природы всегда полно трав, ягод и грибов. Ядовитый вѣх, белладонна и толстая свинушка к вашим услугам. Если вы, конечно, горите желанием стать прошлогодним перегноем.

Но куда больше разнообразия сокрыто в названиях населенных пунктов. Вот, к примеру, сѣла Усох и Лизогубовка, а также деревня Бибики⁷. Несерьезные названия для вполне реальных мест. Они – словно приказы безумного гипнотизера, не правда ли?

Усохни, брат.

Лизни губу, сестра.

Не желаете? Тогда хотя бы бибикните.

Ну же.

БИ.

БИ.

Так-то лучше. Но обратим взор на Дохновичи⁸, а точнее –

---

⁷ Абсолютно реальные населенные пункты Брянской области. Без шуток.

⁸ Еще один реальный населенный пункт Брянской области.

на лесополосу, расположенную северо-западнее этого безрадостного селá. Кажется, деревья здесь так и шепчут: дохнуть или сдохнуть – вот в чём вопрос.

Итак, предрассветные часы, одинокий птичий крик над туманным лесом.

Тающее ночное небо, прочерченное багровым серебром облаков, пересекало преисполненное злобы создание.

Оранжевый клюв с черным кончиком, как у египетских стервятников. Прокаленные кровью рубиновые глазки. Словно позаимствованный у гениев, хохолок из заостренных перьев. Благородная шея, из которой произрастало тело-книга. Оперение цвета угля, растертого с мокрым графитом. На вершинах крыльев-обложки – по когтю. Клиновидный хвост. И конечно же, брюшко из завивавшихся желтоватых листов бумаги.

Черномикон.

Имя, благословленное тьмой.

Благословленное тьмой? Фолиант-птица расхохотался, перепугав скрипучим гоготом аистов, направлявшихся на восток. А ведь кретин-шизофреник, вдохнувший в него жизнь и давший имя, старался. И сваял дурака.

Что поделать? Душа бумажного поэта алкала зла.

Черномикон снова зашелся в вульгарном хохоте. Оглянулся. Может, нагнать и прикончить аистов? Фыркнул. В другой раз. Есть дела повкуснее.

Его мысли вернулись к событиям двухмесячной давности.

Оказавшись в руках сотрудников бюро «Канун», Черномикон исправно нёс службу, оставаясь в форме внушительной книжицы, чьи размеры на пяток сантиметров не доходили до бумажного формата А3. Помогал *Членославу* и *Дебилату* низвергать зло.

Над лесом вновь раздался пугающий хохот.

На деле он подкармливал Бессодержательного, сбрасывая к тому на порог ослабленные порождения зла. А еще – копил и копил силы, запечатывая в себе детей тьмы, чтобы затем использовать их как дорожную карту.

После небольшого ритуала – можно сказать, кроваво-домашнего – темница древнего бога пала.

Тогда же Черномикон освободил всех, в ком больше не нуждался. Но кое-какие трофеи оставил. Серого демона, посланника кратких судеб, сотворившего ужасы Кануна, и Лунослава – потомка того самого безумного меота, что провернул всю эту штуку с пленением Бессодержательного. Паренек, надо признать, быстро учился. Кровь диктовала знания. Опасный противник.

Эта парочка и поныне находилась в нём.

Черномикон с самодовольством каркнул. Последнее время он сдавал лист с чертовидцем в аренду. Носовой платок, подгузник, кустарный презерватив – самые бестолковые и частые способы применения покоренного человека. Полёт мысли начинался, когда лист с чертовидцем использовался

в качестве орудия убийства. За столь милостивую услугу он брал органами тяжелобольных. Но не всегда. Лишь когда требовалось *подпитать* его прожорливое хобби.

Прекратив грезить, Черномикон опустил взгляд. Приблизилась почерневшая избушка, притихшая на краю оврага, заполненного светящимся туманом. Из трубы домика валил дым, неся в мохнатых клубках душок браги и алые огоньки. В сарайчике, находившемся в двенадцати метрах от домика, лежали тела.

Черномикон лег на потоки холодного ветра и спикировал вниз.

Палец с грибковым поражением ногтя щелчком обозначил последние пол-литровые бутылки с красноватой бурдой.

– Двадцать одна, – подытожил subtilный Боягуз, рогатый обладатель неухоженного перста. – Очко! – Аккуратно вписал в листик «21», подумал и к цифрам пририсовал задницу, больше похожую на воронку зыбучего песка. – Слышали? Очко!

Из погреба слышалось сопенье. Затем покрытые шерстью ручищи вытолкали наружу один за одним четыре десятилитровых бочонка с забродившей кровью. Показалась отвратительного вида утробистая харя с покрасневшими глазами и подвижным голым хрящом вместо носа.

– Чел, я бы перекинулся в картишки. – Из погреба выбрался Калач, напоминавший необъятным пузом беременную те-

тушку, а ростом – Бобана Марьяновича из «Филадельфия Сиксерс»⁹. – И накатил бы.

– Накатим так, что лопнем. Дай только сувенирчику при-
быть, – заметил Балда, вожак компашки. Он слонялся воз-
ле ректификационной колонны, следя за свежей партией, на
закладку и изготовление которой ушло почти два с полови-
ной часа.

Балда, Боягуз и Калач отличались не только телосложени-
ем, но и цветом шерсти – рыжий, болотноцветный и фиоле-
товый с подпалинами. Будучи низшими демонами, более из-
вестными в фольклоре славян как озорные бесы или черти,
они представляли собой выходцев из малочисленной касты
ремесленников.

Да, они не ковали неразменные монеты, бередившие
рассудки скряг, или иную проклятую мелочевку, сводив-
шую людей в могилы. Зато варили напиток высшего каче-
ства и порядка – девяностосемипроцентный самогон, основ-
ным ингредиентом которому служила засахаренная людская
кровь. Предпочтение, по понятным причинам, отдавалось
больным сахарным диабетом II и III степени.

Процессу дьявольского самогоноварения вполне хватало
двадцати квадратных метров домика. Здесь же находились
загруженные бутылками шкафы, стол с неразложенным па-
сьянсом и рукомойник с нагревателем. В четырех шагах от
входа стояла ректификационная колонна на пятьдесят лит-

---

⁹ Сербский баскетболист, чей рост составляет 222 сантиметра.

ров. Она же – самогонный аппарат, соединенный с дымовой трубой.

Колыхались от жара линялые занавески. На улице пыхтел бензиновый генератор, подавая в домик свет. Из грязного радиоприемника марки «Hyundai» на повторе в сотый раз играла песня «Самогонщики» группы «Сектор Газа».

Черти то и дело пускались в дикий пляс, с рычанием горланя любимую часть припева:

– Мы – гоним! Мы – гоним! Мы – гоним-гоним-гоним!
Йау!¹⁰

Порядком утомившись клацать копытами по липкому дощатому полу, Балда сделал музыку тише и решил снять пробу. Плеснул розоватое варево в мензурку, взглянул на просвет. Пена отсутствовала. Поверхность гладкая. Легкая мутность и сваренные сгустки крови – в пределах нормы.

Балда опростал мензурку и в задумчивости покатал ее содержимое во рту. Проглотил.

– Больше сладости сыпьте, баламошки! От сахара торкать должно!

В поросячьих глазках Калача мелькнула обида.

– Это всё Боягуз, чел. Кариеса он, видите ли, боится!

– Я? – взвизгнул тот. – А кто гундел, что сахарюшки на заднице потом не разлизать, а?

Балда против воли причмокнул, вспомнив собственные «сахарюшки», опомнился и врезал подельникам схваченной

---

¹⁰ Лучше один раз услышать, чем сто раз прочитать. Включите.

деревянной поварешкой. Болотноцветному удар пришелся аккурат в морду, а вот Калача спас рост, и потому поварешка лишь саданула его по груди. Тем не менее оба взвыли с видом оскорбленных трагиков.

– Может, вы хотите, чтобы нашу продукцию забраковал сам винтажный Ираид? – Голос рыжего вожака опустился до змеиного шепота.

Боягуз и Калач в страхе замотали головами. Черного Козла Лесов, устроителя бесовских пиров, боялся каждый. Никого не прельщала перспектива сантиметр за сантиметром покидать собственную шкуру, омывая себя при этом мочой и кровью.

Тревоги нечисти оборвал властный стук. Окошко домика, выходявшее на смрадный овраг, распахнулось, и влетел Черномикон. Дав круг, он метнулся в восточную часть помещения, безошибочно выбрав «красный угол» – наиболее почетное место в русских избах, где обычно стояли иконы, а сам угол воспринимался как алтарь храма.

Фолиант-птица взобрался на полку, некогда державшую канонизированные лики святых, и утвердился на ней. Со смешком пустил зеленовато-кремовую струйку из-под хвоста. В сладком предвкушении передернулся. Пахло чумовым алкоголем.

– Смерть в дом, рыла. Мой товар, а вы – купец. Обдурите – вам конец.

Боягуз запрыгал, со злорадством поскрипывая зубами:

– Чертовидец! Чертовидец! Чертовидец!

– Сперва подай плату, рогатый.

Балда отвесил Калачу пинок.

– Конечно, конечно, о лепесток перхоти на короне Бессодержательного! – Рыжий вожак расплылся в подхалимской улыбке.

Зазевавшийся Калач протопал к ректификационной колонне. Набрал в миску для взбивания самогон. Маленькими шажочками приблизился к «красному углу» и с неуклюжим поклоном поставил миску.

Черномикон обвел всех тяжелым взглядом, точно сканируя на предмет вшей, и наконец принялся заглатывать плату.

Пока фолиант-птица пил, черти молчали. Они ждали своей очереди, чтобы побаловаться листом с чертовидцем, чуть больше месяца. Желаящие поразвлечься с плененным приборником света исчислялись сотнями.

Наконец порядком осоловевший Черномикон поднял голову. С его оранжевого клюва сполз сгусток крови. Не обращая на это внимания, он нырнул головой в собственное пузо и выдернул обычный с виду лист. Снисходительным и нетвердым взмахом швырнул его чертям.

Листок, будто качающаяся колыбелька, спланировал на стол. Черти вытаращились: внутри, словно за пыльным стеклом, расплывался и материализовывался человек. Его сотрясала крупная дрожь. На кривящемся лице застыло выражение обреченности.

Как из рога изобилия, посыпались идеи предстоящего развлечения. Для веселья годилось абсолютно всё: листы Черномикона износа не знали.

– Хочу им дохлую кошку потыкать, чел! – Калач огляделся, будто искомое животное в требуемом состоянии валялось поблизости.

Боягуз просиял:

– Надо косяк скрутить, говорю вам. Возьмем коноплю, маковой соломки, кожу...

– Угомонитесь, ерохвосты, – осадил их Балда. – Сперва батька качество и нежность бумажки проверит.

– «Батька», – фыркнул Боягуз и едва успел присесть. Над головой просвистела поварешка.

Черномикон перепорхнул на подоконник, предоставляя ветерку возможность высушить под перьями пот, выступивший от обильного питья.

– Сутки, – проронил фолиант-птица, обозначая срок аренды. Закашлялся, и черти не сразу поняли, что он так смеется. – Я теперь как сутенер. Завтра вернусь. И не забудьте подмыть после себя мою малышку!

Сказав так, Черномикон вылетел в утреннюю прохладу. Поскрипывавшие в темноте сосны неторопливо поплыли вниз. Его ничто не тревожило. Да и с чего бы? В конце концов, он же отдавал *не всего* чертовидца. Так что, случись кривоzubому вернуть человеческий облик, он бы узнал, каково это – нести бремя *неполноценности*.

Его смех прокатился по лесу зловещим уханьем.

Черти тем временем сели за карты. Сыграть в «буру». Победитель получал право первой издевки над молодым человеком. А пока Балда постелил лист на стульчик и под аплодисменты подельников с торжественным видом водрузился на него.

Тестикулы рыжего вожака липковатыми мешочками опустились на Лунослава.

Так начались карточная партия и очередной скверный эпизод в недожизни сотрудника бюро.

Булат вглядывался в тонувшую под колесами гравийку¹¹, озаряемую светом фар. Заслышались характерные подвывания, говорившие о наболевшей неисправности, и он с ласковой улыбкой погладил руль.

– Скоро и тебя на ноги поставим.

УАЗ «Хантер» 2015 года выпуска, который они с Лунославом в складчину приобрели, уже давно требовал, чтобы ему поменяли барахлившую коробку передач. И желательно на что-нибудь корейское, как в последних моделях 2019 года. Несмотря на машинные стенания, узик верой и правдой служил им с лета. Тогда же они оборудовали крышу универсальным багажником для Костяной, не влезавшей в салон, а в месте, свободном от креплений, поставили люк.

Булат называл машину болотной ласточкой – за цвет и

---

¹¹ Гравийная дорога.

сходство с птицей в части перемещения по земле: обе двигались по ней с неловкостью и будто с неохотой.

В темноте казалось, что уазик едет по ленте чудовищного конвейера, присыпанного зернами гравия. За кромкой леса наблюдались зарницы далеких пожаров, перекликавшихся вспышками с тошнотворным ночным небом. Булат взглянул на приборную панель. Без малого три часа в пути. Позади двести двенадцать километров. И дюжина съеденных «неломак».

Изредка проносились междугородние маршрутные такси и редкие фуры. Теперь по ночам за руль садились безумцы, утраивавшие тарифы на услуги перевозок, или рабы банков, остававшиеся для финансовых надзирателей обезличенными цифрами с арестованным имуществом. Но такая мысль Булата совсем не радовала.

В двух километрах от Ильбово за уазиком увязалась стая красноглазых лисиц. Гибкие звери, овеянные аурой потустороннего зла, кричали и рыдали тонкими детскими голосами. Но они быстро ретировались, когда Булат притормозил и, развернувшись, проехался по ним, оставляя на колесах испачканный кровью мех.

В пять тридцать, за час до рассвета, Булат подъехал к дорожному указателю на Дохновичи. Фары высвечивали кусты и жирную осеннюю грязь. До населенного пункта оставалось четыре километра, но карта вела на юго-восток – по тропинке в лесную чащу.

Булат захрустел земляничной «неломакой» и сверил данные навигатора с каракулями листа Беломикона. Ну да, так и есть. От указателя придется тащиться на своих двоих, постоянно забирая на восток. Ладно хоть, полкилометра.

Булат заглушил мотор и выскользнул наружу. Встав на подножку, снял Костяную с крыши.

– Налево пойдешь – ведром огребешь. Прямо двинешь – копыта откинешь. Направо попрешься – в Лунослава упрешься. М-да...

Захватив барахливший светодиодный фонарик, китайский «Сопвоу», он углубился в лес. Спустя десять минут вышел к почерневшему домику. Не то избушке, не то жертве пожара.

Из жестяной гнутой трубы валили хлопья дыма, мигавшие алыми огоньками. В овраге позади, в пяти метрах от домика, серебрился туман. Тарахтел бензиновый генератор. В предрассветной мгле выступали контуры просевшего сарая. В распахнутых дверях просматривались очертания застывших тел. Валялась корзинка с красной лентой на плетеной ручке.

Лицо Булата потемнело от гнева. В этот момент фонарик погас, и он отшвырнул его.

Подошел к избушке, вперился в низкую дверь, словно это она во всём была виновата, и занес кулак.

Иной раз Лунославу казалось, что его сознание поруби-

ли на куски. Взяли мясницкий тесак и покровсали, переработав рассудок на неосязаемые, расщепленные фрагменты. Временами он практически не ощущал собственное «я».

И всё же кое-что оставалось твердым и незыблемым – последние воспоминания. Они непотопляемым буюм, помеченным старой охрой, покачивались на штормовых волнах безумия.

Вот он с Булатом, верным и несносным товарищем, нагоняет на территории стекольного завода Влекущего – демона, овладевавшего телами, но не речевым аппаратом жертв. Кровавые похождения этой твари даже получили издевательское название; такое же имело и бюро. Канун! Но не в честь кануна Дня Всех Святых или другого праздника, а как обозначение кануна смерти человека, когда люди совершали ничем не мотивированные самоубийства. Близ таких мертвецов, как правило, всегда отыскивалась идиотская мисочка с остатками необычайно белого риса.

Серый ублюдок ритуально приносил их в жертву, не гнушаясь в том числе и теми, кто в силу малолетства был попросту не способен спланировать и реализовать уход из жизни.

Демон приносил жертвы себе любимому.

Но в зыбкий момент триумфа вмешался Черномикон. Фолиант без особых усилий разделался с ними, будто со скорлупкой упрямой фисташки.

И вот Лунослав уже ощущает черную вспышку, после которой воцаряется беспроглядная темнота. Как песня, интим

под которую предназначался только ему.

Тьма пленила его, раскатала и вонзила в бумагу тысячью игл.

Он и демон пали жертвой долбаной книжки. Бумажный союзник с легкостью обернулся змеей, гревшейся под ребрами у самого сердца.

Казалось, нервная система Лунослава проникла в каждую ворсинку зачарованной целлюлозы. Хоть его тело находилось в необъяснимом напряжении, словно в тревожном полусне, навеваемом лаем собак, сам лист обладал завидной прочностью и гибкостью, становясь, когда требовалось, неотличимым от ткани.

Лунослав чувствовал каждое непотребство, творимое с ним. Временами он напоминал себе жертву группового изнасилования. И его всё пускали и пускали по чертову кругу.

Кто-то довольствовался им как салфеткой или зубочисткой. Но всегда находились те, кто видел в нём инструмент, созданный для убийств. Такова цена противостояния бесконечному злу, в чью рожу они с Булатом так бездумно швырнули перчатку.

Чертовидцы. Смертники. Полноправные участники сражения, начатого еще их предками.

На Лунославе писали смертные приговоры, а потом зачитывали и приводили в исполнение. Женщины, мужчины и даже до последнего не верившие в собственную смерть дети – все становились жертвами слов, начертанных на его новом

теле.

Одна бесплотная сущность, пользуясь острым краем бу-маги, полтора часа вскрывала горло старику из Аркино, селá Комарического района. Резала аккуратно, дотошно – силь-ными руками двадцатилетнего внука, в чьем разуме она угнездилась. К собственному ужасу, Лунослав ощущал теп-ло и вкус стариковской крови, будто ее лили прямиком в рот. После такого обезвоживание представлялось истинным бла-гословением.

Судьба сделала его орудием десятков жестоких расправ. Но одна особенно врезалась ему в память.

Как-то поздним вечером его затолкали в глотку подрост-ку из Стеглянной Радицы. Тот направлялся к подружке, что-бы послушать последний альбом группы «Die Antwoord» под названием «House Of Zef». В кармане поскрипывали ультра-тонкие презервативы «VIZIT». Возможно, он рассчитывал на первый в жизни секс – или хотя бы на петтинг. Закупорив собой пищевод и трахею, Лунослав чувствовал, как препят-ствует дыханию, как в него бьются сопли и слюни, как им давятся, словно шариком застарелого дерьма.

Господи, мама!.. Я задыхаюсь!..

Синюшного подростка в переулке нашла его же подружка, обеспокоенная долгим отсутствием кавалера. Она и правда собиралась подарить ему себя. И она возлегла с ним – такая же мертвая, как и он. Но сперва проказничавший человек из земли дал ей возможность вынуть Лунослава из глотки

покойника. Никогда еще на чертовидца не смотрели с таким отвращением и такой болью.

После голем прикончил и ее.

Сейчас Черномикон подкинул Лунослава в лапы трех мелких демонов. Какие нездоровые фантазии, содранные из медицинских карт умалишенных, роятся в их головах? Его свернут воронкой и пустят по нему яд из желёз лягушек-древлазов? Или, может, его вобьют колышком в ладонь праведника, чересчур громко вещавшего на углу о конце света? Какой сектор выпадет сегодня? Крутите барабан, господин ведущий.

Лунослав с омерзением почувствовал, как на него уселась волосатая задница. Будто на лицо плюхнулась вспотевшая псина. Но в следующий миг всё стало куда интереснее. Неподалеку возникла донельзя знакомая сила. Уверенная. Самодовольная. А еще – несносно язвительная.

Снаружи стоял Булат.

В дверь с силой забарабанили.

Казалось, неизвестный готов был снести ее с петель, если его настойчивое желание войти немедленно не удовлетворят. Черти встrepенулись, не преминув заглянуть друг другу в карты. Впервые за два месяца, что они обосновались в этих краях, кто-то осмелился приблизиться к домику. Либо храбрец, либо обдолбанный идиот. А может, и всё сразу.

На морде Калача сверкнула догадка.

– Коллекторы? – предположил он.

– Какие еще, к нашим бабушкам, коллекторы? – Балда понизил голос. – Боягуз, поприветствуй визитера.

– Бура! – отозвался тот.

Болотноцветный черт открыл карты и схватил покрытую кристалликами кочергу, при помощи которой замешивали кровь с сахаром. Подкрался к двери, затаился. Лапа легла на каленую щеколду и в полнейшей тишине сдвинула ее.

Калач взглянул на карты покинувшего стол товарища: те же три туза, что и у него. Вздыхнул. Ну а кто из них не прохиндей?

Боягуз кашлянул, прочищая горло, и на удивление скрипучим голосом, напоминающим глас немошной бабки, произнес:

– Ох, входите же! Входите!

Дверь распахнулась, и показался Булат. Будто отмахнувшись от мухи, он отбил кочергу, а ее владельца приложил головой об дверной косяк. Хрустнуло, и левый рог Боягуза занозой остался торчать в вязкой древесине.

Нечисть в немом изумлении приоткрыла пасти. Дошедшие накануне сплетни не лгали: желтоглазый чертовидец жив. И сейчас он с ленцой оглядывал убранство дьявольской избы.

Булат, ничуть не удивившись безобразному виду обитателя домика, принялся:

– Рогатые, вы что, самогон гоните?

Калач поднялся из-за стола:

– Ага, чел. А еще – всех в шею.

Балда в нетерпении замахал лапой, показывая здоровяку, чтобы тот успокоился.

– Слыхали, ты мастак косою махать, – обратился он к чертовидцу. – Всив-всив! Так что на рожон не полезем, и не жди. Ты хоть ведаешь, кто мы? Мы...

– Где Лунослав?

Булат еще раз пробежался взглядом по мерзкому интерьеру. Главное, не забывать, что сейчас напарник – бумажка. А где она может находиться? На письменном столике среди писчих принадлежностей? Однако лист с Лунославом обнаружился в совершенно непригодном для письма месте: под сидением рыжего чёрта.

Молодой человек заулыбался, поневоле ощущая, как улыбка мутирует в оскал, с которым он будет резать рогатых уродцев.

– Погоди-погоди-погоди!.. – Балда привстал на одной ягодице и поднатужился.

Зашуршало – и лист с Лунославом наполовину втянуло в задницу чёрта. Снаружи остался виден лишь небольшой бумажный пучок, напоминавший верхушку салфетки из мохнатой тубы-упаковки. Какие ужасы поджидали скованного заклятием сотрудника бюро по «ту сторону» – оставалось только догадываться.

– Держу зад на последнем издыхании. А ты сам знаешь,

распустившаяся прямая кишка всасывает всё, что в нее ни попадет. – Балда изобразил самую невинность. – Только дружка твоего смочет не в Дерьмоленд, а в соседнее, сдвинутое измерение!

Калач хмыкнул:

– Да, чел, не ожидал? У нашего босса в гузне не только ветерок гуляет.

Булат сделал над собой усилие, чтобы не «скосить» эту троицу. Усмехнулся. Да уж, без брюзжания Лунослава и не определить, правду говорят или нет.

– Ваше счастье, что специалист по черным дырам в оной же и застрял. Но это не означает, что я откажусь от идеи нарезать десяток килограммов волосатых суши.

Калач тяжело засопел. Пятачок от перевозбуждения и злости увлажнился.

Между тем Боягуз наконец-то встал с карачек, на которых до этого отползал к столу. Проверил обломанный рог. Проклятая желтоглазая крыса! Теперь до весны ждать, пока новый вырастет.

– А ты выиграй свой листик в забавы-потехи. – Боягуз рассчитывал поквитаться здесь и сейчас. – Или слабó?

– Вы что, сказок обожрались? А если продую? – Время, проведенное в качестве вышибалы и разнорабочего в баре «Прощание», научило Булата тому, что инициатор спора зачастую сам уходил без денег, а в крайнем случае – и без штанов. Так что в этих делах он далеко не безусый юнец, как

говорится.

– Если продуешь, сделаем из тебя «Вишневый Литлер». Ликер с Гитлером на этикетке. – Калач оскалился, пустив слюну.

– Идеология и посыл понятны. Ежели я нагну вас, не видать вам собственных шкур. С живых сдеру. И Лунослава заберу. По рукам?

– По рукам. – Балда издал плутоватый всхрап. Взглянул на оживившихся подельников. – Кто желает начать?

– Я, – поднял лапу Боягуз. Он как раз заканчивал что-то царапать обмусоленным карандашиком на клочках листика, использовавшегося для учета сваренного алкоголя. – Этот мудака мне рог сломал. Так что буду первым. – Повернулся к молодому человеку и вытянул кулаки. – Вот тебе две бумажки. На одной начертано «смерть», на второй – «жизнь». Что выберешь – то и познаешь.

Булат поставил Костяную к ректификационной колонне, едва удостоив отвратительный агрегат взглядом, и сел к столу.

Боягуз и Калач, убрав карты и выпивку, разбавлявшую нехитрый досуг, тоже уселись. Только Балда недвижимо восседал на своем месте, удерживая под собой трофей и заложника в одном лице. Болотноцветный черт, оказавшись напротив чертовидца, положил кулаки на стол и выдал поганую улыбочку. Оно и понятно: на каждой из бумажек находилось слово «смерть».

Старый недобрый трюк.

Булат изобразил глубокую задумчивость – и вцепился в правую лапу чёрта. Выдернул бумажку и, не глядя, что на ней было, закинул себе в рот. Принялся разжевывать. Клочок отдавал мочой и прогорклым луком.

– Ты... ты что творишь, гомик?! – взвизгнул Боягуз, ничего толком не понимая. – Покажи, что там было! Там была «смерть», да? Да?! Там была «смерть», я вам говорю!

Булат проглотил грязную жвачку из целлюлозы и высунул язык, демонстрируя пустой рот.

– Ну сам посуди: я-то откуда знаю, что сожрал? Давай-ка лучше посмотрим, что осталось.

Под зеленоватыми волосинками на морде Боягуза разлилась бледность.

– Ч-чего?

– Показывай, говорю, пока я тебе клешню не отгрыз, чтобы самому посмотреть. Мы же честно играем, да?

Болотноцветный чёрт отвел глаза в сторону и разжал ладонь.

На уцелевшей бумажке расплывалось одинокое слово, изъеденное потом: «СМЕРТЬ».

– Логику чувствуете? – Булат вскинул кулак, будто именно там логика и обитала. – Если осталась «смерть» – значит, я проглотил «жизнь». Один – ноль. Чьи орешки следующими жать?

Черти обменялись многозначительными взглядами, а по-

том в избушке грянул хохот. Нечисть с подвываниями заржала, оценив смекалку сотрудника бюро. Булат лишь пожал плечами. Он с роковыми веселиться не собирался.

– А ты хитрый, чел. Но такой ли ты дже могучий? Борьба станем. – Калач, сидевший по левую руку от молодого человека, выставил косматую лапищу. – Я тебя в порошок сотру и зубы им почищу!

Булат усмехнулся, делая круговые движения согнутой в локте рукой.

Он прекрасно осознавал, что его соперник весит как минимум на сорок пять килограммов больше. Крупнее, здоровее... психованнее. Впрочем, чего переживать, если твое касание может ущипнуть нематериальное и по желанию обжечь любую плоть, сотворенную тьмой? Возможно, это единственное полезное, что удалось выжать из Черномикона.

Два месяца назад, когда он только познакомился с Лунославом в баре, полном трупов, тот зачитал из проклятого фолианта некий текст. В результате Булат обрел способность, выходящую далеко за пределы возможностей обычного человека. Но глубоко внутри он подозревал, что Черномикон не даровал, а обличил скрытый талант. Как если бы нефтедобытчик обнаружил земляное золото, что испокон веков находилась на одном и том же месте.

– Ты ведь в курсе, что *это* от мастурбации? – Булат взглядом показал на волосатые ладони Калача.

– Что от мастурбации? – опешил тот.

– Волосы на хваталках растут.

– Правда, чел? – Замешкавшийся Калач обернулся к подельникам. – А... а у вас тоже из-за этого ладошки волосатся?

– Он тебе зубы заговаривает, кретин! Он... он... – Балда от возмущения не мог подобрать слов.

Воспользовавшись заминкой, Булат схватил противника за подставленную кисть.

Зашипело так, будто на раскаленную сковороду лег нежнейший бекон. Повалил неаппетитный дымок.

Калач засмеялся. Обладая низким болевым порогом, он чувствовал, что аномальное касание чертовидца жжет, но не кусает. Однажды, догоняя в лесу девку, искавшую в ночь на Ивана Купалу цветущий папоротник, он ободрал себе рожу о сухую ветку. И лишь по взгляду пойманной беглянки, то и дело сдвигавшемся вбок, он сообразил, что оставил где-то позади собственное ухо. Только это и спасло девке жизнь.

– Плевал я на боль, чел. – Калач до хруста стиснул руку чертовидца. – Да и на тебя с колокольни – тоже! – И он действительно харкнул в сотрудника бюро.

Плевок пришелся Булату на левую щеку, вызвав у него гневный тик.

– Верблюд свинорылый! – Он на миг прикрыл глаза, чтобы они не лезли на лоб от раскальвающей руку боли, и дал ответный залп слюной.

Боягуз с ухмылкой подобрал кочергу, а Балда облизнулся.

Рука молодого человека зримо – миллиметр за миллиметром – уступала натиску усердно сопевшего здоровяка.

– Не такой уж ты и крутой, Бэтмен!¹² – произнес Калач, похохатывая. Решил, что именно сейчас он и сломает чертовидцу руку, а заодно – шею.

– Не бывать такому, чтобы на Руси молодец какому-то чёрту уступил!.. – Булат с укором смотрел на собственную конечность, гнувшуюся всё ниже и ниже. В голове возник скороспелый план: двинуть рогатому локтем по роже, схватить косу и...

В этот момент о себе дал знать загадочный волдырь.

Образование ощутимо надулось и опало, будто выдохнуло. Из-под «косухи» и футболки сотрудника бюро поплыли ароматы свежего хлеба.

Глаза нечисти покраснели и скрылись в пелене выступивших слёз.

– Он... он бзданул, чел! – Калач, ревя и мотая головой, пытался проморгаться. – Бздеж на соревнованиях! А хлебные и бобовые допинги – *запрещены!* Я ослеп, чел! Ослеп!

Не лучшим образом выглядели и Балда с Боягузом. Они морщили рожи, размазывали по ним желтые сопли и кашляли.

– Дьявол в яйца, ну и вонь!

---

¹² Старый глупый анекдот. Выбегает как-то ночью на улицу обдолбанный наркоман и ломом забивает монашку. Потом вслушивается, оглядывается. Никого. Тогда он победно кричит: «Не такой уж ты и крутой, Бэтмен!»

– Будто луковица в скунсе сдохла!..

Аромат, порожденный волдырем, оказался для нечисти хуже слезоточивого газа.

Булат ослабился и рывком опрокинул лапу Калача, перегнув ее через угол стола.

Раздался сухой хруст, с каким обычно ломается застарелый хлеб.

Калач истошно закричал, напомнив осла на рынке, оскопленного за три медяка. С грохотом вскочил. Из покаленной лапы торчал нежно-белый осколок лучевой кости. Черт налетел на ректификационную колонну и опрокинул ее. Вонь от пролитого самогона окончательно подавила слабевший хлебный запах.

Калач отдышался – боль понемногу слабела – и зыркнул на молодого человека:

– Не только хитрый, но и вонючий. – Напрягшись, он с поскуливанием вдавил осколок кости обратно в плоть и стиснул пальцами рану.

– Нормальный запах, не барагозьте. – Булат развалился на стуле и засмеялся. Такого он, конечно, не ожидал. Взглянул на жоака. – Ты-то, пятачок, хоть пытаться будешь?

Балда забарабанил пальцами по столу. Каждый четвертый стук он пропускал. Нервничал.

– Пить станем. Кто первый обмякнет – умрет.

Булат знал, что хорош на этом неблагодарном поприще. Но для себя он уже давно усвоил: чем ты пьянее, тем доступ-

нее для всякого дерьма. А здесь ему светило макание по самые уши, стоит хоть немного расслабиться. И потому он задрал футболку и показал необъяснимый волдырь на груди.

– Второй желудок. Так что, господа рогатые, квасить могу без проблем и без обеда.

Морды чертей прорезали глубокие морщины.

– И что предлагаешь? – наконец спросил Балда. В его голосе густел и дребезжал страх. Нечеловеческие таланты чертовидца пугали.

– То же, что и ты, – пить. Только не до мертвой синевы, а на скорость. Спорим, я быстрее осушу три бокала пива, чем ты – три рюмки своей бурды? Пивко-то найдется?

Черти с недоверием переглянулись.

– Найдется. Вот ведь жулик, а! – воскликнул Балда. – А в чём каверза?

– А ни в чём. Но есть условие: касаться можно только своей тары. Всё остальное – повторяю: *всё остальное* – трогать или использовать нельзя. Ну так что, вздрогнем наперегонки?

Этим лохотроном, так называемым «Я на расслабоне, ты на выгибоне», Булат добыл себе не один литр пива. Развод, правда, одноразовый, рассчитанный на случайных гостей бара или подвыпивших попугачиков. К тому же он требовал недюжинной самоуверенности. Или непробиваемой мины, подходящей для игры в покер. А эти трое... Что ж, эти трое на гигантов мысли явно не тянули.

Балда сощурился и поманил подельников. Боягуз и Калач, бросая косые взгляды на чертовидца, придвинулись. После двадцатисекундного совещания, сопровождаемого шиканьем друг на друга, они пришли к выводу, что подвоха вроде как и нет. А если он и присутствовал, то, бесспорно, заключался в чём-то ином. Например, в злокозненном штурме косой. Но взять ее не дадут – втроем навалятся. Они позабыли даже о том, что играют на собственность Черномикона. Азарт окончательно и бесповоротно притупил инстинкт самосохранения.

– Как говорится, рассол – напиток завтрашнего дня. – Балда выдал иезуитскую улыбочку. – Принимаем твой раунд, чертовидец. Баламошки, ну-ка, организуйте!

Боягуз заглянул в погребок и выудил на свет божий батарею запыленных бутылок нефильтрованного «Злата Польши», найденных в пожитках егеря, пойманного к северу от домика. Калач тем временем поставил чертовидцу пол-литровые бокалы, а вожаку – три рюмки из мутного стекла и графинчик с богохульным продуктом брожения.

Булат наполнил свои бокалы. Это пиво он знал, хоть и недолюбливал за чрезмерную карамельную горчинку. Рыжий вожак шелкнул пальцами, и Боягуз, закатив глаза, разлил по рюмкам самогон.

Наконец все опять расселись. Черти с недоверием воззрились на сотрудника бюро.

– Чего буркалы лупишь, королюбый? Пей давай – а то не

успеешь. – Булат отсалютовал бокалом и, причмокивая, принялся цедить пиво.

Балда, будто рысак, наконец-то получивший сигнал к старту, с оголтелым видом опрокинул в себя первую рюмку. Вторую!

Взял третью. Подержал. Задумался. Понюхал: не отравлено. Поставил на место. Что-то определенно было не так. Огляделся, ища подвох. Ему ответили встревоженные взгляды подельников. Вид чертовидца внушал нешуточное беспокойство. Тот словно находился в баре, где его под столом ублажала красotka. Казалось, он совсем не торопился.

– Что ты задумал? – Балда так разнервничался, что даже волосатые ладони защипали от пота. – Я же сейчас выиграю. Р-раз – и победа в чум!

В зеленоватых бусинках глаз Боягуза отразился суеверный страх.

– А вдруг... а вдруг он уже их выпил... а мы не видим?!

Калач склонил голову вбок, но так ничего и не узрел. Два бокала всё еще содержали в себе полный объем «Злата Польши».

– Он не может быть шайтаном, чел.

Булат между тем поймал ртом остатки пены и рыгнул, выдохнув пары хмеля. Первая готова.

– Сушило-то как. Не боитесь, рогатые, обгоню. – И он, как ни в чём не бывало, накрыл освободившимся бокалом из-под пива последнюю рюмку Балды, взяв ее таким образом в

стеклянный плен.

– Э... А что это?.. – не понял рыжий чёрт. Он потянулся к бокалу противника, чтобы убраться.

Булат с загадочной ухмылкой шлепнул его по лапе. Попался, кретин!

– А, а, а! Касаться можно только своей тары. Всё остальное трогать или использовать – ни-ни.

Черти будто окаменели. У каждого в широко распахнутых глазах стоял один и тот же дерьмовый вопрос.

Как?

– Чел, выходит, я не могу даже стол потрясти? – Калач напрочь позабыл про сломанную лапу.

– Неа. – Булат взялся за второе пиво. Пил на этот раз быстро и без выкрутасов.

– И сбить бокал чем-нибудь тоже нельзя? – уточнил Боягуз.

– Ну что сказать? И это против правил.

Мгновение ничего не происходило, а потом черти словно с цепи сорвались. Они орали, ругались, брызгали слюнями и обвиняли друг друга в поддавках, плохо сваренном самогоне и еще бог весть в чём.

Булат закончил со вторым бокалом и через силу добил третий. Господи, ну и тяжесть. Он покинул стул, взял Костяную и оперся на нее. В животе булькнуло.

– Я жду, должнички.

Нечисть в страхе притихла. Наступил момент расплаты.

Каждый вдруг ощутил, насколько прикипел к собственной шкуре.

– Конечно, конечно, о желтоглазая и непобедимая бестия! – Балда вскочил, завел руку за спину и вернул ее уже вместе с листом. Заколдованная бумага легла на стол. – А отпусти нас, а? А мы тебе за это службу сослужим.

– Да на кой хрен вы мне нужны?

– А вдруг оказия.

Балда полез пальцами в пасть, вогнал грязные ногти в десну и с неприятным, подсасывающим звуком выломал коренной зуб. Боягуз и Калач с неохотой последовали примеру вожака. Еще два раза чавкнуло. На лист опустились три моляра, напоминавшие подгорелые остатки попкорна, превшего в сыром мясе.

– Беда приключится – кинь их в кипящую кровь. Лучше всего в свою, конечно. Ну, или разгрызи как аспирин. И мы всё сделаем честь по чести.

Булат подобрал зубы и подбросил в руке. Хмыкнул. Убрал во внутренний карман «косухи», подальше от «неломак». Должники всегда нужны. Но потом, когда Бессодержательный сдохнет, он из этих рогатых кретинов всю душу вытрясет.

– Может, и сгодится на что. Но отныне забудете вкус человеческой крови и перебиваться станете чем бог пошлет: малиной, берестой или булкой просроченной. Это ясно? А теперь замрите.

Оробевшие черти застыли, боясь пошевелиться. Булат перехватил Костяную поудобнее и кончиком лезвия выцарапал у каждого на лбу по печатной литере: «Л», «Х» и «О».

– Что там, чел? Ругательство? Не круто. – Калач, которому досталась буква «Х», с озадаченным видом стер со лба кровь.

– Наградная аббревиатура – чтобы с вами дружки не водились. – Булат рассмеялся, сам не понимая, зачем это сделал. – А если серьезно: надурите – головы взорвутся. – Ложь далась легко, но он, к собственному изумлению, ощутил, что это вполне может оказаться правдой. Будто Костяная, испустившая в этот момент легкую вибрацию, стала гарантом его слов.

Черти, не сговариваясь, поклонились, точно обруганные актеры после фиаско на сцене.

– Долг прошедшей платежкой красен, – изрек Балда, пряча ненависть и злобу за фальшивой улыбкой.

– Валите уже, пока я не передумал.

Нечисть сейчас же порскнула в стороны, разбрасывая всё и опрокидывая. Даже Калач проявил завидное проворство, решив бежать через окно. Вскоре бесы покинули избушку и, петляя, скрылись в серебристом тумане, наполнявшем светлеющий лес.

Ни один из них не обернулся... и не забыл.

Булат подобрал лист Черномикона: в нём, словно за белым шумом, виднелся Лунослав, которого то и дело скручи-

вало, будто металлическую вешалку, и растягивало; временами он напоминал вопящего под кровавым небом человека с картины Мунка «Крик».

– Держись, держись, братишка. Сейчас. – Булат вцепился в бумагу, пытаясь разорвать ее, точно пакетик с чаем, но заколдованная целлюлоза не поддалась. – Черт, такая и слона на скакалке выдержит. Ну-ка.

Он вернул лист на стол, отшагнул и с размаху ударил Костяной. Раздался скрип, будто от керамических черепков, и косу выбило из рук. Сбросив несколько бутылок, она отлетела в «красный угол». Самогонная вонь опять дала о себе знать.

Булат с раздражением достал из «косухи» дважды сложенный фрагмент Беломикона. Тот засиял, напомнив кувшинку, облюбованную светлячками. В следующее мгновение листы Черномикона и Беломикона, похожие как два близнеца, но с разными оттенками кожи, поднялись на два метра в воздух.

А затем – сложились.

Бумага невообразимо проросла сквозь бумагу.

На долю секунды возникла клубящаяся мгла – и из нее выпал Лунослав. Задев спиной стол, он грохнулся на пол. Левая рука угодила в бутылочные осколки. Побежавшая из свежего пореза кровь смешалась с сатанинским алкоголем.

От молодого человека разило нечистотами. Порванные сандалии настаивали на плотном ужине. Летние брючки и рубашку покрывали мазки чужих экскрементов и рвоты.

Темные волосы, имевшие едва заметный ореховый оттенок и некогда образывавшие на голове «горшок», подступали к бровям и накрывали уши. В отросшей бороде застряли отвратительные хлопья неопределенного цвета. Карие глаза неудержимо вращались, точно разболтанные телескопы.

– Лунтик? – Булат расхохотался. – Лунтик! Братишка! Ядрен батон! Дрищ ты мой любимый! – Он обнял товарища, несмотря на вонь, и покрутил.

Они действительно напоминали братьев. Одногодки, разменявшие по четверти столетия каждый. Примерно одного роста – около метра восьмидесяти восьми. Правда, Булат всегда казался выше за счет своего обожаемого кока Элвиса. Вдобавок Лунославу не доставало пары-тройки килограммов мышечной массы, чтобы совсем уж не провисать на фоне поджарого напарника. Впрочем, всё это он с лихвой компенсировал уникальными талантами, бравшими начало в безумном предке.

– В одном поезде родился день... в нём же он и умер, – прошептал Лунослав с потерянным видом. – Потому что ехал тот поезд больше суток. Авторский фильм, однако...

Булат нахмурился. Потом расплылся в широкой улыбке и угостил напарника «сливой». Костяшки указательного и среднего пальцев крепко зажали товарищу кончик носа.

– Б-Булат?! – Лунослав не верил глазам. Издаваемые им звуки так и норовили распасться на части. Он заикался всякий раз, когда сильно волновался. – М-Матерь Божья, жи-

живой!..

– А ты зарос, Лунтик. Только по слепку зубов и узнал. – Булат свято верил, что настоящая крепкая дружба требовала циничной и зачастую издевательской честности.

И повод для подобных подколок имелся.

Благодаря диастеме¹³, между верхними резцами Лунослава можно было впихнуть зубочистку, тогда как неровные и сдвинутые соседи по челюсти могли запросто позолотить ручку дантисту.

На глаза Лунослава навернулись слёзы. Черт, да он готов был разрыдаться! Больше никаких убийств и вкуса чужой крови. Больше никаких всхлипов задыхающегося человека, что обволакивают тебя, словно гель! Больше...

Булат без лишних слов еще раз обнял друга.

– С возвращением, брат.

– У тебя борода? – Лунослав потрогал себя за подбородок. – И у меня тоже?.. Сколько меня не было-то? И как ты умудрился выжить?! – Вид напарника, умиравшего от кровопотери у него на руках, ноющей болью отозвался в сердце.

– А вот это, шаман-брат, та еще история. Но вот ее краткая версия: пока мы с тобой два месяца отсутствовали, всё развалилось.

– Развалилось?

– Да. Ты как? Сам двигаться в состоянии?

Лунослав сделал нетвердый шаг:

---

¹³ Щель (щербинка) между центральными резцами верхней челюсти.

– Вроде да.

– Обопрись. – Булат подставил плечо и помог напарнику переступить сбитый порог и выйти наружу.

Сверкал утренний лес. Потёки тумана неторопливыми щупальцами уползали в овраг, на дне которого, казалось, кто-то едва слышно стонал. Близ распахнутого сарайчика с телами на ветру покачивалась корзинка с лентой. Бензиновый генератор всё так же неумоимо перегонял литры топлива в напряжение электросети.

А над всем этим пламенели тошнотворного цвета небеса, подоженные всходящим на востоке солнцем. Казалось, золото сентябрьского рассвета душила красная волчанка.

– А... а что это с небом? – Лунослав задрожал. При взгляде на неестественный бордовый оттенок, заполонивший небосвод, кружилась голова. – Оно же... оно же цвета дьявольской марганцовки!.. Боже. Это из-за Бессодержательного? Где он? Где эта тварь?!

– Затаилась. Большого не знаю, брат. Так что ход за нами. – Булат с сомнением оглядел товарища. – Но сперва наведаемся в бюро – приведем тебя в порядок.

– О! Полцарства за ванну, парикмахерскую и чистую одежду.

– А получишь – душ, бритву и трусы без прорех!

Они засмеялись.

– погоди, – сказал Булат и заскочил обратно в избушку.

Там он сдернул грязные занавески с окон, поджег и швыр-

нул на пол, залитый самогоном. Огонь вспыхнул почти сразу. Сгоравшие сгустки крови взвивались светящимися алыми точками.

Наконец Булат покинул домик, из щелей которого уже валил мерцавший дым.

– Слушай, Лунь, а ты всё ощущал, пока бумажкой был?

Лунослав побледнел. Говорить об этом не хотелось. По крайней мере, не сейчас.

Господи, мама!.. Я задыхаюсь!..

– Ощущал больше, чем хотелось бы.

– И что, у того рыжего чёрта и вправду в заднице находилось какое-то параллельное измерение?

– Шутишь? Нет, конечно. Тебя надурили. Но спасибо, что не стал рубить сплеча.

Булат замер, обдумывая услышанное, а потом весело хохотнул:

– Вот ведь паршивцы.

Они опять рассмеялись, после чего направились к уазу, ступая по влажной тропинке. По дороге они связались с отделением полиции Погарского района и сообщили о найденных трупах. До Питонина не дозвонились: майор с кем-то разговаривал по телефону. Так что беседу отложили на потом.

А позади огонь всё пожирал и пожирал обителище зла.

Лаванда притаилась в кустах шиповника, находившихся

в тридцати метрах от полыхавшей избушки. Она всё видела: желтоглазый ублюдок преуспел в уличных развлечениях и вернул в строй напарника. Как неудачно.

Она выдохнула сквозь стиснутые зубы и постаралась расслабиться, хоть ее и потряхивало от сладкой, зудящей злобы, убежавшей куда-то вниз живота. На лицо привычной маской напоззло глуповатое выражение, глаза по-детски расширились, словно в них проплыло отражение голубого воздушно-го шарика. Достала телефон.

– Товарищ майор! Разрешите доложить? – Голосок блондинки-лейтенанта разливался беззаботным птичьим щебетом. – Тут такое! Такое! Булат нашел Лунослава, представляете? И тот жив, да! Клинья, как вы и обозначили, не вбивала. Да. Только наблюдение и страховка. Труподелы на второй линии? Я думала... Поняла. Есть заткнуться! – Она с подчеркнутой вежливостью завершила вызов. – Коз-зел.

О, она будет лебезить и притворяться полной дурой. Если понадобится, она раскинет ножки перед этим уродом, изображая похоть и страсть. Бери меня, лошадиный ты кусок дерьма! Но, к ее неизбывному облегчению, майора волновали только работа и собственная жена, с которой они образовывали довольно странный союз. Та женщина, которую она видела всего раз, уравнивала его дикость.

Лаванда поджала губы. На очереди – визит к *настоящему* начальству. А там не ругали, не лаяли в лицо и не объявляли выговор. За неудачу попросту сносили голову с плеч. Если

не хуже.

Одернув ненавистный китель, она по северо-западной тропинке вернулась к служебной машине.

Как часто вас имеют? Как часто к вам пристраиваются сзади, чтобы посопеть и посокращаться, точно английский мастиф над замершим в ужасе пудельком?

Именно такая аналогия приходит на ум, когда на пороге появляются страховые агенты, коммивояжеры и прочие шулера жизни, запакованные в брючки и белые рубашки с галстучками.

Они, точно средневековые алхимики, превратят свинец ваших пенсионных накоплений в чистейшее золото. Пообещают спасти душу – свободную от финансовой шелухи и имущества. Ведь Боженку интересуют только нищие идиоты. А за сущие гроши оформят медицинскую карту и трехдневную путевку в «лучший» санаторий области, чтобы наверняка быть уверенными, что со среды по пятницу вас не будет дома.

В-ВУП.

В-ВУП.

В-ВУП.

Именно такой звук издают маховики лохотронов и черных схем. Если вы их слышите, значит, кто-то, свесив язык, уже видит в вас курчавого пуделька. Ну что, дружок, поиграем? Аф-аф.

Верный способ распознать мошенников – это их незамысловатый вопрос: «Как к вам обращаться?» Верный, потому что вселенной на самом деле глубоко насрать на то, как вас зовут. Но есть такой же верный ответ, ознаменовывающий противостояние этим ублюдкам.

Всегда без стеснений отвечайте: «Обращайтесь ко мне – "мой господин"».

Глава 3 Хороший мальчик

Если заглянуть под ковер, именуемый *временем*, под ним непременно обнаружится пыль. То минувшее. Проведем по нему рукой. Еще разок. Еще. Вот, теперь видно хорошо. Пылинки лет сложились в слово.

Ивот.

Обычный поселок с населением в шесть тысяч душ, основанный аж в 1800 году. Ничего примечательного или броского, словно звон в порожней бочке, что случайно задела ногой. Так бы и катиться Ивоту не востребуемым по годам, но в начале третьего миллениума на поселок позарилась градообразующая корпорация «ЗОЛА», чье лоснящееся от успеха лицо приманивало инвестиции со всего мира: Великобритания, Франция, Гонконг и даже Катар. Тогда оккультные изыскания «ЗОЛЫ», точно тлеющие огни шахт, еще не привлекли к себе столько внимания.

В результате прихода «ЗОЛЫ» северо-восточнее поселка возникло его более современное продолжение – будто из неприветливого мистера Хайда в строительных муках родился доктор Джекил¹⁴. Поскольку любой населенный пункт России с количеством жителей двенадцать тысяч мог претендовать на статус города, уже в 2002 Ивот пускал в небо

---

¹⁴ Повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Стивенсона.

воздушные шарик и красил ночь в цвета салюта, праздную взросление.

Так новоиспеченный город обрел два непохожих района – Старый Ивот, территориально совпадавший с границей прежнего поселка, и Новый, ставший урбанизированной услугой корпораций и крупнейших частных компаний, таких как «X5 Retail Group», «НЛМК» и других мастодонтов бизнеса.

Новый Ивот стремительно расширял границы ойкумены¹⁵, напоминая процесс подъема дрожжей, и уже к 2009 площадь района приблизилась к ста квадратным километрам, поставив сам Ивот на второе место после Брянска по многим показателям. Однако в 2010 году промышленный и экономический расцвет сменился загноением.

Наступил чертов Канун.

Пятнадцать дней самоубийств. Свыше шестидесяти тысяч жертв. Почти треть всего населения городка.

Кладбища всходили быстрее домов.

Говоря об Ивоте и о событиях Кануна в целом, один брянский депутат VII созыва, выступая в своем пижонском пиджачке по местному телеканалу «Брянская Губерния», изъяснился так: «Скажите спасибо Господу Богу, что население этой бородавки росло не так быстро, как она сама». К ужасу социологов, мнение политика, пусть и не в такой резкой форме, разделяло большинство. Соседние области. Россия.

---

¹⁵ Ойкумена – обитаемый мир.

И даже мир.

Городок почти семь лет напоминал тяжелобольного, единственным лекарством для которого оставалась разогнанная в стволе пуля. Но Ивот так и не обратился в город-призрак. Последние три года на его небосводе всходила счастливая звезда, поднятая временем, сгладившим кошмары Кануна, и к 2020 городок отжился.

В Новый потекли деньги, люди и судьбы.

Грянул второй Канун, вернувший всё на круги своя и даже больше. Основной удар приняло одноименное бюро, состоявшее всего из двух сотрудников. Их поражение проторило путь куда более чудовищному злу.

Суеверия, предрассудки и страхи, казалось, навеки осели в Ивоте. И если Старый держался молодцом, то заброшенные проекты Нового повергали сторонних наблюдателей в тоскливый ужас. Вообразив недоделки Нового района картой тела, можно обнаружить, что место аппендикса приходится точь-в-точь на метрополитен.

О нём и поболтаем.

Подобно отростку слепой кишки, недостроенное метро из десяти станций и протяженностью тридцать два километра вело в *никуда* и в *никогда*. Именно эти два слова оставили чиновники и метростроевцы в лице «China Railway Construction Corporation» городку, когда его захлестнула первая волна самоубийств. Подземку забросили, и в любви к ней признались диггеры, бродяги и гонимые ливневыми во-

дами крысы.

Однако с недавних пор исчезли и первые, и вторые, и даже третьи. Ибо во мраке гулких туннелей возносилась песнь смерти.

Итак, Новый Ивот, закат, нервозный променад в сквере.

Софья намотала поводок на руку и примостилась на краешек скамейки Первомайского сквера. Вздорный носик, едва не утонувший в рыжих волосах, подброшенных ветром. Карие глаза с проблеском беспокойства. Джинсовый плащик. Она взглянула на декоративную вазу с агератумом, стоявшую по правую руку, и поджала губы: розовато-аметистовые цветки невообразимым образом навели на мысли о сексе.

НЕНОРМАЛЬНО.

Она поелозила тазом, борясь с неуместным зудом, который так и хотелось достать, смять в руке и кинуть куда подальше – с глаз долой, из лона вон. Перед глазами всплыли лица одноклассниц, кривящиеся в насмешках: «Дай им "по-есть киску". Кинь горошинку на язык. Да не будь ты такой стремной! Иначе эти мысли тебя со свету сживут!»

– Не сживут, досужие вы стервы! Не сживут! – Софья опять поелозила тазом. Стало полегче.

В свои пятнадцать она еще хранила женскую целомудренность, старательно отменяя философию ровесниц. Особенно тех, кто за одни только выходные умудрялись побыть стойлом для многих жеребцов. Хотя естество ее, конечно же, бу-

шевало и на свой лад гневалось, требуя мужского внимания.

Господи, как же порой хотелось, чтобы ее изнасиловали!

Только напористо и... нежно!

И чтобы у всех на лицах были маски!

На одной лестничной площадке с ней проживал симпатяга Платон – или Платоша, как его называла бабка. Этот девятнадцатилетний студент, обучавшийся в Брянском государственном аграрном университете, появлялся дома лишь в конце недели. Эти дни всегда проходили для Софьи под знаком *желания*. Или вернее – ЖЕЛАНИЯ.

Поблизости крутился двухлетний черный лабрадор по кличке Гендальф Слюнявый. Не имея ничего общего с одноименным магом, он тем не менее когда-то представлял собой живой пример слова «слюнявый». Еще в трехмесячном возрасте его выделила не особая статья, или окрас, или еще что, а повышенное слюноотделение, совершенно нетипичное для породы. С возрастом это, конечно, прошло, но гравировка на медальоне нет-нет да и напоминала о славных обслюнявленных деньках и занавесках в гостиной.

Прошли пожилые мужчина и женщина. Мужчина кашлял, показывая спутнице носовой платок, то и дело прикрывая им рот. Они спешили домой. Софья бросила взгляд на столбовые часы, располагавшиеся в шести метрах от западного входа в сквер.

Полседьмого.

Приход темноты ознаменовывал собой не только появле-

ние зла, прятавшегося днем в подвалах, бойлерных и на чердаках, но и урезал время выгула. Теперь оно зависело от границ световых суток, неуклонно сужавшихся по мере приближения зимы. Бедным собакам приходилось всё больше терпеть.

Солнце зловещим желтком тонуло в искривленной линии горизонта.

Софья хлопнула поводком по ладони. Пора. Может, по возвращении заглянуть в душ? Несколько горячих струек, направленных в нужное место, могли бы на время унять беспокойные мысли. Главное, не поглядывать на штуkenцию лабрадора. Это уж точно было бы нездорово.

– Генди, мальчик мой, не держи всё в себе. Удоби что-нибудь. И домой-домой – под одеяло на самоизоляцию.

Гендальф скользнул по хозяйке вопрошающим взглядом. Ее изменившийся запах явственно говорил о течке. Пёс огляделся: самцов, желавших устроить свадьбу на манер собачьей, не наблюдалось. Как странно. Неужели люди настолько не разбираются в запахах? Он гавкнул, показывая, что услышал и понял команду. Затем присел за щербатым цветником, что примыкал к каменистой северной тропинке.

Среди облетающих красных кленов потянуло гнилостными миазмами.

– Фу, Генди! Господи! Что это? – Софья зажала носик. К горлу подступила тошнота, точно мир вокруг заполонилидохлые голуби, как тот, что они видели по дороге в сквер. –

Ты знаешь, что твою попу нужно запретить – как оружие массового поражения?

Гендальф, закончив свои дела, обнюхал свежую и гладкую кучку. Нет, его «добро» пахло иначе, привычнее – подтухшей переработанной говядиной. А вот новый запах казался донельзя... противоестественным.

Ветер, будто проклиная повитуха, зашептал в кронах темнеющих деревьев.

Софью прошиб необъяснимый озноб. Вспомнилось старое поверье, утверждающее, что чувство внезапного холода вызывала чья-то поступь по будущей могиле человека. От этих мыслей стало совсем не по себе.

– Кто здесь? У меня собака! Она ваши косточки вмиг перемелет! – Софья покосилась на лабрадора, и у нее перехватило дыхание: тот, поджав хвост и вздыбив шерсть на загривке, рычал.

Гендальф наконец узнал душок, этот ни с чем не сравнимый сладковатый аромат разлагающейся плоти, формалина и накрахмаленных клеенок из морга.

Так смердели мертвецы.

По ночам, когда хозяйка и ее родители, накаченные феназипамом, спали, он стоял у балконной двери. Вслушивался. Привычный ночной шум, обычно состоявший из гула поливомоечных машин и редких такси, развозивших гуляк по домам, уже давно сменило сосущее безмолвие. Но тишину то и дело прорезали крики, или рёв пожаров, или шелест ног,

бредущих в полумраке под светом уличных фонарей.

Мертвецы.

Они что-то искали. Охотились. И встревоженный Гендальф запрещал себе лаять, опасаясь привлечь разлагающиеся тела.

И одно из них, судя по всему, ступило в Первомайский сквер.

– Ко мне, Генди! Ко мне! – Лицо Софьи покрыли бисеринки пота. – Домой-домой. Вот молодец.

Убедившись, что собака послушно потрусилась следом, девушка сделала шаг по направлению к кованной арке, украшавшей восточный вход в сквер, и налетела на незнакомца. Неизвестный вонял так, словно представлял собой поданный на ужин сыр «Зловонный Епископ»¹⁶. Разило протухшими грушами и таким же тошнотворно гнилым мясом. Как-то отцу Софьи, военному юристу, презентовали подобный сыр, так ее едва не вырвало – прямо в лицо сырного дарителя. То еще воспоминаньице.

Взгляды живого и мертвого встретились.

Софья с надрывом завизжала. Десятки сравнений, уместных и неуместных, пронеслись в ее голове.

Мертвец! Монстр! Тварь, проклятая Богом!

Пиджак запыленной плетью болтался на одном плече. Наружу выбивалась рубашка, не имевшая рукавов. Изодранные брюки без одной штанины являли взору курчавый сморщен-

---

¹⁶ Мягкий английский сыр из молока коров глостерской породы.

ный пах. Открытую плоть, блестящую черноватым цветом, характерным для гниения, покрывали белейшие опарыши. И лицо. Это ужасное, безразличное лицо, на котором никогда не возникнет интереса даже к твоей боли.

Бескровная длань с одной только манжетой вцепилась в волосы девушки. Отражавшийся в мутных зрачках закат напоминал огни траурного кортежа.

– Гендальф! Фас! Возьми его, мальчик! – Софья уперлась в тощую грудь мертвеца.

Ее правая рука, попав в прореху рубашки, погрузились в топь разлагавшихся органов. Хлюпнуло. Истерия захлестнула девушку, и она снова испустила крик, из которого исчезла вся наивность, уступив место грубому, хрипящему ору.

Гендальф, до этого ни разу в жизни не кидавшийся на людей, прыгнул на мертвеца. В голове лабратора красной точкой пульсировала одна-единственная мысль: защитить. Укус пришелся на оголенную лодыжку, прорезанную руслом из толстых опарышей. Холодная, загустевшая кровь заполнила пасть Гендальфа; мясные черви ощутимо скользнули в пищевод вместе с неосторожным глотком. Пса тотчас стошнило остатками собачьих консервов.

Труп с равнодушием саданул Софью кулаком по голове, будто вбил гвоздь в крышку гроба. В глазах девушки вспыхнуло, и она обмякла в чуть липковатых руках. Мгновением позже ее поволокли прочь из сквера.

Гендальф задрожал всем телом. Налетел. Укус вызвал

очередные рвотные позывы. Он остановился, выдавливая из себя, словно в лихорадке, кашистые последыши желудка.

Труп с Софьей на руках зашаркал по Волхонке на юго-запад, направляясь к центру. Гендальф потрусил следом. Вид хозяйки, безвольно распластавшейся на руках дохлого двуногого чудовища, ранил его. Он с надрывом залаял. Надеялся привлечь хоть чье-нибудь внимание.

Однако улицы, опыленные багровым закатом, пустовали.

Изредка в окнах домов отодвигались занавески и возникали бледные лица, на которых читались сожаление и мелочная радость: *хорошо, что не меня и не моих близких*. Гендальф не понимал, почему так происходит, отчего люди не могут быть стаей. Он лаял, громко скулил, с царапаньем просился во всё, что хоть отдаленно напоминало двери.

Без толку. Люди боялись.

Так они миновали Волхонку, пересекли Пятницкую и вышли на Ангарскую. Показался безлюдный перекресток, пересечение Ангарской и Лихоборских Бугров. Именно здесь, в двенадцати метрах от проезжей части, находился спуск в метрополитен, который так и не достроили в 2010 году.

Сверкала огромная буква «М» с застывшей под ней синей табличкой: «Станция "Балтийская"». Первая из десяти станций по единственной ветке, дававшей под землей крюк по Новому Ивоту.

К подземке стекались фигуры, от которых тянулись танцующие, гротескные тени.

Гендальф заскулил. Мертвецы!

Все они, точно дьявольские сборщики подати, тащили оглушенных людей. Жертв объединяла юность и, возможно, что-то еще, чего лабрадор понять не мог. Многих отличали полученные увечья. Трупы не церемонились. Гендальф окинул носильщиков смерти затравленным взглядом и пристроился за тем, кто тащил его хозяйку. Ее он ни за что не бросит. Никогда.

Вместе с остальными они спустились по гранитным ступеням и прошли сквозь смятую раздвижную решетку, некогда блокировавшую вход в метро. Гурьбой ринулись через турникеты. Последовал затяжной спуск по неподвижному эскалатору. Покойники не спешили: омертвевшие ноги плохо подходили для преодоления высот.

Сама станция оказалась довольно узкой и тесной. По чьей-то прихоти освещение работало. На западных путях стоял электропоезд, на три четверти сокрытый туннелем.

Мертвецы, полупадая, стаскивали ноши на восточные пути. Старательно избегая контактного рельса, подававшего питание на поезда, они исчезали во мраке. Гендальф спрыгнул и затрусил вместе со всеми. От третьего рельса тянуло озоном. Душный, зловонный ветер порывами бил навстречу, как бы говоря: зазеваешься – и тебя размажет несущийся поезд.

Перед «Селигерской», где-то на третьем километре, покойники вливались в северо-западный рукав.

Прошагав в гулкой тишине еще пять минут, Гендальф очутился во внушительном подземном депо с отстойно-ремонтным корпусом. Выезд, ведущий на поверхность, закрывали приваренные к рельсам щиты. Где-то с беспокойством шумела вода.

И сотни, сотни мертвецов – покачивавшихся, словно горелые зёрна на стеблях. Все они внимали одинокому мужскому голосу, шедшему из дальнего края депо.

– Так, эта не подходит. Мимо. А этот уже труп. Перестарались. Ладно, пусть будет. К остальным его. Тут у нас тоже не девственник. И эта давалка. А это... – И всё в таком же духе.

Гендальф взобрался на вагон-платформу и увидел говорившего.

Неизвестный носил бордовую худи без рукавов, рваные линялые джинсы и грязные кроссовки. В накинutom капюшоне, стоявшем колом от засохшей крови, будто бильярдный шар, крутилась голова. Выпадающие волосы. Стянутые едва заметным косоглазием серые глаза в рамках синяков. Татуировка глаза на подбородке.

Руки мужчины не имели жил, мышц и жира. Они походили на обглоданные, разбитые артритом омерзительные позвонки, произраставшие сразу из плеч. Костяные деревяшки, заменявшие пальцы, со стуком бегали по длинному посоху. Сам посох представлял собой невообразимо растянутые мумифицированные человеческие руки. В наверхии,

образованном из скрюченных кистей, бился мутный зеленый огонь.

Мужчина сортировал добычу. Он принохивался к принесенным, потом с сипением выдыхал, будто страдая от астмы. Гендальф удивился: неужели страхолюдина, кроме вони, заполонившей депо, может разобрать что-то еще?

Тех, кто не проходил малопонятный отбор, оттаскивали в сторону и душили прямо на рельсах. Парня в клетчатой рубашке. Подростка, выбежавшего в сумерках на улицу, чтобы расплатиться за неудачный фант. И многих других. Затем огонь посоха вспыхивал, и убитые вставали. В ряды мертвецов вливались еще свежие, молодые тела, которым предстояло сгнивать прямо на ходу.

Гендальф не знал, кто всем заправляет, зато неизвестный в рваной толстовке полностью отдавал себе отчет в том, кто он.

Когда-то за спиной трепались, что у него повадки эрегированного пениса. Этакое характерное подрагивание, словно в предвкушении безраздельной власти над влагалищем. Обычно подобная *стойка* проявлялась в общении с подчиненными, говоря о его истинном отношении к ним.

Когда-то он получил при рождении имя Пелагей – заготовку для девочки. Только родился страдающий легкой формой косоглазия пацан.

Когда-то, в прошлой жизни, он наделал немало ошибок.

Проработав на Ивотском стекольном заводе без малого почти всю гребаную жизнь, он добрался до кресла директора. Но сладкие девочки и шипучка окружали его совсем недолго.

«ЗОЛА».

Всё чертова «ЗОЛА».

Выкупив контрольный пакет акций, она вышвырнула его вместе с друзьями на улицу. Ублюдки нуждались в заводе, тогда как он отчаянно нуждался в деньгах и хорошей жизни. Последующие несколько лет он рвал жилы, пытаясь заново пробиться в люди. Но характер, призывавший мазать дерьмо на других, чем разгребать его, давал о себе знать. И он вернулся в Ивот, горя желанием пустить «ЗОЛУ» по ветру.

Глухой мартовской ночью к воротам его коттеджа прибрел довольно скользкий тип. Предложил абсурдное: пойти путем, противным Богу. А напоследок оставил занятную книжицу, содержащую ритуалы племен Восточного Камеруна. Колдовство, убийства, демонические начала и всё такое.

И он, черт возьми, увлекся.

Сколотив шайку из таких же обиженных кретинов, он основал местечковый культ, промышлявший в районе Старого Ивота.

Черное Солнце.

Красивое и идиотское название, подходящее для какого-нибудь бабского коктейля. Он тогда еще не знал, что «ЗОЛА» практиковала создание подконтрольных групп оккуль-

тистов и фанатиков. Их, как разменные монеты, швыряли в пасти астральным сущностям и заталкивали в глотки властям. Обычная практика.

Черное Солнце оказалось одной из них.

Просто шуты, похитившие восьмилетнего пацана, чтобы призвать какую-то там тварь. Но вмешались два молодчика из бюро, нанятые папашей мальчика. Только не настоящим, а приснившимся. Немногим удалось унести ноги, когда ожившее сновидение рубило их в том чертовом подвале.

Кошмар, приснившийся ребенку, привел помощь! Возможно ли такое вообще?

Тем же вечером его схватили громилы «ЗОЛЫ». У него в руках выращивали насекомых, прозванных «кровавиками». Вымерший вид дохристовых времен. Прожорливые жучки питались исключительно живой плотью. В итоге конечности иссохли, став подобием пергаментных улыбок. Потом беспмятство. Очнулся он уже в одной из больниц Нового Ивота.

Без рук.

Но это не помешало дебилам в полицейской форме прикопать его к кровати. За сраные ноги. Да что он вообще мог ими сделать?! Пробить пол?! Сплясать чечетку?! Наследить?!

На втором часу после пробуждения он узнал, что спасением жизни обязан тем самым типам из бюро «Канун». Спасли?! Да они просто отрубили его злогребучие руки!

Беспомощный калека, который не мог даже поонанировать, – вот кем он стал.

На третью неделю реабилитации он услышал перекликавшиеся голоса.

Забери нас.

Покачай.

Убаюкай на груди.

Поначалу это казалось забавным: его, преступника-инвалида, одолевали слуховые галлюцинации. Но мир снаружи слетал с катушек, и он принял собственное безумие.

Как-то, попросившись в туалет, он избил ногами медсестру. У нее даже что-то хрустнуло в шее. Счастливица: она хоть могла схватиться за место удара.

Через шахту для сброса белья он добрался до прачечной, а уже оттуда – до подвала и подземной парковки. Голоса направляли его

Растерянный и загнанный, он очутился у герметичных баков с органическими операционными отходами. Однако источник голосов обнаружился не в контейнерах, а за ними.

Вещали его отрубленные руки.

Будто долговязые любовники, они сплелись в иезуитский посох, лежавший в сырой темноте. Зеленоватый огонь наверху пульсировал. Он знал, чувствовал: непостижимое существо, вторгшееся в Брянскую область, благословило его ампутированные конечности, превратив их в совершенное оружие мести.

В оружие, которое он, черт побери, не мог взять!

С губ посыпались сухие смешки, вестники истерического

смеха, – и плечи пронзила боль. Из бинтов и обветренных шрамов рвалось нечто. Он упал, с воплями собирая телом грязь. Контейнеры с органическими отходами задержались. Когда всё закончилось, он встал и потер онемевшее от крика лицо.

Почувствовал рельеф черепа под кожей.

Новые руки были прекрасны и совершенны. Он заглянул в контейнеры: мешки с органическими отходами сдулись. Посох привел к материалу, послужившему стабильной основой для новых дланей.

Голоса, шедшие из пламени наверху, шептали пропахшие кровью тайны. Он понимал, что занимается чистой водой некромантией – крепит власть над мертвыми. И каждый раз он улыбался, когда думал об этом. Потому что занятие некромантией имело признаки высокой должности: ты ни черта не понимаешь, а всё работает.

Своих первых кадавров он воскресил в больничном морге. Патологоанатом, взвешивавший желудок подавившейся за обедом женщины, в итоге остался без своего. Славный обмен любезностями, что и говорить.

Укрытие нашлось в недостроенном метрополитене, куда ни один человек в здравом уме не сунется. Диггеры и всякие бродяжки не в счет.

Потекли ночи террора, когда мертвецы, слоняясь по улицам и проспектам Нового Ивота, выискивали и задирали живых. И всё же мышечная масса орды нарастала не так быст-

ро, как хотелось бы.

Решение подсказал посох.

По счастливой случайности и инженерному недоразумению именно здесь, в депо, находилось техническое помещение с доступом к водопроводным трубам. Они шли от станции водоподготовки, где воду отстаивали, фильтровали и обеззараживали, до водонасосной, откуда вода уже распределялась по всему городку.

Спор между «Ивотводоканалом» и железнодорожниками о трассе водопроводных труб зародился еще на заре планировки Нового района. Одним грозило затопление, другим – загрязнение. Однако компромисс был найден, и в депо организовали аварийный доступ к трубам, тогда как основную их магистраль, погрузив глубоко в землю, отвели далеко на запад.

Требовалось всего ничего – отравить бежавшую в город водицу.

И травануть ее следовало так, чтобы жертвы после смерти сразу обращались; чтобы не пришлось совершать паломничество в их поисках. В таком случае приrost трупов, по его самым скромным подсчетам, составит около двадцати тысяч. И это только за первые двое суток.

Тысячи и тысячи холодных, безжизненных тел, шагающих сами по себе.

На самом деле он не нуждался в крови тех, кто, будучи половозрелым, не имел коитуса с противоположным полом.

Для ритуала осквернения воды сгодились бы и шлюхи. Главное, чтобы сердца бились. Да, бзик. Да, причуда. Но ему отчаянно хотелось идти по новому пути *правильно*. Может, он просто старомоден?

Настал черед полуголого чернеющего трупа в опарышах. Мертвец прошаркал к некроманту и, держа за волосы девушку в джинсовом плащике, предъявил ее. На скуле жертвы набухал бордовый синяк.

Пелагей приняхался. Ароматы тел многое ему говорили. Эта пахнет как детская присыпка с корицей. В яблочко. Барыня о сексе только мечтает. Он щелкнул пальцами.

– Приковать ее. Эта последняя. Остальных – в расход.

Гендальф с осторожностью пробирался под электропоездом, стоявшим в восточной части депо. К счастью, зловонные фигуры не проявляли к нему интереса. Они, точно очарованные, не отрывали мертвых глаз от навершия посоха. Некоторые душили притащенных людей. Кое-кого, под истошные вопли, украдкой ели.

Пасть жгло. Похоже, он чем-то заразился, когда попробовал на вкус голень трупа. За всю свою короткую жизнь ему лишь раз понадобилась медицинская помощь. В апреле он подцепил крохотного клеща, засевшего в складках шеи. Хозяйка удалила насекомое, а ветеринар сделал инъекцию от пироплазмоза¹⁷, хотя сам лабрадор проблем со здоровьем не

---

¹⁷ Достаточно серьезное заболевание у собак, вызываемое клещами.

испытывал.

Сейчас же казалось, что на губах, деснах и даже языке поселились десятки клещей. Маленькие жгучие уколы вынуждали держать рот открытым. Слюни срывались пенистыми клубами. В уголках зрения собирались черные мшистые точки. Запахи обострились, даже по собачьим меркам.

Он прокрался к концу поезда. Владелец посоха как раз заканчивал изучать Софью, будто мясную вырезку на рынке. К вящей радости лабрадора, хозяйка чем-то приглянулась страшиле, и ее потащили к семи жертвенникам, представлявшим собой выскобленные и оборудованные кожаными ремнями бетонные блоки.

У северо-восточной стены находилась комнатуха с обвалившимся входом. Внутри, под аварийным освещением, маячили вентили, латунные манометры, измерявшие давление воды, и массивные, рокочущие трубы, чей диаметр, около тысячи миллиметров, обеспечивал высокую пропускную способность. По одной из труб будто прошли консервным ножом. За короной погнутого металла пенился быстрый поток воды.

Шесть из семи жертвенников в основном занимали девушки-подростки. Нашлось место и пареньку, сплошь усеянному угрями. Губы жертв стягивали тонкие красные черви, не давая воли голосу и чувствам. Всё, что оставалось несчастным, – извиваться и всхлипывать, ощущая, как во рту скапливается кровь.

Софью определили на свободное место, и Пелагей стянул ее запястья и лодыжки ремнями. Девушка стукнулась головой, и ее глаза открылись. Сперва в них ничего не отражалось, кроме искреннего непонимания. А потом влажным блеском сверкнул страх.

Визг ударил тонким звуковым росчерком. Софья ощутила на себе благодарные взгляды прочих жертв. Пелагей поморщился и наотмашь ударил девушку, словно уличную девку, не умеющую работать ртом. Губы Софьи треснули и онемели. По щекам побежали слёзы.

Гендальф едва сдержался. Он не боялся смерти и готов был спасти хозяйку ценой собственной жизни, но даже он, верный и любящий друг, понимал, что не преуспеет. Расчистить путь вряд ли удастся; кончина будет напрасной. Ему требовалась подсказка. Или приказ. Что угодно.

– Тишина – это уважение к жрецу и залог хорошего питания в столовой, – заметил Пелагей без тени иронии. – Ты на удивление чистая и непорочная. Ни капли в рот, ни сантиметра в зад? Или это про гомофобов? Не помню.

Софья перевела взгляд на отвратительные руки мужчины. Ее парализовало от страха. Рот сам по себе стал открываться для вопля.

– А, а. – Пелагей погрозил пальцем.

Она кивнула, показав, что не будет кричать. В ушах звенело.

– Секс – занятие не слишком увлекательное, да? – полю-

бопытствовал Пелагей. Он сунул руку в карман толстовки и выудил горсть красноватых червей. Выбрал самого тонкого. Пальцы скользнули по капюшону и вернулись с цыганской иглой, побуревшей от крови. – Может, у тебя медортофобия¹⁸? – Голос сочился участием, но взгляд шизофреника утверждал обратное.

– Я... я не знаю, что это. Пожалуйста, не надо!..

– Малышка, ты хранила целомудренность. Пришла пора воспользоваться одноразовым даром природы.

– Прошу, прошу, прошу, вас!.. У нас есть деньги!.. Всё, что скажете! *Прекратите!*

Некромант вдел червя в иглу, пустил узелок и решил начать с уголка рта, где у девушки находилась аккуратная родинка. Гендальф запрыгнул к жертвенникам, привстал на задние лапы и ткнулся мокрым носом в ладонь хозяйки. С безмолвной просьбой заскулил. «Скажи, скажи, что мне делать!» – читалось в его взволнованных глазах.

– Гендальф?! – Софья со всхлипом рассмеялась. Она совсем позабыла о нём. – Гендальф! Мальчик мой!

– Гендальф? – Пелагей с недоумением воззрился на черного лабрадора, встретившего его взгляд рычанием. Потом вперился в колыхавшийся массив мертвецов. – Собак тоже убивайте! Неужели всё надо разжевывать?

Мертвая масса гниющих тел колыхнулась. Первым к жертвенникам полез уродец, притащивший Софью. Расто-

---

¹⁸ Научно доказанная фобия (страх эрегированного пениса).

пыренная угольная пятерня с содранными ногтями потянулась к псу.

– Помощь! – В голосе девушки стальной струной звенела истерика. – Приведи помощь, Гендальф!

Пёс замешкался, не ожидав, что его отошлют. Потом всё же гавкнул и молнией нырнул под поезд. Над головой зашелестели ребристые перегородки днищ вагонов.

– Гендальф. – Пелагей в задумчивости воздел глаза к потолку. – Да пускай бежит себе. Кого он, в сущности, приведет? Хоббитов, что ли? – Он склонился над Софьей. – Нука, дорогуша, стисни губки.

Гендальф услышал позади крик хозяйки. Глаза лабрадора застили слёзы. Но он выполнит приказ, хоть тот и бил в самое сердце, переполненное любовью. Ведь он – хороший мальчик.

Через несколько минут Гендальф уже летел вверх по ступеням эскалатора.

В голове шумело. Казалось, где-то плещется озеро, давя на уши. Запахи сделались до боли яркими и болезненными, будто каждый из них обрел собственную неоновую подсветку.

Лабрадор выскочил на безлюдный перекресток. Хворое небо уже вызвездило.

Он приведет помощь, спасет обожаемую хозяйку. Но люди не стая – крысы за шторами. Значит, надо разыскать тех, кто хоть немного похож на собак. Но кого? Кто это? Ка-

кие-нибудь собачьи боги? Гендальф с пронзительной тоской завыл, обращая взгляд в гипнотизирующий звездный небосвод.

Явитесь же, о святые покровители верных лабрадоров!

Один из запахов обрел нездоровую, противоестественную насыщенность. Буквально шибанул в нос. Ветер принес странные ароматы. Пахло свежей, пружинистой выпечкой, от которой закатывались глаза, и земляничными «неломаками», отрадой любого пса. К этому примешивался неповторимый библиотечный букет – с ворсинками бумаги, оседающими на языке.

Тянуло откуда-то издалека. Гендальф ужаснулся, поняв очевидную вещь: будь он здоров, ему в жизни не удалось бы уловить эту смесь ароматов. Похоже, зараза, вгрызавшаяся в тело, приблизила его к похитителю хозяйку. К Человеку В Капюшоне. А значит, времени не оставалось.

Гендальф, царапнув асфальт, рванул на поиски.

Несколькими часами ранее.

К ступеням Ивотского дома культуры, двухэтажному блекло-оранжевому зданию, центру празднеств и всех мало-мальски значимых драк в Старом Ивоте, подкатил уазик бюро. Ветер гонял листву. Покачивались тени, рожденные игрой вечернего солнца в кронах лип и тополей. Пролетарская казалась пустынной и позабытой, точно дорога, ведущая к обрыву.

Лунослав с мрачным видом покинул место пассажира. Сдернул с шеи колодку из подвесных ароматизаторов, в которых просидел всю дорогу от Дохновичей. В раздражении повел плечами: от него разило как от бочонка с квашенной сельдью.

– Боже, ну и амбре. Не забудь потом сиденье помыть. – Булат выпрыгнул из машины. – А еще лучше – сожги и поставь новое.

– Сам, что ли, лучше? – огрызнулся Лунослав. Ароматизаторы полетели в урну. – Волосы кровью уложил, будто дамочка-каннибал с залива Галвестон.

– Красота требует жертв.

– Если только человеческих.

По дороге Булат рассказал о больнице, танце с косой и беседе с Питониным. Лунослав, напротив, говорил с неохотой. Будто прорывался через психологический барьер. Но и того, чем он поделился, хватило, чтобы напарник изменился в лице. Позже они созвонились с Питониным, и майор загадочно посулил бюро «Канун» государственную опеку, что бы это ни значило.

Вдобавок Лунослав осмотрел волдырь на груди напарника. Длительный контакт с Черномиконом еще два месяца назад пробудил внутреннее око, доставшееся, видимо, в наследство от безумного предка. Не то чтобы Лунослав всегда понимал, что видит, но иногда и ему везло. В данном случае вывод напрашивался сам собой: в Булате зрел антиблизнец

Черномикона. А еще новообразование испускало радужное сияние.

Причина появления Беломикона так и осталась тайной за семью печатями.

Молодые люди взошли по ступеням. Пепельно-серая вывеска, бившая по глазам красными буквами, извещавшими о графике работы бюро, валялась в полуметре от входа – расколота надвое. Тяжелые двери Дома культуры застыли распахнутыми вратами. В проём золотистой поземкой тянулся след из листьев.

– Вот что это, а? – Булат подобрал половинки вывески. – Будто отзыв из каменного века. Интернет же на дворе. Пиши разносы по самое «не хочу».

– А они и написали. – Лунослав кивнул в сторону послания, оставленного на стене губной помадой. – «Вечная память красивому дураку».

– Даже и не знаю, кого имели в виду. Если красавца – то меня. А если дурака...

– ...то тоже тебя. Как же помыться охота.

Лунослав прошествовал в прохладный холл. Старое здание казалось заброшенным. Ни тебе голосов вокальных групп, ни топота танцевального кружка, чьи занятия приходились на полседьмого вечера. Вообще ничего. Не слышался даже телевизор из каморки склочника Герасина, отвечавшего за помещение музея истории.

– Похоже, ни души.

– Так вернем жизнь в этот склеп. – Булат, зажав под мышками пострадавшую вывеску, поспешил в восточный коридор.

Бюро «Канун» базировалось на первом этаже, напротив входа в концертный зал, и занимало два рабочих кабинета, разделенных гипсокартонной стеной: приемную и зону рабочих встреч.

Раньше здесь обитала какая-то шишка из администрации вместе с помощницей, пока Канун не смял и эти жизни. Кабинеты отскоблили от крови и сдали в аренду. Правда, пули, отправившие мозги чиновника и его секретарши проветриться, так и не сумели выковырять из бетонного потолка. Приняли соломоново решение: заштукатурить.

Вскоре после начала работы на поприще противодействия паранормальному Лунослав и Булат погрязли в круглосуточных дежурствах. Так, незаметно, мало-помалу, они практически переехали в бюро. Причем Булат въехал не только с гантелями, скоростной скакалкой и подшивкой «Penthouse» за 2018 год, но и со средствами по уходу за волосами.

Ввалившись в кабинеты, молодые люди замерли.

Лакированные двустворчатые двери из натурального дуба оказались взломаны. Горчичного цвета диванчик для посетителей давился поролоном, лезшим из рваных дыр. Место компьютера с вечно открытой «Косынкой» пустовало. На полу пестрели фантики от леденцов «Кармолис» и шелуха от семечек. Поваленные стеллажи с литературой оккультно-

го толка закрывали проход во второй кабинет. Только бухгалтерский сейф, развороченный в свое время изнутри Черномиконом, не вызывал оторопи.

Лунослав ощутил, как задергалась правая нога.

– Только бы «сменку» не порвали. Я же тогда натурально с катушек съеду! – Он обогнул журнальный столик, служивший полем боя для шашек и партий в «Каркассон»¹⁹, и протиснулся в зону рабочих встреч.

Здесь всё осталось нетронутым: тахта и еще один диван, обеденный гарнитур, шкафчики с личными вещами, укромный закуток, отправляющий нуждающихся напрямиком в совмещенный санузел. Обыденная обстановка насторожила Лунослава. Он заглянул в комод с одеждой. На футболке лежало зеленое яблоко, настолько великолепное, что, казалось, именно оно снималось в рекламе всех мыслимых и немыслимых соков.

А еще яблоко едва заметно двоилось.

Лунослав осторожно поднял его за черенок:

– Булат, а ты в курсе, что к нам наведальось нечто пострашнее банальных вандалов?

– Анальные скандалы? – отозвался тот, выкладывая на подоконник половинки вывески. – С чего взял?

Лунослав вернулся в приемную тем же лазом под стеллажом.

---

¹⁹ Настольная игра, суть которой сводится к построению ландшафта и захвату получившихся областей.

– С того. Полюбуйся. – Он подобрал вилку с засохшими остатками лапши и ткнул яблоко. Кожица лопнула, и из проколов, будто колбаски гнилого фарша, полезла земля с дохлыми мошками. – Плоть неуспокоенного погоста в натуральной оболочке. Хочешь?

– Сам давись такой некондицией. – Булат поднял опрокинутый самовар, некогда притащенный им в бюро, и заглянул внутрь. И сразу же мотнул головой, будто от пощечины. – Эти уроды еще и в бабкину любовь насрали!

– Это еще куда? – Лунослав швырнул яблоко вместе с вилкой в мусорный пакет.

– Куда-куда! В самовар!

– Ну, знаешь ли. Я больше чай из него пить не стану.

– Еще как станешь! Дай только время, хлорку и шелковую тряпочку.

Где-то через полтора часа, разделив брюзжание на двоих, они навели относительный порядок. Затем Лунослав избавился от провонявшей одежды и побежал в душ. Рука сама схватила шампунь напарника. Мягкость кашемира и красота в полном объеме! Булат взялся за чистку и дезинфекцию самовара. Закончив с первоочередными потребностями и самоварным долгом чести, молодые люди сбрили бороды и подравняли друг другу волосы старыми канцелярскими ножницами.

Получилось, как ни странно, фасонисто и свежо.

Гендальф задыхался от бега. Губы жгло, будто по ним ползали мириады рыжих муравьев. Он кашлял, хватал саднящей пастью воздух, но не сбавлял скорость. Над головой сверкало бриллиантовое поле оттенка крови. Людей на улицах и проспектах почти не встречалось. Горожане прятались, пережидая очередную карманную ночь дьявола.

Лабрадор свернул на Викторенко и помчался по Черному мосту – километровому транспортному перешейку, одному из трех основных путей, соединявших районы Ивота. Божественный запах вёл именно в Старый. На дне оврага под мостом злилась безымянная речушка.

И чем хуже ему становилось, тем явственнее он понимал, куда требовалось бежать.

Прошлепав по одной из луж, Гендальф остановился, чтобы утолить жажду. Бока ходили ходуном. Вода, оставшаяся после дождя, пролившегося в полдень, несла в себе радужные разводы машинного масла. Лабрадор наклонился и застыл как вкопанный.

Из подрагивавшей лужи на него смотрел отвратительный и мерзкий пёс. Побитая язвами шерсть. Поросшая кривыми хрящами морда. Мутно-белые глаза. Развалившаяся пасть скалилась, пуская слюни.

Гендальф запаниковал. Он не такой, он – хороший мальчик! Лабрадор ударил лапой отражение, и поверхность лужи вновь стала пристанищем машинного масла и пластикового стаканчика.

Он бросился вперед, обжигаемый мыслью, что времени почти не осталось.

Лунослав оглядел себя. Походные светло-коричневые штаны с обилием карманов. Красно-оранжевые кроссовки. Футболка с надписью «Ем гусей и избирателей», полученная на халяву в апреле прошлого года на митинге, устроенном какой-то левой оппозицией. Кивнул, удовлетворенный увиденным, и наконец вышел в приемную.

Булат как раз заканчивал вертеть краником самовара, разливая чай по кружкам. Аромат вишневых веточек и сушеной малины сводил с ума. Казалось, рядом должны были раскинуться яства. Гурьевская каша с орехами и сухофруктами! Калачи на сметане! Расстегаи с осетриной! Однако близ кружек валялась лишь горстка земляничных «неломак».

Сам Булат то и дело проводил пальцами по свежесбритому подбородку. Его волосы, вымытые и тщательно уложенные в кок Элвиса, вороньим крылом блестели в свете ламп дневного света. За окном давно стемнело.

Лунослав присел на край дивана, подальше от порванной обивки, и взял кружку. С опаской принялся. Взял «неломаку» в форме треугольника, закинул в рот. Поморщился. Как это вообще есть? Словно окаменевший пенопласт, сбрызнутый ягодными духами.

– А есть что-нибудь посушестьнее?

– Лапу не дам. – Булат тоже расположился на диване. –

Сам сосать буду.

– Издеваешься? Твои лапы самовар от дерьма чистили.

– А еще – стригли чьи-то плохо промытые сальные патлы.

– А вот за это спасибо: окончательно аппетит испортил.

Они сделали по глотку. Говорить не хотелось. Горячий и духовитый чай, словно заботливый хозяин, раскладывал мысли по полочкам.

Заслышался собачий лай. Запыхавшийся. Обреченный.

Сотрудники бюро, недоумевая, переглянулись. Лай прокатился по коридорам, и в приемную влетел черный лабрадор. Дрожа всем телом, он с шумным свистом втягивал воздух. Шерсть свалялась от пота. Глаза смотрели, но будто не видели. Пасть оставалась открытой.

– Матерь Божья, некроз! – ахнул Лунослав.

Морду пса покрывали оспины язв, похожие на следы, оставленные сигаретами. Больше всего досталось губам, деснам и языку. Некоторые язвы имели гангренозный черный цвет. На таких собрались капли крови, напоминавшие маленьких пиявок.

– Черт, приятель! Как же тебя угораздило? – Булат вскочил, чтобы набрать воды странному гостю.

Лунослав поднял руки, показывая, что ничего дурного не сделает, и оглядел собаку.

– Надо бы удалить увлажненные очаги и наложить атраumaticкую повязку. Ты, дружок, определенно контактировал с мертвой плотью.

Гендальф разразился надсадным лаем. Он не верил своей удаче. Загадочное благоухание исходило от этих двоих. Аромат книжных ворсинок витал вокруг кареглазого, а второго окутывал духмяный запах выпечки. А еще от них тянуло волшебными «неломаками».

Собачьи боги собственной персоной!

Несмотря на тупую боль, стягивающую мышцы, Гендальф запрыгал, призывая следовать за ним.

Булат вернулся с водой в красной миске и поставил перед псом. Тот с благодарностью погрузил в нее морду. С шумом захлюпал. Вода приятно холодила язвы. О луже вспоминать не хотелось.

Булат взглянул на ошейник:

– К нам сам Гендальф пожаловал. Да еще и Слюнявый.

– Только слюни при таком заражении давно пересохли. – Лунослав сгреб со столика «неломаки» и ссыпал их рядом с миской.

Гендальф пару раз укусил горку земляничных печений, с трудом проглотил. Вкуснейшее, вкуснейшее блаженство! Затем кинулся в коридор и заглянул обратно. Гавкнул, пританцовывая от нетерпения на месте.

– Кажется, кто-то в беде. – Лунослав накинул ветровку цвета хаки. – Надо же, заявитель – собака. А Бессодержательный?

– А разве не сказал один мудрец: помог собаке – спас мир? – поинтересовался в ответ Булат.

– Боже, этот мудрец – ты?

– Чувак с упаковки собачьего корма. Погнали.

Они заблокировали двери бюро с помощью гибкого велосипедного замка, обвив им ручки, и выбежали за лабрадором на улицу. Гендальф уже подждал возле уазика, безошибочно определив их собственность. Он вставал на задние лапы и просился внутрь. Булат с удивлением впустил собаку на заднее сиденье.

– Господи, да он умница! – заметил Лунослав, садясь за руль.

Булат, устроившись рядом с псом, приобнял его:

– Значит, так. Я показываю рукой, а ты лаешь, если нам туда. Справишься?

Гендальф отрывисто гавкнул, подтвердив, что эта задачка ему по силам. Он в нетерпении заелозил, не зная, как еще поторопить собачьих богов. Ведь его любимая хозяйка попала в беду! А вдруг она уже умерла? Тогда... тогда он больше ее не увидит, не уткнется холодным носом в складочку за коленом, не услышит ее веселый визг.

На глазах пса сверкающими озерцами застыли слёзы.

– Кто скажет, что собаки не умеют плакать, да будет проклят, – прошептал Булат.

Лунослав, следивший за ними через зеркало заднего вида, ощутил, как у него самого защипали глаза.

Уазик бюро с визгом дернулся с места.

Благодаря полупустым дорогам они без помех доехали до Нового Ивота за каких-то двадцать минут. И это даже несмотря на то, что им приходилось останавливаться на каждом втором перекрестке, чтобы Булат, будто регулировщик, широкими жестами показывал направление, а Гендальф гавкал.

Наконец они проскочили Лихоборские Бугры и выехали на пересечение с Ангарской. Лабрадор сразу заскулил и в беспокойстве царапнул обивку дверцы. Его тревожный взор приковывала сверкающая буква «М», под которой начинался спуск в недостроенное метро.

Из подземки вырывалось зеленовато-мутное сияние, затапливая окрестности мертвенным светом, отчего казалось, что безлюдные улицы получают смертельную дозу радиации.

Уазик объехал декоративные столбики с цепями и замер. Покачивалась вывеска «Станция "Балтийская"». Небеса пронзали колючие гвоздики звезд.

Булат выпустил лабрадора, и тот, заливаясь сиплым лаем, скрылся во мгле цвета гнилой травы.

– Да погоди же ты! – Сотрудник бюро выругался. Тоже вылез и потянулся за Костяной. – Метро? А в метро-то у нас что за беда? Боже, светит так, будто ураном тархун обогатили.

– А обогащают сам уран, неуч. – Лунослав захватил перевязь с колуном.

Злоруб.

Вполне себе имечко... для артефакта, порожденного затянувшимся кошмарным сновидением.

С виду Злоруб выглядел современным дровосечным колуном, предназначенным для рубки и колки древесины. Красное топорище из фибerglassа с черными резиновыми накладками. Восемьдесят девять сантиметров длины и чуть более трех килограммов веса. Прокаленная стальная головка.

Да, с виду – вполне обычный.

Только внутри клокотала сила кошмаров. Сила, которую Лунослав не мог постичь. Однако это не мешало колуну, наравне с Костяной, быть смертельно опасным для порожденного нечеловеческого порядка.

Когда они с Булатом только начинали в бюро «Канун», одним из первых дел стало похищение восьмилетнего Глеба Комарова. И никто знать не знал, что заявитель, отец ребенка, на деле являлся плодом сновидения мальчика, медикаментозно погруженного в кому. Кашу заварили кретины, именовавшие себя культом Черного Солнца.

И сотрудники бюро, сами того не ведая, привели страдающий сон в их логово.

Позже Питонин передал дровосечный инструмент сотрудникам бюро. Для колуна подобрали отличную перевязь из шорно-седельной кожи, охватывающую плечи так, что его головка торчала над правым. Лунослав набил немало шишек, привыкая к положению артефакта за спиной.

Вдобавок он чувствовал, что Злоруб еще унаследует свою

историю.

Булат взглянул на товарища, шагавшего в глубокой задумчивости в сторону метро. На лице того – ни следа от боязни замкнутых пространств. А уж клаустрофобия в кладовке Лунослава занимала не последнее место.

Они спустились по гранитным ступеням, миновали снежную раздвижную решетку. Скользнули взглядами по намалеванной надписи, оставленной диггерами: «ПРИХОЖАЯ САТАНЫ. ЗАНЕСИ ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК И СЕРДЦЕ». Зеленоватая мгла с равнодушием приняла их в свои объятия.

– Лунтик, а как же «задыхаюсь» и «чертовы стены меня раздавят»? Куда всё подевалось? Уж больно ты грозен, как я погляжу. Откуда стальные нервишки?

– От пыток, вестимо. Отец, слышишь, рубит, а я... – Лунослав осекся, сообразив, что против воли подыграл товарищу, частично переделав небезызвестное стихотворение²⁰. – Не дури голову! В ней и так... всякого.

– Хозяин – барин. Напьешься – сам жилетку для стихов попросишь.

Они вошли в вестибюль метро. Изумрудное сияние, шедшее из недр подземки, приглушало искусственное освещение. Гендальф поджидал их в распахнутой кабинке контро-

---

²⁰ Стихотворение Н. Некрасова «Крестьянские дети». В оригинале приведенные строчки звучат так: «Уж больно ты грозен, как я погляжу! Откуда дровишки?» «Из лесу, вестимо. Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». И так далее.

лера-кассира. Он сидел на пыльном стуле и неотрывно смотрел на неработающие эскалаторы, убежавшие в зеленоватую глубь. Ощущался сладковатый аромат смерти, от которого хотелось бежать без оглядки.

Булат принялся:

– Кто враг?

– Судя по вони, либодохлый сыр, либо твои носки после бассейна. – Лунослав повел носом, и его едва не вырвало. Сердце бешено заколотилось. – Это птомаины. Они же – трупные яды. Кадаверин и путресцин. Запах разложения белка.

– А можно по-человечески?

– Так пахнут трупы.

Булат со вздохом оглядел себя. Чистым, похоже, осталось быть совсем недолго.

– Зараза. Гендальф, ты идешь?

Пёс наблюдал танцующие огни. Вспышки мутно-зеленого пламени манили его... к *хозяину*, к Человеку В Капюшоне. Слово с подхваченной некротической заразой он присягнул на верность истязателю хозяйки.

Гендальф заскулил, боясь нового себя, который таранился тогда из лужи. Побежал вниз по эскалатору. Он должен во что бы то ни стало довести собачьих богов до хозяйки. Должен! Потому что только так и поступают хорошие мальчики.

Оставив позади турникеты, сотрудники бюро последовали за собакой.

Какое-то время Лунослав автоматически спускался за Булатом, шагавшим с косою вразвалочку. Но потом что-то изменилось. Неясная тревога, преследовавшая его с момента возвращения человеческого облика, наконец-то обрела четкие, осознаваемые контуры.

Лунослав остановился и обхватил ладонью липкий лоб, будто его мучала мигрень.

– Булат, слушай. А я... я – цел?

– В смысле? – Булат на всякий случай пробежался взглядом по эскалатору. Ничего. Лишь Гендальф всё так же спускался, будто очарованный чем-то.

– К-кажется... кажется, Черномикон *забрал* часть меня.

– И что бы это значило? Мне гадать? Ты теперь обрезанный?

– Я серьезно!

– Стой смирно. – Булат осмотрел напарника. Поцокал языком. – Черт возьми, а ведь ты прав: прямо видно, как она едет.

Лунослав не на шутку перепугался:

– Кто едет? Что едет?!

– Твоя крыша! Успокойся. Ничего нового: всё тот же беспокойный умник. Пошли уже.

Однако Лунослав чувствовал опасное изменение внутри себя. Будто где-то от подбородка и до таза натянули струну, что вот-вот должна была лопнуть.

Преодолев последние метры эскалатора, они вышли на

станцию. Изумрудная мгла вытянутым веретеном тянулась вдоль железнодорожных путей. Застывший в западном туннеле электропоезд напоминал исполинский выдавленный стержень.

– А тут довольно узко, – заметил Булат. Ему совсем не понравились доступные шесть с половиной метров платформы, и без того уменьшенные колоннами. – Можно мизинец отдать, чтобы эта фраза пригодилась в другом месте.

Трусивший впереди Гендальф замер. Оглянулся. Язвы на морде и тошнотворное изумрудное освещение придавали ему вид сторожевого пса смерти. Он неотрывно смотрел куда-то за спины молодых людей. Шерсть на загривке вздыбилась.

До Лунослава наконец дошло. Страх пронзил его ледяной иглой, приподняв волосы на затылке.

– Что-то позади нас, да? – Ему вспомнилось, как они два месяца назад шагали ночью по рельсам, пока за ними ползла разрубленная пополам покойница. Ползла и чем-то постукивала, постукивала, сводя с ума. Призывала оглянуться... чтобы прикончить. – Господи боже мой! Как на чертовом Шлагбауме! Рельсы, т-темень и зло во тьме царапается!

Булат расхохотался, хлопнул напарника по плечу:

– Так и знал, что твоей яйцекрутости только на пять минут хватит.

Лунослав выдавил неуверенный смешок, и они обернулись.

Из туннелей, ведущих в оборотный тупик, куда обычно заезжал подвижной состав для смены направления, валили те, кого впитала и отвергла смерть.

Десятки и десятки мертвецов, толкая перед собой волну влажного зловония, забирались на платформу. Сочившиеся трупным салом диггеры, чьи тела так и не стали достоянием криминальных сводок. Вырванные из могильных коконов обитатели кладбищ, шествовавшие в траурном рванье. Ледяные постояльцы моргов, перетянутые швами. И мертвые горожане. Первой плелась кроха с удивительно синими глазами. Она запнулась, и ее с безразличием смяли.

Все они, молчаливо поджидая в крошечной тьме оборотного тупика, охотились на обладателей пульса.

Гендальф заскулил и прижался к ноге Булата.

– Тише, мальчик. Тише. Не бойся. Из таких же туш – только коровьих – собачий корм делают.

Лабрадор с недоверием взглянул на собачьего бога. По телу пробежал спазм, и на пол станции вывалился полупереваренный ком «неломак».

– Булат, прекрати выкручивать собаке мозг и желудок! – Лунослав кое-как заставил ватные ноги двигаться. – Лучше Алого заглоти!

– Знаешь, довольно пошло прозвучало. Давай сюда.

– Что давай?

– Ключи от болотной ласточки.

– А они-то тут при чём?

– Алый на ключах, балбес! Где они?! Ну? Ты же вёл!

Трупы всё прибывали и прибывали. Проход к эскалаторам, ведущим на поверхность, скрылся за стеной мертвых тел. До конца станции, куда можно было без проблем отступить, оставалось около ста метров.

Лунослав наконец выдал:

– Я ключи в зажигании оставил.

– Что?!

Повисла неловкая пауза. И почти сразу ее заполнили звуки двух подзатыльников, которыми обменялись чертовидцы. Они попятились.

Булат сделал пробный выпад косой. Полетела мраморная крошка, сбитая с одной из колонн.

– Мало места. Здесь не улица: против толпы не размахнуться.

– Тогда я, – сказал Лунослав.

Он откашлялся. По горлу пробежали знакомые микроскопические спазмы. Так случалось всякий раз, когда он собирался изречь древние напевы, чуждые человеческому роду. Впервые богохульные письма он узрел в Черномиконе. Тогда же в голове вспыхнуло *знание*. Хоть стародавний диалект неожиданным образом оказался ему знаком, он не ведал даже его названия. Чувствовал только, что слова обладают поистине чудовищной силой.

Куда сложнее было облечь явленные фолиантом кроваво-огненные руны в звуки. Все эти непроизносимые фоне-

мы «фхч», «чхерлш» и «атч'арлах» драли голосовые связки битым стеклом. Рядом с ними даже трудновыговариваемый Эйяфьядлайёкюдль²¹ выглядел началом школьного букваря.

Со временем горло научилось изменяться, приспособливаясь к гортанным словам. Имелась и другая странность: Лунослав не мог с уверенностью сказать, что именно он произносил. Только понимал, что вызывает к чему-то. А при таком раскладе чертовски не хватало вокабулярия²².

В какой-то момент он и сам заговорил на богохульном языке, не прибегая к помощи Черномикона. И заклятия целиком и полностью стали зависеть от мыслеобразов и настроений. Логика и ясность содержания, определявшие суть вербального общения, окончательно расписались в собственной некомпетентности.

Решающим фактором удачного напева оставался лишь внутренний импульс.

Лунослав разомкнул губы и, к собственному изумлению, пропел чужим хриловатым голосом:

– «Чертовидцы – это зло! Изведу их ремесло!²³»

Рука, точно обретя сознание, сама захлопнула рот. В карих глазах сотрудника бюро застыл ужас.

Гендальф зарычал, не зная, чему верить. Собачьи боги не

---

²¹ Один из ледников Исландии (исл. Eyjafjallajökull).

²² Вокабулярий – то же, что словарь для отдельных разделов учебника.

²³ Здесь и далее приведен дословный перевод позабытого языка. Не благодарите. Всегда ваш, Черномикон.

могли так мерзко говорить!

Булат с удивлением вытаращился:

– Дрищ-колдун! Ты что, пошаманил кастрированной версией голоса Черномикона?!

– Не может быть! Это...

Но чужое заклятие уже меняло реальность.

Рукояти Костяной и Злоруба покрылись обсидиановыми колючками, будто в попытке защититься от своих владельцев. Не более трех миллиметров каждая. Черные, точно наросты насекомых. Лунослав и Булат, вскрикнув от неожиданности, выронили артефакты. На ладонях показались алые крапинки. Коса, звякнув, протестующе завибрировала.

Мертвецы с пыхтеньем ускорились, почуяв уязвимость живых. До первого из них, клацавшего скуластого старика, оставалось не более десяти метров.

– Говорю же, со мной что-то не так! – крикнул Лунослав, в панике глядя на щетинившееся оружие.

– Ты так и после сельдерея с баклажанами ныл. – Булат подкинул ногой Костяную и подхватил ее прочными рукавами «косухи». То же самое он проделал и со Злорубом. На руках получилась некая охапка. – Ходу, Лунтик! Ходу!

Они кинулись к концу станции, намереваясь нырнуть в восточный туннель. Но Гендальф с лаем подбежал к электропоезду, закупорившему западный путь. Перед глазами лаборадора плясали черные мухи. Но даже в таком скверном состоянии он понимал, что им нужно укрытие. Как-то ему до-

велось прокатиться с хозяйкой на электричке до Орла, и потому он знал, что между вагонами можно ходить, а при необходимости – и сойти.

– Делай, что пёс говорит! – Булат оглянулся: трупы поднажали.

– Надеюсь, питание в наличии, – пробормотал Лунослав и хлопнул по круглой кнопке адресного открытия дверей.

Повезло. Нажатие не только распахнуло двустворчатые автоматические двери, но и зажгло освещение по всему электропоезду.

Они вбежали и, оставив позади кабину управления, устремились вперед по вагонам.

Следующими безбилетниками стоячего поезда оказались трупы.

Черномикон едва не задохнулся от хохота.

Находясь за много километров от чертовидцев, он тем не менее почувствовал потуги кривоzubого недоумка шарануть по кому-то заклятием. Почувствовал и нашептал кое-что. Так сказать, поруководил его губами.

Непримечательный кусочек, вырванный из чертовидца, дарил столько веселья!

Отчасти это походило на выступление политика. Вот он распинается, вещает о налоговых вычетах и прочих благах и манне небесной, если его переизберут. И вдруг начинает говорить голосом стендап-комика: «Я устал. Я ухожу. А еще

я трахал ваших мамок. И твою, мальчик, тоже».

Черномикон хохотнул, наслаждаясь моментом. Взглянул на крошечных жучков, копошившихся в едва живой коро- ве. Та лежала в углу амбара и тихо, мучительно издыхала на охалке сена. Лунный свет серебристыми копиями бил через дырявую крышу.

Черномикон с важным видом, словно судья на заседании, уселся на тела пропавших без вести, из которых соорудил в центре амбара подобие гнезда. Чуть позже дойдет дело и до жителей селá. А пока он с наслаждением разделит заклятия Членослава.

Ведь идиота так и распирало от желания опростоволо- ситься еще раз.

Губы зудели, словно их натерли солью. Как ни странно, стянувший их червь давал сюрреалистичное ощущение про- хлады. Возможно, губы просто-напросто мертвели.

Справа от Софы раздавались жуткие звуки, разрыва- вшие психику. Казалось, кто-то втыкал нож в арбуз и, напе- вая, разрезал его. Владелец отвратительных рук методич- но убивал своих жертв. И все они ужасно и непередаваемо давились криками... сквозь защитные рты.

Сперва маньяк перерезал им запястья, а потом со скучаю- щим видом собирал кровь в эмалированное ведро. После пе- реливал ее в десятилитровый чан и освящал посохом. Кровь приобретала кремовые оттенки гноя.

По стенам депо струились вуали изумрудного света, что выплескивала верхушка мерзкой палки. Шум бегущей воды превращал всё в дремотный кошмар.

Но Софью занимал совершенно неуместный вопрос. Почему она так ни с кем и не переспала? Потому что не хотела? Как можно не хотеть того, что предначертано природой?! Потому что ее вырастили в рамках пуританской морали? Ох, если бы.

Ее родители, бывало, частенько заходили в ванную, оттуда потом, вместе с шумом воды, слышались недвусмысленные шлепки. Такие же шлепки раздавались с соседней кровати, когда она оставалась на ночь у Ирки в общежитии. Стерва пыхтела и стонала под кавалером почти каждую ночь! А иногда трудилась только она, будто подслеповатый смотритель, обхаживающий покосившийся маяк на кустистом берегу.

Чертова дура!

Софья зарыдала. Если она выкарабкается из этого дерьма, то обязательно переспит с соседом по площадке. Если понадобится – привяжет его и всё сделает сама. Нахлынула волна отвращения к себе. Ну и пусть.

Послышались шаги, и в поле зрения возник некромант. Его гадкая улыбочка резала не хуже перепачканного в крови ножа, поскрипывавшего в руке.

– Ну что, дева, твой черед.

Софья затрепыхалась и решила, что для истерики самое время.

Лунослав, несясь по вагонам, проклинал благоустройство и современность поезда. Межвагонные переходы напоминали герметичную гармошку, обшитую изнутри фальшпанелями, благодаря чему пассажиры могли свободно прогуливаться по составу. Никакого затора, мать его! Беги себе да беги, олимпиец!

Впереди мчался Гендальф. Каждые десять метров он останавливался, чтобы вялым лаем поторопить собачьих богов. Ну почему они едва плетутся? Лабрадор чувствовал, что тело отказывается служить ему. Язвы на морде гнали по голове и вдоль позвоночника бурлящую боль, притормаживавшую сердце. Дышалось с трудом, будто через вонючую тряпку, застрявшую в глотке. Изумрудная мгла всё больше походила на перину.

Булат, бежавший последним, то и дело цеплялся Костяной за поручни. Мертвые тела молчаливой гурьбой преследовали их. Небольшая часть трупов, оставляя на окнах липкие росчерки, ковыляла снаружи по техническому проходу. Правда, эти почти сразу отстали.

– Лунослав! В поезде восемь вагонов! Головной и два промежуточных уже пробежали! Потом состав придется покинуть! Если повезет, кабина управления будет открыта. Заблокируем ее автоматику и свалим! А трупы пусть маринуются!

Лунослав, проклиная себя за упрямство, остановился. Им

вполне хватало скорости, чтобы без лишних помех добраться до конца поезда и запереть в нём мертвецов, словно в металлической кишке. Но что потом? Что их поджидает в изумрудной мути туннелей? А ведь он даже толком не понимает, что с ним происходит.

– Я попробую еще раз, – заявил Лунослав.

– Что? – Булат замешкался, но напарник уже толкнул его, показывая, чтобы он двигался дальше. – Даже не смей, дрищ! Хочешь опять им подыграть?!

– Я должен разобраться!

Лунослав зажмурился и выставил перед собой правую руку. Мысли лихорадочно заскакали. Требовалось что-то массовое и быстрое – какой-нибудь ветрогон. Он набрал побольше воздуха и выкрикнул напев на чуждом языке. Но опять не своим голосом.

– «Не понос и не сопение – на спине взошло растение!»

И эффект богохульных слов дал о себе знать.

Под одеждой молодых людей возникло нечто хрустящее и пушистое, покрытое жгучими волосками. Кожу будто обварило кипятком. Сотрудники бюро загарцевали.

– Доигрался?! – проорал Булат.

Он уже догадался, *что* их терзало. Догадался хотя бы потому, что в детстве частенько лупил эту заразу палкой. Только никогда не думал, что она может очутиться у него в укромных местах. Казалось, причиндалы натерли перцем Хабанеро.

Лунослав на ходу вынул из-за шиворота ворох темно-зеленых листьев, коловших руку:

– Это...

– Это крапива, Лунослав! КРА-ПИ-ВА! Ей еще по губам стучат, когда кто-то много болтает не по делу! Намек понял?

– Да! Не ори!

Показалась кабина управления. К счастью, незапертая. Они влетели внутрь, и Лунослав ткнул локтем по кнопке блокировки дверей. Те с шипением закрылись.

– Вот чего меня лишил Черномикон – заклятий! – Лунослав, вздрагивая, принялся выбрасывать из одежды пучки жгучей поросли. – Он же и куплеты подкидывает. Суфлер гребаный.

Снаружи слышался скрип, не суливший ничего хорошего.

Булат сдвинул створку окна и выглянул. В далеком овале света что-то копошилось – трупы, даже те, что забрели в технический проход, втискивались в открытые двери первого вагона. Значит, пару минут имелось. Свалив косу и колун на кресло машиниста, он избавился от крапивы, раздавив ее затем каблуками сапог. Заодно страсть как хотелось вбить пару стеблей Лунославу в рот.

Лица у обоих пошли красными пятнами.

– Булат, псу совсем плохо.

Гендальф с поскуливанием заставлял себя дышать. Лапы подгибались. Во взгляде, обращенном на молодых людей,

сквозила немая просьба. Но глаза при этом оставались чисты и ясны, словно у существа, получившего откровение о собственной кончине.

Булат открыл дверь кабины управления, ведущую в туннель. Пристроил Костяную на предплечьях. С фальшивой улыбкой подмигнул лабрадору. А что еще он мог сделать для этого верного пса?

– Давай уже покончим со всем, приятель. А потом и за тебя примемся.

Гендальф с хрипом вздохнул, покинул кабину и потрусил в темноту.

Лунослав вернул Злоруб в перевязь, благо диаметр колчана позволял это сделать даже с колючками, и они с Булатом отправились за собакой.

Шагать пришлось под жуткими багровыми вспышками предупредительных светофоров. За триста метров до второй станции, «Селигерской», Гендальф свернул в северо-западный туннель. Табличка на стене оповещала: «ОТСТОЙНО-РЕМОНТНОЕ ДЕПО № 1».

Спустя три минуты они добрались до него.

Мерцали потолочные лампы. Покачивались сотни согбённых трупов. Они полуголыми, разложившимися символами смерти занимали свободные пути. Под ногами хлюпало. Вонь стояла невыносимая, как от разрытого массового захоронения в душный влажный полдень.

– Господи, ч-что это? – прошептал Лунослав, зажимая

нос.

– Фестиваль «Нашествие» после пандемии, – процедил Булат сквозь зубы.

Они замерли у передвижного консольного крана. Отсюда открывались бетонные лежаки с прикованными людьми и техническое помещение у северо-восточной стены. Внутри комнатухи – среди латунных манометров и вентиляей – просматривались мощные трубы, способные играючи смочь даже взрослого человека. Одна из них щерилась погнутыми краями.

Почти все жертвы на бетонных лежаках обратились, вернувшись с того света злобными, алчными трупами. Живой оставалась заплаканная рыжеволосая девушка в джинсовом плащике. Невинное всхлипывающее создание с зашитым ртом и кровоточащим запястьем правой руки.

Рядом ссутулился тип, выглядевший как настоящий бродяга в своих линялых джинсах, замызганных кроссовках и рваной толстовке без рукавов. При виде его костяных десниц сотрудники бюро оторопели. Неизвестный набирал кровь в эмалированное ведро, опираясь на посох из непропорционально растянутых человеческих рук. Навершие посоха исходило то самое мертвенное свечение, что заливало метро и выплескивалось в город.

Застав хозяйку живой, Гендальф с радостными хрипами запрыгал. Сил для лая уже не оставалось. Но он успел, успел, привел собачьих богов! Хороший мальчик!

Однако сами «боги» не разделяли счастье хвостатого проводника.

Покойники пялились на них. Дымчатые зрачки, отражавшие зеленоватый свет смерти, взяли в прицел незваных гостей. Такие же отблески приближались сзади, со стороны основного пути. Похоже, в депо стягивались выходцы из могил со всей подземки.

– Булат? – шепотом позвал Лунослав.

– Знаю, – отозвался тот. Он неотрывно смотрел на девушку. Та казалась неспелой вишенкой на смрадном торте злодеяния.

Некромант распрямился и схватился за поясницу. Помахал чертовидцам. Татуировка на подбородке и неповторимая манера держаться сразу сказали, кто он. Ублюдок, похитивший ребенка. Зловещая предпосылка, из которой родился Злоруб.

– Бомжюр, Пелагей! – поздоровался Булат зычным голосом. С ленцой сделал несколько шагов. – Тебя ведь так зовут, верно? Чем занят? Растворимый цикорий²⁴ в воду добавляешь? Поди, рук для всего не хватает, да?

– У вас прямо-таки нездоровая тяга к похищениям! – добавил Лунослав. Чертыхнулся. Опять он ко всякому дерьму из трубы на «вы» обращается.

Пелагей развел руками, признавая правоту сотрудника

---

²⁴ Растение, высушенные и обжаренные корни которого используются в качестве заменителя кофе.

бюро.

Он знал, что некие чертовидцы, которых все до усрачки боятся, вернулись чуть ли не с того света. Но он и помыслить не мог, что так кличут кретинов из бюро, спутавших ему два месяца назад все карты. Как говорится, жизнь – колесо, а смерть – палка в нём. Парочка из бюро сама сунула головы в петли.

– Не скажу, что ваше появление такой уж сюрприз. – Пелагей с костяным постукиванием поднял ведро и отпил из него. Алые струйки прочертили подбородок. – А вообще, славно, что заглянули.

Гулкие просторы депо вынуждали их перекрикиваться.

Между тем взгляды Гендальфа и Софьи встретились. Она попыталась позвать на помощь, но червь надежнее любого замка удерживал губы. Ее широко раскрытые глаза опять застлали слёзы, и девушка перестала что-либо видеть.

Лабрадор дернулся вперед, но Лунослав поймал его за ошейник.

– Погоди, так только сгинешь.

Некромант в задумчивости провел по посоху фалангой указательного пальца. Послышался противный скрип.

– А собака действительно привела помощь. Стало быть, и вы отведаете мое охлажденное блюдо.

Навершие посоха полыхнуло мутным оком, и мертвые, точно по команде капельмейстера, направились к сотрудникам бюро. В горле Гендальфа зародилось беспомощное ры-

чание.

– Отпустите девушку! – крикнул Булат, понемногу выходя из себя. – Я ведь жизнь тебе спас, чертов ты кретин! А ты за старое взялся!

– О, так это был ты. А знаешь, я не злопамятный. Подумаешь, руки отрубил. Только не спас, а подтолкнул к перерождению.

Ряды мертвецов стали смыкаться, оставляя времени на дюжину ударов сердца.

– А как же речь злодея? – выкрикнул Лунослав.

– А она будет, – пообещал Пелагей с самым серьезным видом. – Аккурат после вашей кончины во всём и покаюсь. Ждите. – Потеряв к чертовидцам интерес, он наклонился к Софье: – Ну-с, поехали.

Края раны на запястье девушки разверзлись. Заструилась кровь. Сверкающие рдяные капли напоминали бегущих божьих коровок, спрыгивавших с кончиков пальцев в алую топь.

Булат с ухмылкой еще разок огляделся: места вдоволь. Схватил косу. Колючки глубоко впились в кожу. Хорошо не до костей, и на том спасибо. Ладони уплотнились, став распухать, словно от мороза.

– Падай, брат.

– Ч-что?.. – Лунослав с ужасом вперился в приближавшийся мертвый заслон. – Нас же сейчас сожрут! Дай хоть сдохнуть не лёжа!

– Падай, кому сказал, дрищ! И думай!

Лунослав совершил нырок, накрыв собой пса. Костяная со злым свистом описала полукруг. Голова трупа в мятой ветровке курьера «Delivery Club» скатилась с плеч. Лямки термосумки-короба лопнули. В черную кровь шлепнулся чей-то бизнес-ланч, плесневеющий не первый день.

– Вот черт. – Лунослав наконец-то сообразил, что затеял напарник.

Булат наметил пятачок из шести квадратных метров и принялся сеять звенящее упокоение. Срезал руки и вышибал зубы. Отталкивал и валил всякого, кто преступал границу его танцпола смерти. Упавшим пробивал черепа. В мелодичном звоне Костяной слышалась хандра, точно извинение за то, что хозяин касается ее через мўки.

Мертвецы всё напирали, будто саранча, узревшая кукурузные початки.

Лунослав прижал к себе Гендальфа, рвавшегося к хозяйке. Отметил, что не ощущает его тепла. Потом прикинул плотность мертвецов и расстояние до девушки. Около сорока метров. Тут не помогут ни прятки под поездом, ни прыжки по крышам. Бежать некуда. Если сейчас же что-нибудь не предпринять, их сомнут и разорвут на части. Мочевой пузырь послал тревожный сигнал в мозг.

– Булат! Ты должен продвигаться вперед! Надо добраться до кретина с посохом и девушки!

Булат осклабился и крутанул Костяную над головой,

стрельнув капельками крови с рук. Мертвецы, очарованные их полетом, на миг замерли. Молодой человек рассмеялся. Вот так и живем: идем через смех и боль к закату.

– Это бюро «Канун», детка! Погнали!

Шаги давались с трудом. И не только потому, что окоченевшие тела давили со всех сторон, а от Костяной немели кисти. Пол депо покрывали ребристые вставки, брошенные шпалы и витки толстенных кабелей. Впрочем, помехи работали в обе стороны, и зачастую в массиве мертвецов возникали провалы, когда кто-либо из них спотыкался и падал, увлекая за собой остальных.

Близ ног Булата ползли согнувшийся в три погибели Лунослав и собака.

Метр за метром живое продиралось сквозь мертвое.

Пелагей острием ножа принялся проковыривать дыру в джинсовом плащике Софьи.

– Как тебе твой первый *противоестественный* раз, а?

И Гендальф не выдержал.

Он с рычанием рванул к бетонным лежакам. Чувствовал, что теперь можно; что теперь всё равно. Мертвые, как один, потянулись к нему. Схватили за шкуру на загровке – и та легко отошла, обнажив кровоточащие лопатки, мышцы и шейные позвонки. Боль отсутствовала.

Окровавленный и взбешенный, Гендальф на одном вздохе преодолел расстояние до жертвенников и прыгнул. Ударил собой некроманта, после чего повис на костяной руке,

сжимавшей нож.

– Ну-ну. Эти косточки тебе не закопать. – Пелагей зашелся в дребезжащем смехе. Приподнял собаку, разглядывая ее беззащитный волнующийся живот.

Завидев это, Лунослав на какую-то долю секунду застыл.

– Ускорься, брат. – Голос прозвучал ровно, с будничным безразличием.

Пот заливал Булату глаза. Адреналин набатом бился в ушах. Скоростная скакалка, не дававшая жиру сваливаться под кожей, заслужила не одну эротическую похвалу.

– погоди, дурень! Только не вставай, слышишь? Стой!

Но Лунослав уже выскальзывал из-под смертельного зонтика. Булат едва успел направить полотно лезвия в сторону, чтобы не срезать напарнику макушку, которая, судя по всему, закипела.

Мертвые распахнули объятия, готовясь заключить в них безумца.

Лунослав выдернул колун из-за плеча. Аномальные колочки где-то немислимо далеко, будто в другой Вселенной, впились в ладони. Он всё просчитал. Последние десять метров. Последние ряды трупов. Просчитал всё, кроме того, что он не боец. Вот и вляпался.

Рядом хищно засвистела коса.

Булат с воплем поднажал, прикрывая друга. Спину и бока специально оставил незащищенными. И трупы предпочли более доступную жертву. В желтоглазого сотрудника бюро

вцепились. Но он всё равно с довольной миной косил только тех, кто тянулся к напарнику.

Лунослав закричал. Взлетел к жертвенникам. Насмехавшееся лицо Пелагея стянули ростки испуга.

Тяжелая головка колуна врезалась в посох некроманта.

Взметнулись призрачные искры. По депо прокатилась изумрудная, мутная волна. Половинки некогда могущественного артефакта с жалобным стуком упали на бетон. Мертвецов словно обесточило, и они обмякли, вернувшись к изначальному состоянию смерти – покою. Депо переродилось, став похожим на промозглую братскую могилу. Лишь лампы дневного света продолжили с безразличием обличать безжизненное поле.

– Вот черт! – Булат припал на колено и привалился на чье-то тело. Устроился как в кресле. С шипением убрал дрожащие руки от косы. Подул. Казалось, он пару километров тормозил ладонями по асфальту – или по кухонной терке.

Пелагей откинул хрипевшего лабрадора. Поднял обломок посоха с навершием: огонек среди короны дланей едва мерцал. Прижал к груди. Швырнул в чертовидцев гневный взгляд.

– Я вас прикончу. Оборву ваши сраные жизни! Смешаю с червями и дерьмом!

Лицо Лунослава исказилось, словно он вспомнил что-то донельзя мерзкое. Ноги сами поднесли к Пелагею, а руки – вскинули Злоруб. Будто со стороны услышал свой истерич-

ный вопль. Катились слёзы. Он не мог найти тварей, что использовали его для смертей невинных. Но ему по силам хоть как-то заглушить боль.

И будь он проклят, если не попробует сделать это сейчас.

Злоруб, обладая зыбкой силой кошмаров, с легкостью перерубал плоть некроманта, которую не взяло бы ничто другое, кроме разве что Костяной. Пелагей с визгом отвернулся, закрывая собой обломок посоха. Сталь врубалась в плечи, колола рёбра, крошила ключицы. Но кровь не текла. Просто собиралась в зияющих ранах, словно вода – в следе, оставленном в заболоченной местности.

– Прекрати... – прошептал Пелагей, задыхаясь.

Его спина напоминала перепаханное, залитое кровью поле. Шатающимся маятником он попятился в комнатку с трубопроводом. Во вскрытой трубе всё так же бурлила вода.

Лунослав посмотрел в перепуганные глаза маньяка и убийцы:

– Прекратить? Никогда! Слышишь?! *Никогда!*

Пелагей нащупал позади разорванный зев трубы и откинулся в него.

На лепестке металла осталась сорванная кроссовка.

Поток со всхлипом втянул некроманта, унося к водонасосной станции. Темнота сомкнулась. Ревущий шум оглушал. Глотки воздуха приходилось вырывать у змеящейся колонии пузырей, достаточно крупных, чтобы нырнуть в них

головой.

Пелагей тянул улыбку. Да, он утратил контроль над тоннами мертвой плоти, но в посохе оставалось еще достаточно сил, чтобы дотянуться до гребаного пса. Мутный огонек, откликаясь на волю хозяина, подсветил проносившиеся заклепки на сферических стенках трубы.

А потом Пелагей с жадностью разинул рот и сделал глубокий вдох, наполняя легкие водой. Он еще вернется. О да! Пусть не сегодня и даже не через месяц, но он даст пинка этому миру! Агония выгнула его дугой.

Слабый голосок посоха едва слышно прошептал: «Оторвись по полной, крепыш».

Как только некроманта утащило в трубу, Костяная и Злоуб пришли в норму. Булат присвистнул и побрел к напарнику. Мышцы звенели. На несколько дней можно смело забыть о скакалке. Да здравствует пенное! Он скользнул взглядом по завалам смердевших тел. Задержал глаза на жертвах Пелагея, встретивших конец в плену бетонных лежаков.

– Мы не знали, – с нажимом сказал Булат.

Но совесть и так молчала. Им с товарищем не в чем было себя винить.

Лунослав поспешил к жертвеннику, на котором дрожала единственная выжившая. Трясущимися руками ослабил ремни.

– Вставайте, вставайте. Как вы?

Софья судорожным движением разорвала червя на губах. Извивающееся тельце с неохотой покинуло канавы ранок. Донимали головокружение и жажда – спутники кровопотери. Она пережала запястье и оглянулась. Искала его.

Гендальф лежал в четырех метрах от первого жертвенника. Лабрадор доживал последние секунды.

Софья подбежала к псу, плюхнулась рядом. Бережно положила его голову себе на колени.

– Генди! Хороший мой мальчик! Ты справился, Генди! Справился! Привел помощь. – Слёзы душили ее, стискивая голос до сипящего шепота. – Я люблю тебя и никогда не забуду, мой верный друг! П-прощай... Умирай спокойно...

Лунослав и Булат в молчании наблюдали. Их лица напоминали опустошенные каменные маски.

Гендальф открыл глаза. Он хороший мальчик, он смог. Но сможет и еще кое-что.

Карие зрачки побелели, приобретя цвет мутных камешков. Из пасти вырвался тоненький стон. Лабрадор потерял голову, будто нежась в руках хозяйки.

И вцепился ей в бедро левой ноги.

Клыки пробили джинсы. Челюсти, будто ковши экскаватора, принялись рыть кровавый котлован в плоти, соскабливая зубами мясо с бедренной кости.

Софья в ужасе и непонимании завизжала. Замолотила кулачками по голове мертвого питомца. Каждый ее удар считал кожу с головы Гендальфа, оголяя череп. Болевые ощу-

щения казались черным колодцем, на дне которого плескалось забытьё.

Сотрудники бюро оцепенели, ошарашенные неожиданной развязкой.

– Посох же разрублен! – Лунослав бросился к боровшимся девушке и собаке. Сделал взмах колуном, но воскресший Гендальф с завидной ловкостью прыгал из стороны в сторону, дергая за собой хозяйку. – Булат! Я разожму челюсти, а ты – всё остальное! – Он вбил рукоять Злоруба в окровавленную пасть лабрадора и использовал как рычаг.

Софья заорала от новой боли, а потом челюсти питомца разомкнулись.

Булат схватил собаку за ошейник и откинул в сторону. Лабрадор, прокрутившись по полу, вскочил. И улыбнулся. Жуткой и невозможной улыбкой, сочащейся еще теплой кровью.

– Прости, друг. Это ради тебя. – И Булат вогнал косу в шею Гендальфу.

С разорвавшимися шейными позвонками оборвались и посмертные мучения пса.

А затем тишину депо заполнил истеричный смех.

Смеялась Софья. В уголках ее глаз выступили слёзы. Она оттолкнула Лунослава, пытавшегося зажать ее рану, и зашла в приступе сухого кашля. Вскинула руки и оставила ногтями на лице кровоточащие борозды. Кашель и смешки всё больше походили на бормотание крадущегося в темноте

трупа.

– Лунослав! Держи ее! – скомандовал Булат.

Ног девушкам он еще не ампутировал. Целовать целовал, но не укорачивал. Подумал и протер полотно лезвия Костяной рукавом «косухи». Антисанитарии и так хватало.

– Она обращается слишком быстро! Поздно отнимать ногу! Вдобавок она потеряла много крови! – Лунослав вскочил. На заострившемся лице отразилась невероятная идея. – Подними косу над головой – и повыше!

– Что?

– Не спорь, жлоб мясистый!

Булат, не ожидав такого обращения, против воли рассмеялся и подчинился. Руки высоко подняли Костяную. Лунослав скользнул взглядом по принту «AC/DC: Hell Bells» на футболке напарника, задрал ее и безжалостным рывком сорвал обнажившийся волдырь.

Булат согнулся от боли. На его груди не преминуло надуться очередное новообразование.

– Совсем охренел, дрищ?!

– Ну и кому тут жилетка нужна, а?

Лунослав вынул из колыбельки кожи нездоровый лист Беломикона, покрытый розоватыми комочками. Стряхнул. После чего приложил к ране на бедре девушки. Софья к этому времени уже лишилась чувств.

Бумага размякла и с поразительной эластичностью закрыла пораженные участки. Затем поблекла, став призрачной,

точно дымка на лугу, и наконец превратилась во влагу. Зашипело, будто плеснули перекисью. Ударил дух свежего хлеба. Рана очистилась. Свинцово-венозные покусы с зачатками гангрены порозовели и затянулись. Кровотечение остановилось, в том числе и на запястье. Исчез даже синяк на лице.

И всё это за каких-то три секунды.

– Вот так аптечка! – протянул изумленный Булат.

Софья распахнула глаза. Села. Взгляд прояснился. Казалось, неожиданное улучшение самочувствия ее совсем не удивило.

– Где Генди?.. Где он?.. Если я умерла, отведите меня к нему!..

– Мы помогли вам. Вы не умерли, успокойтесь, – заверил ее Лунослав и смолк, ожидая неудобный вопрос.

И он последовал:

– А Генди?

– Мертв. – Булат передал товарищу косу и взял пса на руки. Несмотря на все увечья, Гендальф казался умиротворенным и даже счастливым. Возможно, в этот момент, где-то на росистых солнечных лугах, он с веселым лаем гнался за зайцем. – Пошли, покажешь, где героя похоронить.

Софья всхлипнула, всё еще не веря в случившееся. Окончательно разревелась. О не востребованном целомудрии уже не вспоминала.

Вскоре они покинули кошмарный метрополитен, где собака, дав бой расстоянию и боли, помогла остановить зло.

Гендальфа похоронили в Первомайском сквере, восточной его части, под красным кленом, куда он так любил утаскивать мячики. Долго стояли. А по дорогам, расцветившая улицы в сине-красный, уже мчали полицейские машины, «скорые» и грузовики МЧС.

Ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое сентября только начиналась.

Некромантия, некромантия, некромантия.

Она тиха, латентна и реальна. Каждый из вас хоть раз в жизни практиковал сие темное искусство. Да, вы не поднимали из обувных коробок почивших питомцев и не пели псалмы демонам, чтобы те отправили разбившегося обдолбанного братца за страховой выплатой или обратили срок годности просроченного молока вспять. Но разве с губ не срывалось невольное «давай воскресим наши чувства»? Разве уста не исторгали лепет, призывающий возродить что-либо?

В основном так возвращают издохшую любовь. Только она ложится к вам в постель не белоснежной невестой, таящей улыбку под фатой, а уродливым кадавром, разваливающимся прямо на глазах. На лице пудра, скрывающая синяки прошлых обид. По жилам несется смесь из обещаний и формалина. В каждом движении – тоскливые щелчки и хруст.

Такое остается лишь уснуть.

Но это бытовая некромантия. Скованная смертью плоть

ей неподвластна. Так что не рубите сплеча и не сейте гнев.

Потому что в противном случае вам не помогут и все исчадия ада, когда вы схватите мертвого за грудки и возжелаете, чтобы он внял воплю «прости».

Глава 4 Лицом к лицу

У каждого прыща, болячки или опухоли есть своя отправная точка. Ими могут быть повышенная сальность кожи, удар педалью велосипеда или крем от опрелостей с канцерогеном. Не забудьте, кстати, после крема облизать пальцы. Надо ведь всё попробовать, верно?

Но какая отправная точка у зла? Где тот поршень, что толкает под колёса несущегося автобуса с туристической наклейкой «ЖИЗНЬ»? Может, во всём виноваты некие злоециющие силы, исстари дремлющие под землей? Или вершителями трагедий являются религиозные мамыши, чьи затюканные сынки врываются в торговые центры с оружием в руках?

Всем фрагментам зла, так или иначе, подойдет единая метафизическая форма – исполинский злоециющий кувшин, разливающий губительные тени. Этот проклятый сосуд поднимают и опускают *миллиарды рук*.

Ежедневно.

Ежечасно.

Ежесекундно.

Пришла пора познакомиться с одной из таких дланей. Она сильна. Она смугла. Она препроводит вас за столик и подаст тарелку с психозом и злобой.

Итак, скрытая обитель, ритуал смещения душ, брызжет грейпфрут.

Лжек смахнул кожуру на пол. Послышался утробный звук, и мусор пропал, подобранный лужицами теней. Он сунул большой палец в центр грейпфрута и крутанул там. Вынул. Продавленный колодец заполнился соком. Лжек запрокинул голову. Розоватые капли скатились со смуглых губ.

Таких же смуглых, как и он сам – короткостриженный блондин, уроженец Гаваны. Атлетичный, но не забитый мышцами. С аккуратным маникюром. Босой, в одних лишь серебристых брючках. Этакий элегантный дьявол, застрявший в волосах годов. На вид – от двадцати до тридцати лет.

На деле же – все двести семнадцать.

Лжек наблюдал за работой жрецов. Те в строгом порядке – с севера на восток, с запада на юг и снова с севера – зажигали свечи, стоявшие на метровых подсвечниках. Хор голосов шептал сантерические²⁵ напевы, обрушивая проклятия на солнце и взывая к деревянным подошвам мертвых богов. «Кормили» священные камни: над тремя десятикилограммовыми валунами, привезенными с курганов Камеруна, закололи козленка. Кровь шлепалась на каменные макушки и сразу впитывалась.

Завершались последние приготовления к месопотамскому «ше-гур-куд» – чрезвычайно опасному ритуалу смещения душ. Одна ошибка – и полчища скулящих духов хлы-

---

²⁵ От сантерии – синкретической религии, распространенной в основном на Кубе. Сходна с вуду.

нут из-за выбитой двери в реальность. Один промах – и присутствующих с головы до пят покроют кровоточащие заветы умерших. Одна заминка – и воцарится смерть. Обычно подготовка к «ше-гур-куд» занимала до полутора месяцев. Именно столько времени постилась жертва, которой предстояло стать сосудом для потусторонней сущности.

К Лжеку покорной тенью приблизился один из жрецов. Его кольчужный фартук слегка позвякивал.

– Всё готово. Прикажете послать за сосудом?

– «Кто в себе не носит хаоса, тот никогда не породит звезды», – процитировал Лжек сентенцию Ницше. – Приведите ее.

Жрец кивнул и покинул Зал Ритуалов. Скрипнули высокие черные двери с раззявленными лицами.

Почти каждое убежище «ЗОЛЫ» имело подобное помещение. Выверенное по сторонам света, пронизанное рунами, напитанное кровью. Этот Зал Ритуалов отличал куполообразный потолок из закаленного стекла. Мягкое лаймовое свечение, идущее от проложенных вдоль стен ламп, позволяло увидеть над собой сухую землю заброшенного погоста. Комочки глины, фрагменты бузины травяной. Ничего особенного. Даже червям нечего жрать.

Подземная резиденция «ЗОЛЫ» – одна из пятидесяти семи на территории России – располагалась немногим северо-восточнее Нового Ивота, в топях лесов. На глубине в двести пятьдесят метров. Автономная система жизнеобеспе-

чения. Подземный гараж. Множество специализированных этажей. Имелась оранжерея с чайным домиком.

Капнул грейпфрут. Розоватая капелька обогнула левую грудь Лжека, пробежала по порогам пресса и скрылась в пупке. Он едва не засмеялся. Хороший знак. Значит, всё сложится. Пустоты не коснулись его тела. Причина – рунические татуировки, в основе которых лежало проклятое серебро одного из семи Золотых Городов, найденных на Пиренейском полуострове.

Убивая время, Лжек углубился в богатейшую историю «ЗОЛЫ». Ее вилы начали колоть жирные бока мира задолго до прихода Божьего Сына. Иллюминаты, масоны, члены Братства Сатурна и Общество Туле! Кем только «ЗОЛА» ни была. Сгорало одно, дотлевало другое, но они всегда оставались собой – серо-черной пылью пожарищ.

Нет начала у «ЗОЛЫ» и нет конца. Ибо мир родился из хаоса, и в хаосе ему надлежит пребывать. Лжек кивнул своим мыслям. Тело мертвого козленка пронзила судорога, будто в попытке отогнать назойливую муху, и он опять улыбнулся. Всё получится.

Его веки смежились, а внутренний взор, скользивший по воспоминаниям, обратился на себя самого.

Родился он в 1803 году – в грязном подоле уличной шлюхи, сполна обслужившей очередную оргию «ЗОЛЫ». В то время «ЗОЛА» преследовала интересы на Кубе. Готовила мятежи или что-то в этом роде. В свои неполные пятнадцать

он бросил вызов верховному колдуну – старику Агульфу, любителю потрахушек и девиц в овечьих шкурах.

Старик желал, чтобы «ЗОЛА» и дальше плыла теньями, тогда как Лжек видел перспективу.

Шансы одолеть старого пердуна равнялись нулю, и Лжек предложил состязание иного рода. Оба должны были смотреть на солнце три часа кряду. Не отводя глаз и не закрывая их. Побеждал тот, кто оставался зрячим. Лжек криво усмехнулся. Конечно же, Агульф принял его идиотский вызов.

Это случилось на озере Бехукаль, недалеко от места, где родился Лжек. За состязанием следили летописцы «ЗОЛЫ». Бесстрастные ублюдки, неспособные выдать из себя даже сраной улыбки. Лжек и Агульф встали на расстоянии десяти метров друг от друга и воздели глаза к чистому голубому небу. Старикан давился смехом. Он мог бы преспокойно взирать на рождение сверхновой! Лжек же перестал что-либо различать уже через две секунды. Солнце поджаривало его гребаную сетчатку.

В руку скользнул заготовленный икул – церемониальный нож, по иронии символизировавший мир.

Продолжая следить за слепящим шаром, чтобы не нарушать условия поединка, Лжек вслепую приблизился к старику. А потом на ощупь перерезал тому глотку, будто казнил дряхлого петуха. Агульф не сопротивлялся, и летописцы засчитали победу.

Старик смеялся и смеялся через харкающую кровью шею.

Он признал твердость руки сына и его амбиции. Дал им шанс. Дал шанс «ЗОЛЕ».

Надев несуществующий венец, Лжек первым делом явил «ЗОЛУ» миру. Как дорогой и первоклассный инструмент. Так «ЗОЛА» получила свое нынешнее лицо – градостроительного монстра, жрущего гектары земли и испражнявшегося городами.

И Лжеку было глубоко наплевать, что истинный лик «градостроительного монстра» раскрыли. Ибо пришло время менять мир не стежками, а разверстыми ранами.

Двери зала распахнулись, на мгновение втиснулся свет коридора, и жрец ввел чернобровую Офиру, девятилетнюю дочь Лжека. Девочку в черном бархатном платье и лакированных туфельках знобило. Ее глаза, так похожие на масляные, блестели.

– Сосуд. – Жрец поклонился, звякнув кольчужным фартуком.

Взгляды отца и дочери скрестились. Всё давно решено. Лжек не видел в собственных детях продолжение себя – лишь первоклассный ресурс. И не важно, ради чего этот ресурс тратился, – ради непогоды над Восточной Азией или контроля над тварью из звездных бездн, как сейчас.

Офира шелестящим голосом поздоровалась:

– Мертвого дня, отец.

– Мертвого дня, дочь.

Девочка набрала воздух в легкие и задержала его, будто

не решаясь выдохнуть.

– Я умру?

– Надеюсь на это. Иначе твоя душа станет накипью, разрываемой от боли. Будет неприятно. Но мы же не хотим этого, малышка?

Офира вздрогнула. Она ненавидела, когда он так ее называл. Нерешительным движением взяла себя за руку.

– Благослови же меня, отец. – Голос ее потускнел.

– Подойди, дитя.

Офира приблизилась, и Лжек взял ее за плечи. Девочка воспрянула и тотчас поникла: руки отца принялись раздевать ее. Подобного бездушия обычно удостаивались манекены в бутиках, когда возникала потребность обновить коллекцию одежды. Груды девочки еще только начали созревать. Внизу живота виднелись первые волосики. Тело покрывали те же серебристые татуировки, что и у отца. Защита от вторжения потусторонних начал.

Лжек поцеловал дочь в лоб:

– Иди. И ничего не бойся... кроме смерти.

Лицо Офиры скривилось в маске плача. Только слёзы не текли.

– Я не хочу!..

– Забрать ее!

Подошел жрец. Он приобнял девочку и отвел в центр из свечей.

Офира раскинула руки – голая, несчастная и бесправная

в своей судьбе.

Лаванда деревянной походкой шагала по коридорам «ЗО-ЛЫ», так обманчиво похожим на артерии какого-нибудь офиса. Но вся иллюзия разом таяла, стоило на месте для кулера оказаться пяточку с алтарем, на котором располагался кубок с «влажгой мертвых». Так называли росу, которая оседала по утрам на трупах. Испить мог любой желающий.

Вспыхивали и гасли потолочные лампы, реагируя на движение. Лаванда то и дело нагоняла собственную тень. Губы сжались в полоски стали. Голубые глаза посерели. Пахло евшан-травой и люцерной. Смесь помогала держать рассудок в узде, особенно когда начинали скрестись безымянные твари, привлеченные душами, открытыми для зла.

Навстречу прошел один из агентов под прикрытием. В кителе полковника МЧС. Лаванду передернуло от отвращения. Она ненавидела людей в форме.

В 2007 году, когда ей только исполнилось десять, выпивший отчим толкнул мать под сдававший задом мусоровоз. Ублюдок, с гордостью носивший погоны капитана милиции Самары, просто отпихнул «сучку, сказавшую поперек его слова». Водила мусоровоза не сразу врубился, что наехал на что-то. Девятнадцатитонная махина лишь подпрыгнула. Из кабины он выскочил только благодаря надрывному крику девочки.

Ей никто так и не поверил. Зато она безоговорочно уве-

рвала в дьявола, низвергнувшего ее жизнь в ад. Ублюдок в погонах частенько прикладывался к бутылке. После чего брал ремень и вдевал в его дырочки капитанские звёзды. Затем следовали свистящие взмахи, порождавшие жалобный скулеж.

Так «овцу» учили уму-разуму.

Лаванда много раз думала, что лучше бы он насилдовал ее. Тогда бы у нее оставался хоть какой-то шанс на хорошее отношение к себе. Как к собаке, подносящей тапочки – и оргазм в пасти.

Закончилось всё довольно просто. После очередной экзекуции, когда ублюдок, удовлетворив садистские наклонности, уснул, она взяла обычный карандаш и толстенную Хрестоматию для четвертого класса, которую так ни разу и не открывала.

Вставила карандаш в ухо спящему. Подняла книгу. С силой ударила.

Карандаш больше чем наполовину вошел в голову. Ее мучитель умер с открытым ртом, словно деревянная палочка с грифелем отжала внутри его черепа какую-то пружинку. Лаванда с улыбкой обломала карандаш. Последующую неделю она жила в тишине, благословенной смертью. Пока соседи не забились тревогу, обеспокоенные вонью, разившей из их квартиры.

Из детского отделения психиатрической больницы Самары ее забрал плешивый тип, работавший на «ЗОЛУ». А кто

заколол дядю? Вот и молодец, вот и умница. Лжек уже тогда был собой нынешним: ни морщинки, ни пятнышка, как на смуглом яичке.

В северный коридор шмыгнул навигатор с выколотыми глазами. За ним следовал вооруженный «золотик», готовый в любой момент пристрелить подопечного. Безумие и одержимость среди таких не редкость. Навигаторы – особая каста жрецов. Они погружались в кошмары астрала, в волны черных океанов. Искали возмущения, толчки силы, странные смерти, аномалии.

Именно они привели «ЗОЛУ» к Ивоту в 2000 году. Под землей что-то находилось – нечто мощное, вибрирующее болью иного мира. Под предлогом градостроительного напора стали перерывать окрестности, отданные под новый район. Однако сомнительная честь обнаружить врата принадлежала Ивотскому стекольному заводу. Так всё и началось.

Лаванда остановилась у вычурных дверей Зала Ритуалов. Изнутри явственно тянуло опиатами. Вошла. При виде раздетой Офиры, стоявшей с покорностью овцы в жертвенном круге, она на миг остолбенела. Дело серьезное, раз в ход пошел столь редкий живой *актив*. Девочка не отрывала испуганных глаз от отца.

Лаванда просеменила к креслу, в котором развалился Лжек. Колдун с безразличием свесил руки. Лужицы теней, привставая, обсасывали его смуглые кисти, пожирая сок грейпфрута.

– Чертовидцы живы, мессир Лжек. – Лаванда чеканила каждое слово, будто юбилейные монеты ко дню рождения Сатаны. – Желтоглазый всё это время пребывал в коме. Питонин фальсифицировал заключение о его смерти. Но это не всё. Желтоглазого укрывал некий плод, произрастающий на его груди. Мимикрия под мертвеца.

– Вот как? – Лжек против воли оживился. Скопил оливковые глаза на подчиненную. – Что за «плод»?

– Беломикон, мессир. Так его назвал желтоглазый.

– Что-то новенькое. А что со вторым?

– Освобожден напарником. В настоящий момент чертовидцы уже пресекли профессиональную деятельность некроманта в метро. Слухи об их возвращении плодятся быстро. Дети тьмы покидают городок. Какие будут распоряжения, мессир? Прикажете меня... высечь? – Лаванда вдруг ощутила прилив крови к низу живота. Сжала бёдра.

– Возвращайся к нашему храброму майору. Держи руку на пульсе. И, Лаванда...

– Да, мессир?

– Получи на выходе дюжину «плетей».

– Мертвого дня, мессир.

– Мертвого дня.

Лаванда покинула Зал Ритуалов. Офиру, бросившую умоляющие взгляды, с улыбкой проигнорировала. Однако в коридоре нахмурилась. Долбаный Питонин! Квадратный козел! Если бы не он... Она набрала слюну для плевка, но пе-

редумала: проявление верблюжьей привычки после визита к верховному выглядело бы двусмысленно.

Блондинка-лейтенант вскинула подбородок и направилась в Атриум Плоти.

Плети, секущие до сладкого зуда спину, бодрили лучше чашечки доброго кофе.

Лжек скрестил руки на плоском животе. Жрецы приготовили маленькие лопатки с зубцами, напоминавшие кухонные терки для твердых сортов сыра. Офира знала, что сейчас будет. Ее долгое время готовили к этому. Ноги обожгли внезапные горячие струйки.

Она взглянула на отца:

– Я люблю тебя, папа.

Лжек оскалился:

– И потому ты идеально подходишь. Покончите с ней!

Жрецы схватили девочку за руки, пережали ей лодыжки и запрокинули голову. Затянули богохульные сантерические напевы. Лопаточки с нежностью любовников легли на плоть – стирая татуировки Офиры. Серебристые линии натальной живописи снимались с ребенка вместе с кожей и плотью, словно обагрённая цедра – с кровавого апельсина.

Щёки. Скакавшие плечи. Дуга спины, живот и груди. Трясшиеся ягодицы. Мокрые ноги.

Кричавшую и лягавшуюся девочку заживо ошкуривали.

Через двадцать минут всё закончилось. Офира лишилась

всех татуировок, препятствовавших овладению телом и разумом потусторонними сущностями. Она напоминала жертву несчастного случая на лесопилке: человека, угодившего под струйно-гидравлическую чистку, снимавшую кору с бревен. Девочка тряслась и всхлипывала, готовясь к нырку в пасть вечности. Каждое движение, даже незначительное, причиняло чудовищную боль.

Глаза Лжека блестели, как у страдающего сенной лихорадкой. Он поднялся с кресла. Воздел руки к далекому небу, сокрытому кладбищенской землей.

– О Бессодержательный! О владыка мертвых комет и нор бесконечности! Отрави сей сосуд мудростью бездн! И пройди телесно по миру, чья судьба – корчи под твоей кровотокающей пятой!

Жрецы запели еще громче, один за одним впадая в транс, будто сомнамбулы. Они пускали слюни, имитировали лай, с наслаждением увечили себя. Где-то снаружи гроыхнуло, словно за много километров от убежища надвое раскололся скальный массив.

А потом куполообразный потолок обрушился в зал.

Ритуальную группу жрецов и Офиру заживо погребло под тоннами земли.

Лжек с интересом сложил пальцы пирамидкой.

Оползавшая тихим дыханием насыпь задрожала. Осколки и дурная земля со стеблями ядовитой бузины подались в стороны.

Наружу выбралась Офира. Несмотря на комья подтухшей земли, хрупкое тело девочки являло собой образец чистоты. Раны, родинки, старые шрамы – всё растворилось в новой коже.

Выжившие жрецы, звякнув кольчужными фартуками, пали ниц перед божеством, ступившим в телесной форме в юдоль людского рода. Лишь Лжек не преклонил колени. Он взглянул сквозь обвалившийся потолок: сиреневые тона всё еще отравляли клочкотавшие далекие небеса. Значит, человеческого тела – даже *такого* – недостаточно, чтобы целиком вместить тварь из черных глубин космоса. Впрочем, это отнюдь не означает, что контроль невозможен. По губам колдуна змейкой поползла улыбка.

Офира, казалось, к чему-то прислушивалась. Будто к плачу за стенкой. Возможно, именно так отныне звучали ее мысли в этой маленькой черепной коробочке с красивыми волосами.

Они здесь. *Они* прибыли, хоть и не все. *Они* приглашены в это вместилище. Молоденькая женщина с разумом ребенка. Ее сознание растворяется в *них*. Оно вопит, тает, скворчит. Девочка взглянула на колдуна. Честолюбие и амбиции из того так и брызжут, как из пульсирующего фонтанчика между двух тел в ночи. Такой может быть полезен.

Офира поднесла руку к лицу и погрузила пальцы в глазницу. Чавкнуло. В окровавленной ладонке оказался полураздавленный левый глаз, из которого вытекало перламутровое

стекловидное тело. Она воззрилась на добычу.

– *Мы* желаем зреть чертовидцев *лично*. – Кроткий голосок Офиры сменил громовой шквал. Казалось, когда девочка открывала рот, разом говорили сотни агонизирующих мужчин и женщин, развешенных на крестах.

Стены Зала Ритуалов прошла опасная вибрация. С остатков потолочного купола сорвался массивный кусок закаленного стекла. Перевернувшись в воздухе, он мягко воткнулся в землю.

– Будет исполнено. – Лжек склонил голову в вежливом поклоне.

Он подобрал одежду дочери, приблизился к непостижимому божеству. На плечи девочки вновь легли отцовские руки.

И на этот раз они несли куда больше тепла.

Булат с кислой миной изучал набор «Новоселье». Рюмки и графинчики. Мазки «селенового рубина» прорезали молочное стекло. Рот постепенно наполнялся слюной: набор напоминал леденцы со вкусом клубники и сливок. Перевел взгляд на прочие экспонаты музея. Хрусталь, объятый огнями софитов. Роскошь и красота. Ковровые дорожки к застольям и алкоголизму.

Лунослав, находясь в рядах выставки «Времена года», беспомощно вертел головой. Хрустальные растения его совершенно не занимали. Может, он и взглянул бы на хрусталь-

ный иконостас, на создание которого ушло свыше семи тонн хрусталя, но для этого пришлось бы отправиться в Неопалимую Купину. Так что в другой раз.

Сотрудники бюро находились в Дятькове, районном центре, ютившемся в одиннадцати километрах к юго-востоку от Ивота, – меряли шагами музей хрусталя. После зловонных событий в метро прошли сутки, втащившие мир в двадцать пятое сентября. Тело Пелагея в фильтрах и отстойниках водонасосной станции так и не нашли.

Шизофреничный убийца бесследно испарился.

Лунослав и Булат искали Сосулину – ивотскую умалишенную, которую многие называли Дамой С Кабачком, иронизируя над ее схожестью с персонажем из сериала «Твин Пикс». Она повсюду таскала килограммовую кустовую тыкву, словно та являлась центром мироздания. Возможно, так оно и было, потому что Сосулина, несмотря на репутацию эксцентричной сорокапятилетней дурочки с внешностью простывшей картофелины, ведала о заповедном и запретном.

Точнее, об этом ведал кабачок, говоривший исключительно со своей умственно нестабильной хозяйкой.

– Наводка Питонина определенно отсырела, – пробормотал Лунослав, разочарованный напрасной тратой времени. – Здесь ее нет.

– И в чём дело? – Булат наклонился к витрине с вазами. Одна из них неплохо бы смотрелась у них в бюро. – Пусть Капитон ее в розыск объявит. А ты давай язык подключай и

социализируйся. И держи язык покороче.

– Господи, ладно.

Они подошли к стойке с буклетиками. Приятная девушка-экскурсовод в голубенькой форме заполняла какой-то бланк отчетности.

– К вам не заходила час-полтора назад одна странная дама? – спросил Лунослав. – С ней еще мог быть кабачок.

Девушка оторвала затуманенный взгляд от писанины:

– В смысле – кабачок? Как продукт?

– Как ее духовно-овощной наставник. – Булат уже тянул широкую улыбку, предвкушая интересную и до-олгую беседу.

Девушка подняла глаза к потолку, словно там находилась пиньята с подсказкой. Было видно, что она всерьез задумалась. Потекшие секунды грозили слепиться в полновесную минуту ожидания.

Лунослав не выдержал:

– Господи, была у вас тут дикая тетка или нет? Лоб бугристый, нос давленный, любит истерить и гнусаво пророчествовать!

Лицо девушки просветлело.

– Точно, забегала! Но без кабачка. Прикупила хрустального ежика. Сказала, сестрам в подарок.

– Каким еще сестрам?

Булат хлопнул ладонью по стойке:

– Пошли Капитону звякнем. Пусть невод берёт и в архивы

забрасывает.

Они проследовали к остекленным сверкающим дверям, ведущим наружу.

– Погодите, молодые люди! – окликнула их экскурсовод. – А вы ежика не хотите?

– Ежика? Если только после работы, – ответил Булат тоном искусителя и рассмеялся.

Щёки девушки заалели. Она сделала вид, будто ничего не услышала, и вернулась к заполнению форм.

Сотрудники бюро вышли. Музей хрусталя размещался на улице Ленина, в тридцати метрах от дороги. Скользили машины. Торопились прохожие. Престарелый дворник мёл желтую тополиную листву, мотая во рту пережатой сигаретой, отдающей корвалолом. Погожий осенний денек сменился пасмурной дымкой. Зловещее небо всё той же раной зияло за облаками.

Лунослав вдруг ощутил враждебный взгляд.

В паре метров от проезжей части дышал выхлопами лимузин «Aurus Senat» с красными дипломатическими номерами Камеруна. Претенциозно играла одна из сюит Баха для виолончели. Рядом отиралась неприятная парочка – высокий смуглый блондин в серебристом костюме и вишневом шарфе и девочка в чернейшем бархатном платье.

Они напоминали богатеньких и эксцентричных родственников с рождественской открытки. На золотисто-коричневом красивом лице мужчины плавала язвительная улыбка.

Девочка же казалась меланхоличной созерцательницей препарированной лягушки.

Лунослав пригляделся внутренним оком и едва не грохнулся на землю. Обычно ему удавалось видеть сокровище только вблизи, но сейчас он узрел больше, чем желал. С высоких тусклых небес в девочку ввинчивалась исполинская воронка, растекавшаяся по облакам километровыми корнями. Словно в голову ребенка упирался столп венозного, бордового дыма.

Булат с озабоченным видом встряхнул напарника:

– Что, барышня, голодный обморок намечается?

Лунослав показал трясущимся пальцем на приближавшуюся парочку.

Лжек блеснул жемчужными камешками зубов:

– Истерикс и Позерикс собственной персоной. Мертвого дня, чертовидцы.

Булат стрельнул в ответ лучезарной улыбкой, сделавшей бы честь и Королю поп-музыки²⁶:

– Ты еще кто такой, чтобы так резко, как понос, разговаривать с нами?

Офира с академическим интересом изучала молодых людей. Стоило больших усилий повернуть всё это: развратить Черномикон, сотворить бюро «Канун» руками госслужащих и переправить фолиант. Эта парочка до конца сыграла свои роли. Только режиссер пересмотрел сценарий и подготовил

---

²⁶ Улыбка Майкла Джексона просто божественна.

новые сюжеты – полные раболепия и хандры. Она почувствовала почти неодолимое желание растянуть губы.

Мыслить человеческими категориями оказалось... приятно.

– Вы обознались, – с нажимом сказал Лунослав, подталкивая товарища к припаркованному уазику. Но почему, почему нельзя повсюду таскать с собой колун и косу?

Булат доверял заскокам напарника, но и сверкать пятками тоже был не готов.

– Может, они автограф хотят взять.

– Только если нашей кровью! Девочка – это...

– ...Бессодержательный, – закончил Лжек за Лунослава.

Имя чудовищной твари коньячным глотком прокатилось по языку. – Точнее, его *малая* доза. А в малых дозах, как вы знаете, многое полезно. Позвольте представиться: идейный вдохновитель и лидер «ЗОЛЫ». А всё это, – показал он на мир вокруг, – дом, который построил *Лжек*. То есть – я.

Булат зажмурился от удовольствия. Имя главного засранца пришлось ему по душе.

– Л-Лжек! Черт возьми, вот это имя! Идеально!

– У тебя что, серные пробки в ушах?! – прошипел Лунослав. – Ты не слышал...

– Я всё услышал. И проблем не вижу. Гасим их, и дело с концом.

Оба ощутили внутри древоточцев сомнений. Взглянули на девочку. Одно дело, если тварь приняла форму дитя, и

другое – если сам ребенок одержим злом.

– Дураки. – Лжек взмахнул указательным пальцем.

Около двух третей прохожих откинули осенние плащи и куртки. На свет божий явились короткоствольные автоматы, готовые прогреть воздух свинцовой смертью. Ленина заполонили «золотики». Не меньше двух дюжин. Даже дворник, жевавший дерьмовый «Davidoff», вынул пистолет из-под сигнального оранжевого жилета.

Зазвучали визги. Свидетели спешили убраться куда подальше. Истерили тормоза транспорта. Улица напомнила закуток с разбежавшимися тараканами, в чье логово ударил свет фонарика.

– Полегче, полегче, ребятки. – Пальцы Булата пробежались по ключам от уазика. Нащупали брелок с оправой-клеткой. Открыли. В ладонь вкатилась черная жемчужина. Возможно, их единственный шанс уцелеть. – Только в Лунтика не стреляйте. А то он всех воплями оглушит.

– Да, я визгливый, – подтвердил Лунослав осипшим голосом. Он отступил за напарника: Булат в результате трансформации в демонического зверя при помощи жемчужины мог выдержать не только пули.

Наконец Офира подала голос:

– *НЕТ.* – Ее громовой глас разнесся по Ленина, заставив асфальт под ногами содрогнуться, будто от пронесшегося под землей поезда.

У одного из «золотиков», обладателя футболки с надпи-

сю «КЛИТЕРАН ГОРЯЧИХ ТОЧЕК», лопнули глаза. Лунослава едва не вырвало. «Золовик» заорал, хлопая себя по лицу. Автомат отлетел в сторону.

Донеслись новые крики.

Фанатики «ЗОЛЫ» один за одним слепли, будто некий шутник решил проткнуть гвоздиком маленькие влажные шарики в их головах.

По лицу Лжека проскользнула рябь раздражения. Этого он не ожидал.

– Убей нас, папа. – Голос девочки стал тише, напомнив рокочущую в ночи лавину, нацелившуюся на палатку с альпинистами. – Мы хотим насытить их любопытство.

Лжек не стал отказывать себе в удовольствии. Приставил к виску Офиры указательный и средний пальцы. Раздался шипящий звук, характерный для выстрела пневматического пистолета, с помощью которого убивают скот. Струя воздуха под давлением пробила голову девочки насквозь. Офиру откинуло. Из раны, точно из диковинного улья с лилейными трещалками²⁷, поднялось облако амарантового тумана.

На пяти квадратных метрах улицы раскинулся клок жестокой, вечно голодной бездны, рыскавшей миллионы лет за звездами.

– Частичка Бессодержательного. Частичка Бессодержательного!.. Частичкачастичкачастичка!.. – Повторяя это

---

²⁷ Жук-листоед. За красный цвет называют «пожарником». Издаёт высокие звуки при опасности.

вновь и вновь, Лунослав кинулся к машине за колуном. Кажалось, он мог обгадиться от ужаса.

– Как у тебя палец повернулся в собственного ребенка пальнуть? – Булат закинул в рот жемчужину. Артефакт, вызвав раздражение пищевода, вышел обратно. – Что за хрень? – Он повторил попытку, и жемчужина опять выкатилась на язык.

Лунослав, влезая в перевязь со Злорубом, ухватил краем глаза происходящее с напарником. До него вдруг дошло. Это же до примитивного просто!

– Булат! Мы все, вся Брянская область, заполнены Бессодержательным! Он – в нас, а мы – в нём! Мы им даже дышим! Что бы ты ни глотал, это не достигнет желудочных соков, пока *оно* того не захочет!

Лжек изобразил умирающим жестом аплодисменты:

– Ну хоть что-то. Развлекайтесь.

– Заткнись, фашист! – огрызнулся Булат.

Они с Лунославом бросились в несогласованную и напрасную атаку.

Ничто не причинило вреда живой туманности из иных миров. Произносить же какие-либо напевы на богохульном языке Лунослав побоялся. Положение и без того походило на причмокивающее анальное отверстие.

Наконец клочок пылающей бордовыми огнями бездны всосался в тело девочки. Офира с равнодушием мертвеца поднялась с асфальта. Как и прежде, невинная и невредимая.

Заштопать пробитый череп оказалось не сложнее, чем восстановить глаз. Людские тела на редкость эластичны, особенно изнутри.

Она приблизилась к замершему Булату маленькими шажками. Наклонилась вперед, будто хотела пошептаться о секретиках, и прислушалась. Ее внимание привлек зревший в груди молодого человека Беломикон.

– Мы знаем, что там. Там – впустую потраченное время.

– Это ты – впустую потраченное время!

Нахлынувшие боль, обида и чувство вины за чужие смерти заставили Лунослава вскинуть Злоруб. Тяжело дыша, он замер. А вдруг где-то там, под этой порабощенной оболочкой, всё еще тлеет настоящее дитя?

– Боишься причинить боль ребенку, которого нет? – Лжек, запрокинув голову, зашелся в узорчатом смехе. – Вот же глупец!

– И то верно. Здесь же как на родительском собрании – виноват папаня. – Булат накинулся на хлыща в серебристом костюмчике. Мозолистый кулак вышел на орбиту «хрустящей стыковки».

Лжек волнообразным, преломившим свет движением сместился в пространстве. Отвесил сотруднику бюро пощечину, заставив того кубарем прокатиться по асфальту.

Булат сплюнул. Урод разбил ему губу. В первый раз, что ли? Поднялся, точно распрямившаяся пружина. Развел руки и улыбнулся, показав перепачканные кровью зубы.

– Тебя так в школу мама провожала, да? Готовь мелки: труп твой обводить буду. Ну, может, еще машинку нарисую.

Офира вскинула ручку, призывая всех остановиться. Вновь зазвучал ее грохочущий голос, отбивавший слова, точно колёса вагонов – стук по рельсам.

– Надежда и сокращения плоти – суть жизни. Но и *мы* – жизнь; пусть и чуждая вам и непонятная. *Мы* желаем, чтобы вы узрели посмертные корчи собственного рода. Сперва истают ваши земли, затем осиротеет ваш мир и только потом исчезнете вы – лишенные душ, чаяний и фрикций, продолжающих род.

– Беспомощность – не самое оригинальное наказание, не находишь? – Лунослав не знал, что предпринять. Мысли металась загнанными зверьками. – Для чего эти пустоты? Что ты с их помощью делаешь?

– Они для того, чтобы *мы* стали целым. – Офира повернулась к верховному колдуну «ЗОЛЫ». – Папа, *мы* пресытились. *Мы* желаем уйти.

Лжек взял ее за руку. Ему не понравилось, что чертовидцы остались живы. И всё же время споров не пришло. Но позже – обязательно. Он бросил на прощание улыбочку, подвел девочку к лимузину, открыл дверь.

Лунослав схватил за плечо дернувшегося Булата и покачал головой. Как оказалось, чтобы их раздавить и унижить, не обязательно погружать в кому или превращать в бумагу.

– А если мы опять захотим получить на орехи?

В бездушных глазах девочки промелькнул слабый огонек интереса. А вот и оно.

– Последнее оспаривание судьбы пройдет там, где обретают бессмертие.

После этого Лжек и Офира скрылись в фешенебельных внутренностях «Augus Senat». Лимузин, сыто заурчав, выехал на дорогу и скрылся за поворотом, ведущим в северную часть Дятькова.

Булат, всё еще кипя, вдруг осознал, что ушам чего-то недостает. Не хватало какого-то фона, ставшего за последние минуты донельзя привычным. Он огляделся. «Золовики», обратив заострившиеся безглазые лица к небу, давились пеной. Мужчина, игравший дворника, слепо шарил возле себя рукой, ища откатившуюся красную капсулу. Нашел.

– Эй-эй-эй! Брось! – Булат накинулся на «золовика», но у того изо рта уже разлило горьким миндалем. – Вот черт. И этот туда же. Капитон нас с дерьмом сожрет.

– Не думаю, что ему нравится жевать дерьмо, – возразил Лунослав.

– Но с нами-то он частенько его кушает.

– Это точно.

Булат покосился на товарища:

– Тебе лампу к лицу приставлять или сам расколешься? Что задумал?

Лунослав взглянул на прояснявшееся небо. Бордовые тона в просветах пугали.

– В общем, нам понадобится мешок Влекущего.

– Хрена себе.

– Вот и я о том же.

Им ничего не оставалось, кроме как погрузиться в узик и отправиться в декорации триумфа двухмесячной давности.

Она вышла из моря волновавшегося сухого ковыля. За волчьей ягодой виднелся асфальтобетонный заводик. Некрупное производственное предприятие, брошенное на откуп векам в пяти километрах севернее Старого Ивота.

То самое место. Туточки ребята из бюро «Канун» и полиция во главе с квадратным колобком Питониным сшиблись с «ЗОЛОЙ» и Влекущим – демоническим эмиссаром и истоком ужасов Кануна. Лишь благодаря шельмоватости чертовидцев несмешной демон-уродец бежал.

Порывы ветра швыряли колоски ковыля на битумные насосы, дробильно-сортировочное оборудование и прочий хлам, предназначенный для изготовления битумоминеральных и асфальтобетонных смесей. Пробившееся солнце колотилось о злосчастный ангар, ставший в свое время вместилищем конфликта между светом и тьмой.

Она поцыкала зубом и направилась в сторону блестящего купола. В голове свербело: как она обо всем знает – ничего не зная? Хороший вопросик. Особенно учитывая, что ее кабачок-проводник, возвращавшийся на крыльях куриного помета каждый год, пал жертвой ее же громоздкой задницы.

Кто в таком случае показал детали страшной сказки о заводике и рассказал о сестрах?

Сестры...

Она оглядела себя. Некрасивая и нескладная, в вязаной кофте, напоминающей сплетение сизых червей, и в длинном платье до пят, превращавшем любую женщину в матрону монастыря. И фамилия у нее такая чудная.

Со-су-ли-на.

Она кивнула. Да, это про нее.

В вечно мутной голове забрезжили осколки тщательно блокируемых воспоминаний.

Пососи мою сосульку. Давай же, сосуля. Сделаем весну на кончике вместе.

Это были первые слова, что она услышала, придя в себя в том вонючем переулке. Сверкала вывеска бара «Промокшая Матильда». Терлись брюхами об асфальт крысы. А какой-то мужик, зажав молоденькую девочку у водостока, впихивал той в рот самую неаппетитную штуку, что она видела.

Давай же, сосуля.

Со-су-ля.

Ей понравилось это слово. Оно пахло оранжевым. Оно стало ее. Она – Сосулина. А потом ей на глаза попала надпись на углу бара, сделанная флюоресцирующей розовой краской: «АЛЛА ХОРОШАЯ. ПОТОМУ ЧТО КУШАЕТ ЭТО 3 РАЗА В ДЕНЬ». И номер телефона. Молоденькая девушка, та самая «Алла», как раз начала добывать себе

пропитание. Видимо, сейчас был вечерний прием.

Алла – хорошая.

Это ей тоже понравилось. Затем она устремилась по магистрали из твердых звуков, похожих на улыбающиеся краюшки хлеба. Они привели ее к заброшенному подсобному хозяйству. Опустевшая свиноферма ей тоже пришлась по вкусу. Но то, что она не помнила себя прошлую, радовало ее куда больше. Она просто возникла из ниоткуда, как стул, услужливо поданный висельнику.

В кусачие дни минувшего она кем-то была. Может, волчонком, или медвежонком, или лисенком... Лисенком? Лиса...

Лисса!

Сосулина с мычанием замотала головой. Она боялась этого имени, ненавидела его. Потому что в нём пульсировали они – люди-пузыри, консервированные крики и океан, обнюхивающий человека на пальце. Выстрадавшая реальность вновь грозила обернуться карнавалом из конфетти и безумия.

Она понянчила хрустального ежика, купленного в музее хрусталя, и налегла на облупившиеся двери ангара. Ржавчина застонала. Внутри простирались серо-пепельные барханы с моргавшими металлическими зрачками – костяная мука и окровавленные монеты желаний из разных эпох и миров. И то и другое – истинное содержимое дьявольского мешка, наделавшего Влекущего властью пожинать жизни.

За опорными колоннами мерцала дневная тьма.

Сосулина прижала ежика к левой груди, поджала ногу и запрыгала вглубь. Затянула бессмысленную считалочку.

На

Мертвой

Ноге

Сидели:

Мигрень,

Огонь,

Дольки шрапнели,

Безбожник,

Сырой.

Кто

Хнычет

Там за стеной?

Говори поскорей,

Не задерживай

В ведрах

Письки людей!

В ответ прыснул мелодичный смех. А потом раздался до ужаса знакомый голос:

– Как же нам тебя доставало, сестра! Иди к нам.

Сосулина, спотыкаясь и запинаясь, с удивлением потрусила вперед. За северо-западными опорными колоннами она

натолкнулась на двух женщин. Ясных и чудовищных. Они походили на разорванный надвое луч солнца, из которого вычленили стерильную белизну и ультрафиолет.

Первая – красotka с чувственным ликом, словно запечатлевшим негу утренней постели, и пшеничными волосами. Белоснежная, простроченная золотом туника. Алый поясok.

Вторая – настоящая страхолюдина. Отталкивающее лицо-негатив. Парившие волосы-пакля. Сухая грязь на зубах. Похожий на рваную тень сарафанчик. В мертвенных руках – ивовый прутик с бронзовым копытцем на конце.

Босоногие.

Сосулина знала их, хоть и отчаянно желала забыть.

Аделаида, мать лесов и союза двух тел у очага, и Умертвина, посланница смерти и похоронной хвои.

– Так это из-за вас, дрянные девки, со мной в два часа ночи заговорило облепиховое варенье? Его липкий голосок сказал, что здесь меня дожидаются сестры. Наврало. Облепиха же – тупица! Потому что у дурочки, кроме ежегодного кабачка, никогошеньки нет. Да-да! – Сосулина протянула хрустального ежика. – Кушайте на здоровье. Это вам.

Умертвина перевела страшные глаза на ежика и коснулась его прутиком. Сквозь хрусталь невообразимо полезли еловые иголки, с тонюсеньким звоном расколов его. Изувеченный презент тихо упал в костяную муку.

– Ты должна отправиться со средней из нас, сестра, – прошелестела посланница смерти. Ее жуткий голос нёс нотки

крошащегося гранита.

– Хожу и *оправляюсь* только с кабачком, – прогнусавила Сосулина. – А вы правда мои сестры? Помню лишь то, о чём говорят предметы. И цвета. И крики. И... и... и...

Аделаида улыбнулась. От нее веяло заботой и теплом.

– Это естественно и обыденно для тебя. Ты – наша третья, старшая часть.

– Но кто я?

– Если угодно, ты – отемнение умов и собачье бешенство.

Сосулина на миг утратила и без того эфемерную связь с реальностью. В больном разуме вспыхнул и расцвел водоворот далеких воспоминаний. словно перед глазами развернули тысячи старых фантиков, в которые на развес заворачивали сумасшествие.

Вены лабиринта под здешней землей... Старые... Давние... Утомленные кровью...

Бедную девочку ведут... Ведут к печати... К воротам, за которыми бушует океан желтых глаз...

Девочку убивают... Чтобы печать крепла... Чтобы крепили люди... Чтобы глаза пропали...

Перед смертью девочка кричит... Вместе с ней ревет печать...

Крик девочки стекленеет... стекленеет... *стекленеет!*..

Из крика, в осколках, рождаются трое... Сестры... Зернышки одного немислимого вопля...

Рождаются *они*...

Сосулина с силой надавила на виски и заорала:

– Я не хочу вспоминать! НЕ ЖЕЛАЮ! – Ее голос неожиданно приобрел плотность и шкуру, будто взрыкнул некий древний монстр из глубин бытия.

Аделаида и Умертвина переглянулись, едва не попятившись. Ни одной не хотелось оказаться поблизости, когда их сестрица *придет в себя*.

Лицо Сосулиной разгладилось. Под дутым носом взошла глуповатая ухмылка.

– Выходит, я – юродство?

– Не чудаковатость, но безумие, – сказала Умертвина. – Стало слишком опасно, чтобы ты продолжала играть в чело- века.

– Но вы тоже люди. Только странные. Ты – сеешь свет, а ты – пухнешь тьмой. Хочу новый кабачок. Потому что варенье на меня... пялится!

– Ты получишь всё, что пожелаешь, как только чертовидцы заберут то, что мы стережем для них, – промолвила Аделаида.

Умертвина оскалилась, обнажив отгалкивающие зубы:

– Это им дорого станет.

– Ты словно скорпион, жалящий себя в мозг.

– Такова суть многих вещей – и многих скорпионов.

– Ой, ой, чертовидцы! – Сосулина как одержимая принялась хлопать в ладоши. Те довольно быстро заболели. – Люблю этих ребятков. Хотя после Бессодержательного их злоклю-

чения побегут еще дальше. Да-да!

Аделаида поежилась: за нелепицами старшей сестры нередко проскальзывали зёрна страшных пророчеств. Что еще за ужасы вторгнутся в их подлунный мир?

– А что вы для них стережете? – поинтересовалась Сосулина, скользя наивным взглядом по недрам ангара.

Умертвина отступила в сторону и показала на безликую тряпицу.

Под колонной, наполовину увязнув в костяной мукé, лежал разорванный кошель предсмертных подаяний.

Сотрудники бюро шагали к ангару асфальтобетонного заводи́ка. С угрюмостью побитых псов отмеряли метр за метром. Без оружия. Не радовало даже выползшее из конуры облаков солнце. Западный ветер доносил сухие ароматы застарелой ржавчины, подхваченные с дробильно-сортировочного оборудования.

Первым не выдержал Булат:

– Блондинчик хотел мне асфальтовую болезнь привить. Пижон хренов. Думаешь, «ЗОЛА» еще не заграбастала мешок?

– По идее, должна была, – отозвался Лунослав, неспешно варясь в собственных мыслях. – Всё-таки он помогал демону жать души. А это – мизерный шанс, что и мы пожнем Бессодержательного. Но мешок не забрали.

– Предсказание ягодичного нерва?

– Оно самое.

Они по очереди протиснулись в дверной проём. Стоял тошнотворный меловой запах, идущий от барханчиков с косяной мукбй. Заскрипели монеты. Под куполом ангара, судя по стихающему эху, только что звучали голоса.

Булата переполнило мрачное ликование. Здесь он задал Влекущему поистине королевскую трепку. Выпотрошил его мешок, а самому демону едва не снёс голову. Гнилостная смола, заменявшая уродцу кровь, так и брызнула! Правда, превращение в демонического волка изорвало одежду до состояния собачьих тряпок. Обидно.

Лунослав ощутил, как заныли желваки. Вспомнилась длань Влекущего, заполняющая серым спрутом весь обзор. Затем память-сволочь выдала еще один снимок. На этот раз звуковой. Хруст, с которым демон вывернул ему челюсть. Мечь и мера предосторожности за произнесенный напев, лишивший демона возможности скакать по пространственным карманам. А еще...

– Есть кто?! – вдруг гаркнул Булат.

Лунослав вздрогнул, схватившись за сердце. Не выпрыгнуло, слава богу. Чертов псих.

– Есть. Твой напарник с инфарктом!

– Не прибежняйся: ты инфаркты на завтрак ешь.

Заслышался звук, похожий на квохтанье индюшки. К молодым людям из дневных теней вынырнула смеющаяся Со-сулина. Она напоминала располневшую католичку, бежав-

шую навстречу новому дню и весу.

Булат с трудом поймал ее на руки. Пару раз крутанул, вызвав очередной залп индюшачьего смеха. Тоже рассмеялся.

– Теть Алл! Вот так сюрприз! Мы с ног сбились, тебя разыскивая.

Лунослав изобразил вежливую улыбку и решил, что время не терпит.

– Госпожа Сосулина, нам опять нужна ваша...

– Набейте рты стекловатой, мальчишки! – Сосулина замахала ладошкой, маня за собой. – Мои сестры-нелюди кое-что приберегли для вас. Конечно, не эскалатор к завтраку, но тоже сгодится.

Сотрудники бюро прошли за ивотской умалишенной в западную часть ангара, отмечая каждый шаг металлическим поскрипыванием и шелестом муки. К их изумлению, за северо-западными опорными колоннами их поджидали Аделаида и Умертвина.

В пародии на приветствие растянулись коралловая улыбка и корявый оскал.

Немыслимые женщины, точно караул, стояли возле присыпанного демонического артефакта.

– Они ваши сестры?! – Лунослав схватился за голову. Пожалел, что оставил Злоруб в машине.

Булат с подозрением уставился на Сосулину:

– А ты тогда кто?

Та с довольством доложила:

– Эта тетенька дает жизнь, а эта – ее забирает. А я как раз над ними: я – дурочка. Кстати, кирпичи из рыбы – лучшие кирпичи.

– По-любому.

Молодым людям уже доводилось пересекаться с Аделаидой и Умертвиной, и они до сих пор не были уверены в том, что эти паранормальные дамочки не являлись ожившими слухами. Хотя упомянутое родство с Сосулиной сводило на нет теорию материализации побасенок в конкретном случае. Впрочем, вопросы всё еще гнездились в горячих головах чертовидцев.

С Аделаидой их связывало несурзное дело лесорубов-браконьеров, лишившихся яиц после ночи, проведенной с красоткой в тунике. Жестокая плата за вырубку леса. Лунослав и Булат тогда и сами чуть не стали кастратами. Но всё обошлось, и каждый, включая горе-лесорубов, остался при своем обожаемом хозяйстве.

А вот с Умертвиной всё обстояло куда сложнее. Посланица смерти навязала им зверскую сделку, согласно которой она имела право беспрепятственно забрать любого, чье изголовье кровати ей приглянется. Этакая смерть, приходящая к подушке. Подобное шло вразрез с моральным компасом сотрудников бюро, и Умертвина сама влетела в Черномикон, став последним листом, необходимым для освобождения Бессодержательного.

Так она отплатила за нарушение условий сделки.

– Лучше отойдите, – прошептал Лунослав, сжимая кулаки.

Аделаида закусилась пальчик:

– Может, вам еще *подошву улитки* показать?

– Спасибо, ведьма, – поблагодарил Булат, – но улиток мы и по каналу «Brazzers»²⁸ посмотрим.

– Нам ведомо, за чем вы явились, чертовидцы-малыши. – Голос Умертвины сочился желчным злорадством. – Только кошель предсмертных подаяний издох. Утратил губительную силу. В отличие от меня.

– Да ты что! А как там между потными страницами? Или это другая мертвая девица с лошадиной мордой нырнула в проклятую книжку?

Умертвину обдало незримым порывом ветра. Волосы и сарафан взметнулись. Она вперила горящий взор в Лунослава.

– А ведь я предупреждала: хитрость применишь – и приблизишь конец. Но послушай. Кошель опасен, вредоносен. Даже для Бессодержательного. Загубленные души или тьма восстановят его. Пусть Ивот стих, но в самой Брянской области с избытком всего.

– Окей, – процедил Булат. – Значит, мы забираем сраный мешок.

– Мы не сможем его наполнить, – произнес Лунослав, не сводя напряженного взгляда с посланницы смерти. – Сами –

---

²⁸ Продукция 18+.

не сможем.

– Это еще почему? Наши ноги – поршни, их задницы – сваи. Хватаем и забиваем.

Ответила Умертвина:

– Потому что сила смерти, способная напоить кошель мощью, сторонится вас, чертовидцы. Я нужна вам, как нужен мамин поцелуй после кошмара. Но прошлая сделка – в силе! Каждый, у чьего изголовья я окажусь, – моя добыча и ваш грех!

– Мы согласны, – сказал Лунослав.

Разболтанные чувства раз за разом возвращали его в целлюлозный кошмар, в котором он провел последние два месяца. Он буквально ощущал, как по хребту стекают чужие сопли и слюни; как умирающий пытается дышать сквозь него, сквозь ненавистный клочок бумаги.

Господи, мама!.. Я задыхаюсь!..

Подобное не должно повториться. С приходом Бессодержательного слишком много порождений нечеловеческого порядка выбрались из своих замшелых нор.

Булат сперва решил, что ослышался. Потом подумал, что это шутка. Развернул к себе напарника: тот казался обреченным, потерянным и проклятым.

– Ты с ума сошел, Лунослав? Разве мы не можем реанимировать мешок Беломиконом?

– Это вряд ли. Прости.

Аделаида и Умертвина при упоминании Беломикона по-

бледнели.

Сосулина зачерпнула ладонью костяной муки. Лизнула.

– Как сухие сливки. Только без сахара. Беломикон с собой?

Булат не без гордости задрал футболку, и Умертвина, попятившись, зашипела.

– Это запретный свет! – Она сплюнула. На одну из монет желаний шлепнулся тлеющий уголек. – После него мешок не восстановит и сама смерть!

Лунослав оглядел странных женщин. Они определенно знали больше, чем говорили.

– Беломикон – это обратная версия Черномикона? Для чего он? Что он делает? Почему он в такой форме?

Сосулина закрутилась на одной ноге. В голове замельтешили не то воспоминания, не то зеленые водоворотики безумия.

– Тру-ля-ля! Тра-ля-ля! Для рогов спою вам я! – Она запнулась и с обидой плюхнулась на зад. – Замок темницы Бессодержательного ковался не только из зла, но и с помощью высшего блага – добровольной жертвы. Иначе какой смысл в запоре, который перекидывался бы в картишки с пленником и в итоге отпустил его? Жертвенная кровь стала Беломиконном – внутренней формой замка. Ее соединили с внешней – черным фолиантом. Позже Бессодержательный разъел благую книгу.

– И Черномикон, лишившись противовеса, по своей дья-

вольской природе помог ему! – Лунослав с облегчением вздохнул. Хоть эти два плюс два сложились. – Выходит, Беломикон прорастает в Булате, потому что он – кровник той жертвы, так?

– Так. Но переродилась добрая книжка лишь для одного.

– Для чего? Для чего переродился Беломикон?

– Ответ скрыт в оглавлении капустного листа. – Сосулина вновь принялась вытанцовывать.

Булат некоторое время наблюдал за ней. Казалось, он только что отведал посыпанного солью лимона.

– Я эту хрень про бумажный грибок не одобряю, ясно? – сказал он нахмурившись. – И на роль парника с навозной кучкой тоже не подписывался. Терплю только из любви к работе.

Аделаида явила улыбку порочной матери:

– Забирайте уже мешок.

Сестры расступились, и Лунослав приблизился к кошелю предсмертных подаяний, скорчившемуся, точно оголенный нерв. Подобрал. Он ожидал какого-то озарения, откровения чумных небес, но в руках, судя по всему, оказался обыкновенный рваный мешок. Объемом где-то на пятьдесят килограммов, как для картошки. Серовато-желтый джут. Чуть плотнее, чем обычный.

– Как он работать-то будет в столь убогом состоянии? – с долей растерянности спросил Лунослав.

Умертина надвинулась на него. Ивовый прутик коснулся

мешка.

– Будешь спасать – станешь славу стяжать! Хитрость применишь – и приблизишь конец!

Руки, лицо и даже платье и волосы посланницы смерти покрылись черным пухом. Лунослав с ужасом понял, что пух – лебединый, с комочками свернувшейся крови. Умертвина размытым движением обратилась в чумазую кожаную тесьму.

Тесьма захлестнула горловину мешка, будто пытаясь задушить его. Несмотря на прорехи, кошель предсмертных подаяний расправился, словно изнутри поддали горячего воздуха. Мелко завибрировал. Он ожидал жертву. Любую.

– Вот черт! – Лунослав ощутил, что мешок в одно мгновение превратился в алчную, бешеную тварь.

– И не вздумайте заглядывать внутрь, чертовидцы, – наказала Аделаида. – Это не для смертных. – На ее прелестном лице застыла недосказанность, словно она хотела о чём-то предупредить. Приложила изящный пальчик к губам.

– Не болтать при мешке? – не понял Лунослав.

– Не болтайте вообще. – Аделаида рассмеялась, и ее мелодичный смех будто породил звуковые искорки. – В добрый путь, чертовидцы.

– И тебе не кашлять, воровка «чайных пакетиков»²⁹, – усмехнулся Булат, забрасывая в рот «неломаку». – Будь здо-

---

²⁹ Имеется в виду одна из разновидностей орального секса, подразумевающая «макание чайного пакетика».

рова, тетя Алл.

Но та отмахнулась. Она прижалась к Аделаиде, и они о чём-то зашплетничали.

Сотрудники бюро, пребывая в некотором замешательстве, вышли наружу. Западный ветер лениво гонял по амарантовым небесам свору противившихся облаков. Сверкнула зарница, словно божий перст указал на зарытый где-то вдалеке клад.

Лунослав с отвращением взглянул на страшный мешок. Тот, казалось, приюхивался к пальцам, намереваясь их откусить.

– Знаешь, у меня такое чувство, что нам это выйдет боком.

– Как вся наша работа, брат. – Булат хохотнул и потрепал напарника за волосы.

Какое-то время они разглядывали грозовой горизонт. Всё. Карты розданы. Партия начата. Осталось только попросить выпивку, чтобы перебить горечь проигрыша. Плесни-ка на два пальца, Бог-пройдоха. И не убирай бутылку.

Их ждала Брянская область. С ее густыми лесами, проклятиями и кошмарами.

Доводилось ли вам видеть, как человек в припадке ужаса выколачивает дурь из того, что его напугало? Из страшной маски в гостиной, привезенной нелюбимым шурином с Ба-ли. Из тыквы, нацепленной приятелем себе на голову в честь

Хэллоуина. Из молочника, неосторожно звякнувшего в темноте бутылками. Хотя с другой стороны: зачем молочнику скрываться в подвале или под лестницей, если он пришел с добрыми намерениями и свежим молоком?

Хорошенько напугав человека, можно добиться неких стандартизированных реакций с его стороны. Например, отказа сердца, бегства или агрессии.

Ужас делит людей на две категории. У первых отнимаются органы, а в конечности вливается твердеющий свинец. Вторые же обретают мощный дизельный мотор, тарахтящий где-то пониже спины. Он насыщает мышцы адреналином, оберегая возможность и далее посещать по четвергам стейк-хаус.

Пусть курительную трубку раздумий по кругу. Вот двое путников на проселочной дороге, на которых страх действует по-разному. А вот преследующие их деревенщины с топорами, получившиеся от многократного смешения генофонда на кухонном столе.

Внимание, вопрос. Кто из путников покинет кризис с полным комплектом конечностей – обмочившийся от ужаса нытик или его взбудораженный адреналином товарищ?

Ответ очевиден.

Чтобы выжить – нужно злиться, бороться и иногда биться в агрессивной истерике.

Каким образом реагировать на ужас – решать только вам. Только не забредайте за колючую проволоку морали чересчур далеко, чтобы потом никому не пришлось выкуривать

вас с мельницы, словно чудовище доктора Франкенштейна.

Глава 5 Ночи по-танзанийски

Что есть страшная городская легенда для населенного пункта? Бельмо на глазу, которое хочется скрыть фанерой в человеческий рост? Может быть, склеенная стыдом летопись, которую не посмотреть, хорошенько не послунив перед этим пальцы?

Городские легенды для населенного пункта – ордена и медали, зачастую вручаемые вместе с обвинительным приговором или заключением психиатра. И чем больше поворотов по реке времени сделает подобный сомнительный знак отличия, тем он притягательней. Словно гнойная болячка, которую хочется изучать и ковырять пальцем.

Городскими легендами бравируют. Ими гордятся. А еще их измельчают до состояния пыли и пускают в глаза. Пылепускание, как правило, сопровождается навязчивым сервисом.

Вам продадут фотографию Жуковского Душителя, сделанную как раз перед тем, как он прикончил свою девятую жертву. Отвезут к месту крушения Лазаревского поезда, чтобы вы собственными ушами смогли уловить шум давней трагедии, ревущий в туннеле раз в сутки. Вам даже предьявят щекастые помидоры, выращенные на досуге семьей каннибалов. *Можете взять на салат. Бог знает, чем эти ублюдки с северных дорог удобряли их.*

Однако не всякой городской легендой можно гордиться. О некоторых событиях лучше и вовсе умолчать.

Только если сама «легенда» не станет вас шантажировать, вынуждая проболтаться.

Итак, Жуковский район, деревня Задубравье, спальня, сентябрьская ночь.

Гвидон проскользнул в темноту спальни и, стараясь не скрипеть досками пола, покрался к кровати. Сквозь занавески проникали лучи фонаря у палисадника. Мышцы ныли как озверевшие. Он присел и чуть ли не с хныканьем размял спину. Работа над беседкой «Флоренция», цвет «вишня», для торгаша из Шамордино едва не угробила его. Так бывало всякий раз, когда заказчик сдвигал сроки работы, подмазывая сжатие рублем. Десятикилограммовый кузнечный молот не шутки. В глазах до сих пор пестрило от летевших искр.

Он улегся. Глубокое сопение Гортензии подсказало ему, что супруга сейчас уязвима для «броска кобры». Гвидон подтащил себя к ней под бочок и прижался, демонстрируя *твердость* намерений. Пощекотал ее бородой. Ну же. Вот-вот должна захихикать, совсем как девчонка.

– Пошалим? – Голос кузнеца прозвучал хрипловатей обычного.

Гортензия, не поворачиваясь, улыбнулась сквозь сон. Она знала, о да, она ведала, чем перебить мужу нагулянный аппетит.

– В настоящий момент абонент находится вне зоны действия потребности. Оставьте свое «сообщение» в одеяло. Как только потребности абонента будут восстановлены, вы получите «ротовое уведомление». – Укрепляя оборонительную позицию, она тихо, по-домашнему испортила воздух. Словно попыталась показать, как шепчет гниющая капуста. Опять засопела.

Гвидон скривился. Удар ниже пояса. Он терпеть не мог шуточки в постели, а от чужих выхлопов его мутило до рвоты. Эрекция сошла на нет, и он с хмурым лицом перевернулся на живот. С ненавистью взбил подушку, точно недоступную задницу жены. Может, с поллюцией повезет? Хотя когда она в последний раз была? Лет в шестнадцать?

Вскоре сон, вызванный усталостью, смягчил обиду, и он заснул.

Где-то совсем рядом хлопнуло, будто резко сошлись две натянутые простыни, и веки Гвидона задрожали. Спальню наполнял кисловатый запах, похожий на запах шорно-седельной кожи. А еще душок напоминал мускусные ароматы немойтой промежности.

Гвидон хотел вскочить, но с растерянностью обнаружил, что тело ему не подчиняется. Всё, что находилось ниже шеи, упрямо отказывалось следовать командам мозга, сохранив при этом, как ни странно, полнейшую чувствительность. Если его вдруг и разбил паралич, то донельзя странный.

– Тензи! Тензи! – позвал он жену. – Я пошевелиться не

могу! Тензи? Да проснись же! Тензи!

Однако Гортензия даже не шелохнулась.

Кузнец ощутил, как на него кто-то уселся, будто наездник – на скакуна. Приятный ворс. Горячие, нежные прикосновения выдавали живое существо. Чуть менее сорока килограммов. Гвидон заулыбался, решив, что спит и оседлавшая его красotka сейчас обеспечит ночь буги-вуги.

В ягодицы уперлось нечто твердое, и Гвидон побледнел. Ледибой? Дева с членом?! Последовала абсолютно идиотская мысль: «Так вот оно каково это – когда по тебе елозит возбужденный урод!»

– Пошалим? – шепотком спросил неизвестный, поддразнив кузнеца. Голос низкий, в чём-то даже приятный. Мужской.

Гвидон, пытаясь обернуться, едва не свернул себе шею.

– Кто здесь?.. Кто ты? Слезь с меня! – Промелькнувшая догадка успокоила его. – Господи, Боже, ну за что? Только кошмара мне не хватало.

– Никакой это не сон, не кривляйся. Здесь твой любимый и обожаемый Литавр. Пришел снять напряжение – и твое, и мое.

– Литавр?

– Имя, данное похотью. И завтра оно прилюдно сорвется с твоих сладких губ.

Гвидон с замиранием сердца ощутил, как под трусы скользнула когтистая лапа. Словно чувственная рука пиани-

ста, прошла между его ягодиц. Всё-таки не сон. Осознание того, что сейчас произойдет, наполнило кузнеца запредельным страхом. Он задрожал. Правда, одной лишь головой.

Совершенно не думая о том, что его могут услышать, Гвидон заорал:

– Я тебя прибью, сука! Богом клянусь, прибью! Разорву голыми руками! Череп раскрошу! Не смей, сука! Даже не думай!

Крики, наполненные истерией, разнеслись по Юбилейной улице. Гулко отразились в колодце. Вспугнули дубоносов, дремавших на вишнях в саду. Но странное дело – ни одна собака не зашла в лае. Даже страдавший от гипертонии Ситников, сторож телятника, располагавшегося в каких-то шестидесяти метрах к востоку от дома кузнеца, не подал признаков беспокойства. Он всё так же безмятежно крутил ручку древней «Сонаты», радиоприемника советских времен, выискивая что-нибудь о погоде на завтра.

Крики кузнеца стали для внешнего мира привычным фоном – скрипом деревьев, высоковольтным гулом в проводах, стоном проседавших в осенней земле построек.

А потом зло проникло в мужчину.

Посыпались толчки. Неизвестный по-собачьи задышал. Обездвиженный кузнец принялся мотать головой, жуя и слюнявя бороду, периодически вскрикивая. Ему казалось, будто он тужится, но никак не может облегчиться. На ум пришли все те жертвы изнасилований, о которых он когда-либо

слышал или читал. Неужели все они испытывали одно и то же: почти сюрреалистичный ужас перед насильником, беспомощность и рабское унижение?

А еще была – Госпожа Боль.

Мелькнуло далекое, извращенное чувство наслаждения, точно последняя вспышка перегоравшей лампочки.

Наконец исчадие тьмы выдохнуло, задрожало. Поелозило, успокаивая себя. И с влажным звуком покинуло кузнеца. Тот со слезами на глазах ощутил, что внутрь будто залили расплавленную резиновую перчатку – липкую и клейкую.

К уху прильнули чужие губы. Зашептали:

– Если не хочешь, чтобы назавтра всё повторилось, – расскажи о случившемся приятелям.

Неизвестная тварь прыгнула с Гвидона. В тот же миг кузнец получил утраченный контроль над собственным телом. С ревом вскочил. Охнул. Понял, что мокрый не только зад, но и перед. От этого стало еще хуже. В какой-то момент он и сам испытал оргазм и даже не заметил этого. Оставаясь в полусогнутом положении, огляделся.

Порождение нечеловеческого порядка сидело в открытом окне, ведущем в перешептывавшийся с ветром палисадник.

Литавром оказался карлик метрового роста. Пурпурный гноящийся глаз во лбу. Перепончатые крылья, разгонявшие по спальне тот самый кисловатый душок. Голое тельце, покрытое волосами маслянистого отлива. Остывающий бородавчатый пенис.

«Не такой уж и большой, но черт возьми – больно-то как!» – с неверием подумал кузнец.

– Помни, мой каленый орех: смолчишь о грешке – вновь наведаюсь. – И Литавр, разломившись, рассеялся на сотни точек, испускавших едва заметное жужжание.

Затем мошки растворились в тёплом дыхании осенней ночи.

Гвидон кинулся к окну. В правую руку, которой он за чем-то сжимал ягодицы, будто это могло чем-то помочь, на стекло горячее. Его сейчас же вывернуло наизнанку. Желудок решительным спазмом вышвырнул полупереваренные остатки ужина. Прямо в палисадник. Кусочки тушеного картофеля с говядиной карнавальной мишурой украсили тихоокеанский дельфиниум.

– Сука, я к тебе сам наведаюсь!

Гортензия, разбуженная криком, кое-как продрала глаза. Вид супруга, согнувшегося в странной позе возле окна, не на шутку встревожил ее.

– Стряслось что? Ты почему в таком виде? Геморрой?

Кузнец с гибкостью манекена повернулся к жене. Его глаза почти что искрились от обиды и шока.

– Как? Как ты могла спать? Я ведь тебя звал! А ты... просто дрыхла, пока меня...

– Пока тебя – что?

– Дура.

Гвидон изобразил нервную улыбку и побежал в сени к

ведрам с колодезной водой. Передумал. Захватив из морозилки пол-литровую бутылку самогона, полученного в результате брожения красных апельсинов, с мрачной решимостью отправился топить баню. Как вернулся в спальню, весь исцарапанный мочалкой, – не помнил. Сознание наконец-то дало отбой.

С утра Гвидон, взяв в кузнице молот, отправился бродить по залитым солнцем окрестностям. Искал характерный кисловатый запах или скопления мошек. Хотя и признавал, что бить молотом мух – довольно-таки глупо. Поспрашивал, не стал ли кто-нибудь ночью свидетелем необычных событий. Однако самым необычным за сутки оказался сам кузнец, рыскавший с молотом в руках по деревне.

Вернулся Гвидон домой лишь с наступлением темноты. За целый день в кузнице так ничего и не сделал: беседка осталась незаконченной. Потом запихнул молот под кровать и выпил две кружки «Московского кофе», пахшего жженым сахаром. Разделся, лег, уставился в потолок. В голове крутились противоречивые мысли. Он где-то слышал, что преступники всегда возвращаются на место преступления.

Но ведь место преступления – его...

Он фыркнул и принялся сверлить взглядом потолок.

В спальню вбежала ароматная и голенькая Гортензия. Не вошла, а именно вбежала. Делала так каждый раз, когда имела планы на массивную честь супруга. Юркнула под одеяло. Прижалась.

– У вас один пропущенный вызов. – Ее ручка отправилась в шаловливое путешествие.

– Как раз вчера один и пропустил, – огрызнулся кузнец. Перехватил руку жены и откинул. – Будь вы, бабы, поласковее – в зад бы никто не таранился.

– Что ты мелешь? Какая кузнечная муха тебя укусила?

– Никакая! Я – остыл.

– Вот и разогревай теперь сам. Дубина!

Возмущенная Гортензия отвернулась. И почти сразу уснула.

Гвидон же продолжил играть в гляделки с потолком. После особенно долгого моргания вдруг обнаружил себя спящим на животе. Внутри всё похолодело. По спальне, как и прошлой ночью, растекалась кисловатая вонь, типичная для немых тел. Послышались хлопки.

– Ну, держись, – прошептал кузнец и обнаружил, что до молота под кроватью не дотянуться. Тело вновь приобрело грациозность деревянной колоды.

Из темноты выскользнул Литавр. Он поглаживал себя, приводил в боевую готовность. На морде двигалась зубастая улыбка. С видом хозяина вскарабкался на зашипевшего кузнеца.

– Так и знал, что тебе понравилось. – Карлик зашелся в желчном смехе. – Иначе с чего бы ты молчуном целый день ходил?

Несмотря на протесты, увещевания и угрозы, всё повто-

рилось. В той же позе и на тех же условиях.

Поутру Гвидон, с чувством организации собственной казни, набрал из погреба около пятнадцати литров позднеспелых ягодных наливок, некоторые из которых уже были безбожно просрочены. Выудил из углового шкафчика бутылку паршивого в́ски с изображением лошади. Сгрузил всё это в отцовский вещмешок. Отварил картошки, перевязал кастрюльку полотенцем, поставил к алкоголю. Накидал сверху Белого Налива³⁰.

Ближе к полудню, с вещмешком за спиной, отправился по дворам – собирать свободных от работы мужиков.

Повод? А без повода. И никто не отказался.

Через пару часов, в начале второго, около пятнадцати человек, включая Гвидона, собрались у заброшенной бензоколонки с облупившимися буквами «АЗС-89».

Деревенские расположились снаружи. Кто на пластиковых ящиках, кто на сворованных из летних кафе стульчиках. Полилась нехитрая беседа: тосты, смех, сальные анекдоты. Не говорили только о пустотах и чудовищном осеннем небе над головами. Побайвались. Кто-нибудь нет-нет да и пытался вызнать причину, по которой кузнец всех собрал, но тот с поразительным упрямством отмалчивался. Все решили, что его тяготит бремя возможного отцовства.

Солнце огненно-красной слезой клонилось к горизонту, и Гвидон наконец решил, что пришла пора во всё́м сознаться.

---

³⁰ Белый и душистый сорт яблок.

Он поднялся. Запустил пальцы в бороду. Чертовы руки дрожали.

– Короче, мужики, тут такое дело... – Слова напоминали тяжеленные валуны, которые приходилось голыми плечами толкать в гору. – В общем... – Он вздохнул. – В общем, меня поимел Литавр. *Два раза*. – Гвидон даже не понял, что последнюю фразу с надрывом проорал. Глаза покраснели. Голова упала на грудь. Какой позор.

Все стихли. Переглянулись, пытаясь сообразить, о чём толковал кузнец.

– А Литавр – это что? – трагическим тоном спросил Казимир. Будучи одним из деревенских пастухов, он весь день проводил с коровами на северо-западном пастбище, и потому местные новости узнавал со значительным опозданием.

С видом знатока качнулся Нектарий, учитель музыки, работавший в районной школе. Он же – интеллигентного вида обладатель галстука-бабочки в красный горошек, с которой никогда не расставался, за что получил кличку Колорад.

– Литавр – ударный музыкальный инструмент. Ну, ударный, невежи! Это когда тремоло исполняют или одиночными бьют. Ну? Бам-бам-пам-парам-пам!

Лица присутствующих озадаченно вытянулись. Мужики пытались сопоставить сказанное Гвидоном и Нектарием.

Грянул хохот. Полетели скабрзные шутки. Шутили в основном про барабанные палочки и их нетипичное применение рок-звездами и всеми, кто их находил.

Гвидон сжал кулаки. Но потом махнул рукой: сам такой. Оставив вещмешок со всем его содержимым, он в одиночестве зашагал по тропинке домой. На хмурое лицо напоздла улыбка. А оказалось не так уж и сложно. Ему вроде даже никто и не поверил. Решили, что он прикалывается.

Ну и бог с ними, с дуралеями.

Оказавшись дома, кузнец сразу отправился спать. И проспал до самого утра как убитый. Литавр, как и обещал, не заявился, чтобы в третий раз терзать его плоть.

Однако назавтра история о ночных истязаниях получила неожиданное продолжение.

На этот раз, собрав всех на «АЗС-89», проставлялся обычно скуповатый Нектарий. Он поднял рюмку полусладкого фруктового вина «Фаворит», помялся, тербя полу пиджачка, и начал встречу следующим образом:

– Здравствуйте. Меня зовут Нектарий. Я – школьный учитель музыки, и меня поимел Литавр.

Над бензоколонкой повис дружный смех. Многие сочли это крайне удачной шуткой, да еще вдобавок долгоиграющей. Гвидон же не поверил своим ушам. Он намеревался расхохотаться вместе со всеми, но смех застрял в глотке.

А на следующий день уже другой бедолага каялся в соитии с карликом.

Так в Задубравье и повелось: днем мужчины работали, а ночами по очереди страдали, о чём на вечерней сходке узнавали остальные. Кто мог, перебрался к родственникам. Но

в основном бежать в замкнутой Брянской области было по-просту некуда.

Те события прились на первую неделю сентября.

Узик бюро «Канун» застыл посреди проселочной дороги. Купы пожелтевших кленов и берез, расположившиеся по обе стороны, создавали убаюкивающую какофонию из шелеста опадавшей листвы. Перекатывались тусклые облака.

На тёплом капоте машины лежали наспех собранные припасы: бутерброды со сливочным маслом и с подсохшим сыром, несколько вареных яичек, сухофрукты и зеленый шипастый огурец, похожий на тайную дубинку экотеррориста. От полторалитрового термоса тянуло курагой, грушами и мелиссой с лимоном. Походная смесь, как выразился Булат.

Сотрудники бюро пили чай, то и дело скользя взглядами по расстеленной карте области.

– Так, через шестьсот метров начнется дорога с мутным названием «15Н-807». От нее на запад – «Р-120», на восток – Дятьковичи. Куда двинем? – Лунослав, нажевывая сыр, посмотрел на товарища.

– А не всё ли равно? – Булат ткнул пальцем в листок блокнота с наводками от Питонина. – Плач в тумане, звуки колокола из-под воды и еще черт-те что. Есть даже... Где же это? А, вот. Есть даже подозрение на один случай коровьего вампиризма! Мир сошел с ума. А в этой огромной палате только мы из санитаров. Свобода, дружок.

– Понял. Значит, можем ехать хоть через лес: всё равно на что-нибудь наткнемся.

– Капитон, кстати, скинул сообщение. Никаких машин с номерами, как на лимузине Лжека, в посольстве Камеруна не числится. И еще какашку в конце присобачил.

Они рассмеялись. Лунослав вдруг почувствовал себя до-
нельзя неуютно. Казалось, притихший в салоне мешок Вле-
кущего прислушивается к ним.

– Думаешь, нам действительно нельзя болтать при нём?
Ну, при кошеле.

– Давай проверим. – Булат закинул в рот изюм и с видом человека, передающего заказ на кухню, прокричал: – Мы тебе башку отрубим – один раз. Освятим ее – один раз. Будем использовать для хранения пасхальных куличей – ежегодно.

– Рехнулся? А если Умертвина нас слышит?

– И что же она, по-твоему, нового узнала?

– Ну, наверное, ничего. А, черт с ней.

Лунослав пристально уставился на товарища и как будто о чём-то задумался. Булату сразу не понравился этот взгляд, потому что это был взгляд *дерьмовых идей*.

– Чего вылупился? Сыром в глаз хочешь? Или по «сли-
вам» соскучился?

– Нужен Беломикон.

– Туалетная бумага в бардачке.

– Булат, я серьезно.

– Лист еще не поспел!

– Значит, давай то, что есть!

Булат с раздражением поставил кружку с чаем на капот.

– Какой же ты, ядрен батон, грач! За это будешь приманкой в любом деле на мой выбор. Потянешь? Или яйца резиной подтянешь?

– Потяну. Так что оставь резинки себе.

– Ловлю на слове.

Булат оголил волдырь, с сумрачным видом надорвал белёсую кожу. По груди пробежала опоясывающая боль, словно он сорвал длиннющий заусенец, идущий по кругу. Пальцы покрыли капельки горячей крови. Лунослав побледнел.

На свет божий явился лист Беломикона, покрытый вязкими комочками плоти. Как и ожидалось, он не созрел даже наполовину, представляя собой некую окровавленную салфетку из придорожного кафе у Чистилища. Запах хлеба почти не чувствовался.

– Держи, гад. – Булат охнул, чувствуя легкое головокружение, когда кожа прильнула обратно к груди и болезненно зарубцевалась. Вытер кровь и опустил футболку. – Письмо на деревню дедушке писать надумал? Только правду пиши: что в кабак за водкой бегаешь, огурцы воруешь и селедкой по харе получаешь.³¹

– Похвально, что за Чехова взялся. Еще бы научился за столом ложку от ножа отличать.

---

³¹ Рассказ «Ванька» А. П. Чехова. Именно там подобные злключения описывал юный герой.

Лунослав достал ключи от узика из кармана ветровки, освободил черную жемчужину из оправы. С опаской положил ее на влажный фрагмент Беломикона.

С ревущим зевком сверкнула черно-серебристая вспышка.

Бутерброды сейчас же разобрало на ингредиенты. Разломаченный хлеб, шлепки масла и сыр раскидало по придорожным кустам татарского клена. Термос скатился на дорогу. В попятившихся сотрудников бюро стрельнуло изюмом и черносливом. Одна из сушеных слив влетела под воротник «косухи» Булата.

Над капотом возник сонный Алый, точно пробуждавшийся экспонат кунсткамеры.

Дух ненависти. Причем самой чудовищно несуразной формы: шестидесятисантиметровый голый человечек с песьей головой. Собачья шерсть – цвета темной карамели. Волосатое тело с пенисом. На макушке, промеж торчащих ушей, – вполне человеческая лысина. Полуматериальный, что в данном случае означало: не мог проходить сквозь стены, но мог левитировать.

Сотрудники бюро не знали, как и для чего он был сотворен. Природа духа ненависти оставалась тайной. Лунослав догадывался, что полуматериальное тело давало Алому ряд преимуществ над обычными существами из плоти и крови. Они столкнулись с ним во время охоты на одного психа, промышлявшего распространением проклятых игл, сводивших

со временем жертв в могилу. Алый защищал ублюдка.

Однако исход стычки переломила доброжелательность Булата, подкрепленная удачно завалившейся в кармане «неломакой».

Красные бусинки глаз просканировали чертовидцев. Во взгляде читался нечеловеческий голод – неотъемлемая часть паранормального естества Алого.

Булат широко раскинул руки:

– Чего замер, приятель? Ну, иди ко мне, чертяка зубастая!

Алый взвизгнул от восторга. Бросился к любимчику и крепко обнял своими ручками. Тот рассмеялся и, будто фокусник, предъявил земляничные «неломаки». Алый с робостью коснулся печений, не веря счастью, и в мгновение ока сожрал их. Принюхиваясь, завертел головой, желая еще. Булат с улыбкой показал ему, что пуст. Прости, приятель.

– Слава богу!.. – Лунослав перекрестился. Он немного струхнул, потому что точно знал: Алый каждый раз преодолевал себя и зверский голод, навевавший образы крови и мяса.

Дух ненависти подлетел к зажмурившемуся Лунославу и оставил на его лице маркер из слюны. После чего, изнывая от голода, бросился подъедать разлетевшуюся еду. Собрал по фрагментам бутерброды. Хрустнул огурцом. Пальчики побежали по дорожной пыли, коллекционируя изюм и чернослив.

– Лунослав, ты что, расколдовал нашего страшного бра-

тишку? Он теперь в спячку не впадет?

– Очень на это надеюсь, – произнес Лунослав. – Потому что нам без его помощи не обойтись.

Дух ненависти с интересом взглянул на них. Пасть растянулась в пугающем, но доброжелательном оскале. Между белоснежными зубами застрял изюмий струп. Алый не мог говорить, но понимал и чувствовал достаточно, чтобы примерно служить. Того требовала его собачья суть... когда ее не подавлял дикий голод.

Лунослав пощелкал пальцами, пытаясь попроще сформулировать задачу:

– Так. Во-первых, ты должен найти Черномикон. Он кое-что забрал у меня. Во-вторых...

Но «во-вторых» так и осталось висеть в воздухе, потому что Алый с поразительной скоростью устремился в небо. Он разорвал брюхо кучевого облака и скрылся в нём. В голове духа ненависти дребезжала одна-единственная мысль: «СЛУЖИТЬ!» За ней тянулось затихающее понимание, что он, возможно, не всё успел расслышать. И что с того? Нужно найти чертову книжку? Найдет. А там будет видно.

– Я же не закончил. – Лунослав сложил ладони рупором и крикнул в небо: – Выследи его и вернись! Только выследи! Эй! Сам не вмешивайся!

– В машину, – бросил Булат, садясь за руль.

– Что?

– За ним поедем – вот что. Живее, пока он на юг с журав-

лями не отправился!

Лунослав торопливо запрыгнул на пассажирское сиденье, и уазик, разбрасывая грязь из-под колес, поехал на северо-запад. Туда, где еще мгновение назад виднелся Алый, пробивший собой пессимистичный небосвод.

Уазик бюро выскочил на разбитую «15Н-807» и помчал на запад, в сторону региональной трассы «Р-120». У поворота на Задубравье он остановился. Открывавшаяся картина сельского декаданса застопорила бы любого. Вдобавок местные могли видеть Алого.

Северо-западнее перекрестка находилась живописная заброшенная бензоколонка «АЗС-89». Перед ветшающим зданием, словно охотники на привале, расположились минорного вида мужчины. Человек двадцать. Казалось, они стали свидетелями чего-то донельзя ужасного, что навеки отпечаталось у них на подкорке. В молчании глушили разноцветные жидкости из пластиковых бутылок. Золотистый листопад и шум лесного приюта добавляли толику сюрреализма.

Булат присвистнул. Опустил заскрипевшее боковое стекло. В салон уазика впорхнули струйки застарелого перегара.

– Печень в помощь, судари! Тут, случаем, лысеющая собака с человеческим тельцем не пролетала?

Пару десятков одурманенных взглядов усталились на непрошенных гостей. Поднялся рослый бородатый детина в клетчатой красной рубашке, покрытых сажей штанах и тя-

желых ботинках. Телосложением – как у мастера гиревого спорта.

– И вам не хворать, залетные, – поздоровался Гвидон. Задумался на мгновение. – Про диковинку какую-то речь ведете. Или и вас Литавр в зад отжарил?

– Может, и отжарил, мы не в курсе. – На лице Булата не дрогнул ни один мускул. – Так что, парящая полусобака виражи в облаках закладывала или нет?

– Бог миловал. Вот бы еще и наше лихо спровадил. – Кузнец с харкающими звуками пригнал откуда-то из недр носоглотки соплей. Сплюнул. Его примеру последовали остальные.

Сотрудники бюро обменялись многозначительными взглядами. Не сговариваясь, вылезли из машины. Прежде чем Лунослав успел что-либо спросить, к колонке с табличкой «АИ-92» выбрел местный. Фуражка с жестким козырьком. Потасканный пиджачок. Трико с отвисшими коленями. Хлыст через плечо.

– Посторонись, други. – Казимир сорвал картуз с белокурой головы. Швырнул под ноги. – Я – деревенский пастух, и этой ночью меня трахнул Литавр.

Раздались приглушенные аплодисменты, будто происходила анонимная встреча жертв насилия. Булат, поддавшись всеобщему настроению, тоже захлопал. Встретив непонимающий взгляд товарища, пожал плечами. А что? Он всегда за откровения.

– О каком «лихе» шла речь? – Лунослав всмотрелся в присутствующих, но никто не горел желанием обсуждать с посторонними свой поправленный мачизм.

Булат с хмыканьем снял косу с крыши уазика. Осклабился, после чего сотворил в воздухе свистящую восьмерку из зазвеневшей стали. Тощий обладатель галстука-бабочки изобразил в ответ странный жест, обозначающий перебор струн арфы.

– Вам помощь нужна или нет? – спросил Булат. – Уверю вас, господа: нечисть по нашей части. Мы ее ловим, режем, по кускам в колодцах топим. За работу берем ночлегом и добрым ужином. Ну? Есть что сказать?

Гвидон, словно в полусне, пригладил бороду. Взял два пол-литровых пластиковых стакана, наполнил своим лучшим творением – вишневой наливкой на водке «Холодный расчет». Вручил молодым людям.

Булат без колебаний выпил. Лунослав пригубил и закашлялся. Тут же получил по спине железный шлепок от кузнеца. Деревенские заметно расслабились.

Гвидон перекатил широкой грудью тяжелый вздох.

– Гниль у нас завелась. – Он оглядел земляков, словно ожидая, что те его остановят. Вздохнул еще раз. – Повадились некто мужиков по ночам насиловать. Третью неделю лютует. Литавром себя называет, хотя на вид – карлик мерзкий.

Нектарий торопливо ввернул:

– Литавр – это барабан такой.

– Барабан этот... то есть Литавр... как обесчестит кого, так потом жертве наказ оставляет: ежели назавтра о соитии не расскажешь – еще раз *посверлю*.

Булат попытался прочесть на лицах деревенских истинные эмоции. В голове не укладывалось, как подобное можно терпеть. Впрочем, он быстро выкинул все мысли о том, *как именно* это можно терпеть.

– И вы? Что вы делаете? – спросил Лунослав у кузнеца.

– А что мы? Рассказываем. Тем, кто о сраме поведал, кровопийца передых дает. Малый, правда. Деревня-то небольшая – дворов пятьдесят. Мужиков и того меньше. Вот мы по второму кругу и пошли. Бежать-то в области некуда. Здесь хоть в живых остаемся. От жен прячемся, мази покупаем. Спасу нет.

Лунослав что-то прикинул в уме:

– Это инкуб. Но какой-то неправильный. Думаю, это – поповава³². Танзанийский злой дух. Сейчас область уязвима как никогда. Вот всякое дерьмо и лезет. Чует слабину.

– Так что расслабьте булки, мужики, – заявил Булат. – Возьмемся мы за ваше постыдное дельце. Будем ловить на живца.

Деревенские загалдели. Они уже потеряли всякую надежду на благополучный исход, а тут... Расцвели первые улыбки.

---

³² Легенды Танзании описывают поповаву как одноглазого крылатого карлика. Считается, что он насилует спящих мужчин, после чего угрожает повторить акт насилия, если жертва не расскажет всем о случившемся.

ки.

Только Лунослав как будто оглох. Не слышал вопросов и не реагировал на чьи-то попытки пожать ему руку. Он неотрывно смотрел на товарища, тянувшего самую что ни на есть гнусную ухмылку.

– К-какого еще живца? – пролепетал Лунослав.

– Есть тут один. Недавно письмо на деревню дедушке строчил. Божился, что прикормкой станет. Не знаешь такого?

– Знаю. Но лучше б не знал. А где гарантия, что Литавр клюнет на нас?

– На тебя, – напомнил Булат.

– Да-да, на меня, задолбал.

Гвидон пожал плечами:

– А у нас приедем сразу от Литавра перепадает. Да и мы особенность Задубравья не афишируем. Подло, конечно, но всё ж какой-никакой перерыв получаем.

Лунослав закрыл глаза. Понял, что сегодня их ожидает кое-что новенькое.

– О господи. Хорошо. Хорошо! Покажите, где переночевать. И изложите подробности ночных визитов. Только без лишних деталей, п-пожалуйста!

Местные, напирая друг на друга, бросились изливать всё то, что было у них на душе.

Лунослав их слушал с вытаращенными глазами.

Лунослав прихлопнул моль и чихнул. Выданные им волчьи шкуры оказались не только скорченными пещерами букашек-шубоедов, но и копиями амбарной пыли, хоть их и выбивал сам Гвидон. Шкурами убитых хищников застелили наспех сколоченные топчаны. Топчаны, в свою очередь, втащили в заброшенный домик с худой крышей, но работающей печью. Улица Полевая, север деревни, самый отшиб.

За сплюснутыми окнами виднелись зубчатая кромка леса и красноватые звёзды. Потрескивала печь, лоя на заслонку блики керосиновой лампы. В четырехлитровом чугушке на столе подсыхали остатки превосходной ухи; щука, морковь, картофель, приправы и водка, чтобы убрать запах тины. Рядом с мисками блестела початая бутылка «вишневого вышибателя мозгов» от кузнеца.

Булат перекачивал во рту рыбную косточку. Покачивал ногой в такт мыслям, ненавязчиво позвякивая сапогом.

– Знаешь, Лунослав, а ведь мы уже пересекались раньше с Беломиконом.

– Что? – Тот прибил еще одну моль.

– Помнишь дело пацана, разрывавшего погосты? Нам еще одна брошюрка помогла. «Как изгнать мертвого скитальца из ребенка», вроде так называлась. Пахла как листы Беломикона – живым хлебом. Куда она подевалась?

– Видимо, туда же, откуда и взялась, – в никуда. Потому что я ее больше не видел.

– Сдается мне, Беломикон изначально тусовался с нами.

Как кудрявый ангелочек за плечом.

Лунослав поелозил, расправляя спиной шкуры. Его терзали совсем другие мысли. Например, о том, что ни в коем случае нельзя засыпать на животе. Зачем облегчать работу похотливой твари?

– Булат, как думаешь: кого Литавр выберет? У меня, к примеру, стать послабее, да и зубы кривоватые...

– Ну и где они кривоватые? Где? В заднице? Не ной. Известно, кого он выберет. *Добровольца*. Вдобавок мой каменный лаз и спички не пропустит.

– Потому что яйца без меры жрешь и запором страдаешь! Булат рассмеялся. Кинул рыбную косточку в беспокойного товарища. Тот отмахнулся.

– А если деревенские всё это сочинили? – продолжил страдать Лунослав. – Вдруг они – мужеложцы? Только ориентацию принять не могут, потому что это не по-мужски. Вот и придумали оправдание, а заодно и повод для встреч.

– Деревня геев? Да брось. Они бы тогда поласковее друг с другом были. Ты заметил, как они за задницы хватались? Я такое только один раз видел. Как-то в бар заявился увалень. Килограммов под сто тридцать, не меньше. Залпом осушил литровую кружку пива, заел солидным куском баранины. Я чуть слюной не подавился. А потом винтовой табурет под ним – раз! – и испустил дух. Веса не выдержал. Короче, штырь пробил сиденье, и оно ухнуло вниз.

– Надо же. – Лунослава чрезвычайно взволновала судьба

неизвестного жирдяя. – И что вышло?

– А то и вышло. Около двенадцати сантиметров хромированного металла организовали бедолаге колоноскопию. Видел бы ты его лицо.

– Господи... Господи-господи-господи! Хоть бы мое лицо такое не познало!..

– И не только оно, да? – Булат со смешком повернулся набок. Послышался глубокий вдох, сменившийся размеренным посапыванием.

Лунослав с завистью покосился на товарища. Вот же сурок непробиваемый! Уникальная особенность: вырубаться будто по щелчку пальцев. Сам он решил не спать. Может, порезать палец и посыпать ранку солью? Только бы их затея сработала.

Уха и наливка кузнеца разгоняли по телу волны тепла, и вскоре Лунослав, подчинившись их колыбельной, тоже провалился в сон.

Гвидон стиснул рукоять кузнечного молота. Тараща до боли глаза, он вглядывался в оранжевые окна домика, где на ночь остановились странные ребята. Шумно дышал Нектарий. Казимир наматывал на руку хлыст. Приятелей скрывали заросли аронии красной, нависавшие над тропинкой в каких-то пятнадцати метрах от поста сотрудников бюро.

– А почему мы сразу так не сделали? – шепотом спросил Нектарий.

– Что не сделали? – не понял кузнец.

– Ну, не стали караулить друг друга.

Обрушилось молчание.

Гвидон попытался найти оправдание их бездействию, но его отвлек типичный для сельской местности запах. Только чересчур близкий. Будто кто-то ступил в коровье дерьмо.

– Кто лепешку разминировал?

– Никто, – отозвался Нектарий. – Вот. – Он сунул под нос кузнецу скрипичный смычок, взятый днем в школе. На волосе смычка толстым слоем лежал свежий навоз, топорщась кусочками соломенной подстилки. – Отравленный. Карлика им по горлу полосну.

Гвидон потрясенно посмотрел на расплывавшегося в блаженной улыбке Колорада. Задумался. Сколько же тот выпил? Задумался еще крепче. А сколько же выпили они все?

Казимир между тем кинул в рот ягодку аронии. С чавканьем разжевал. Ага, созрели.

– А я скажу, почему мы караулить не стали. А вдруг бы Литавр всех зараз покрыл, как бык – стадо? И смотрели бы мы друг на дружку печальными, коровьими глазами.

Гвидон, ломая ветки, вскочил:

– Вот поэтому и не караулили, идиоты. И сейчас не станем. Чуть не вляпались.

Оставив после себя смятую аронию, они направились к бензоколонке.

Около часа ночи у Булата защепаало в носу, и он открыл глаза. Обнаружил, что лежит на животе, руки согнуты в локтях, хотя совершенно точно знал, что во сне не ворочался. В домике нещадно воняло кислятиной. Всё так же мерцала керосинка. Он осмотрелся и наткнулся на испуганный взгляд широко раскрытых глаз Лунослава. Тот застыл на своем топчане – и тоже животом книзу.

– Что за вонь? Будто отрыжку из простокваши подожгли.

– Ты пошевелиться можешь? – осипшим голосом спросил Лунослав. Голова его задергалась, словно он оказался игрушкой кукловода, имевшего на руках всего одну нить – ведущую к макушке.

Булат попробовал встать, закричал: подчинялась только гребаная шея, от которой было мало толку. Тело казалось зацементированным фундаментом. Тем не менее «фундамент» вполне ощущал, как угол шкуры колет бок.

– Одеревенел, точно полено. Только голова и крутится. А у тебя как?

– То же самое.

Промелькнуло нечто размытое и черное, будто брошенная траурная фата. Мошकारа. Затем раздались хлопки, почему-то наводящие на мысли об аплодисментах на оргии. Крылья!

В поле зрения сотрудников бюро, аккурат между топчанами, вышагнул отвратительный обнаженный карлик. Одноглазая тварь из глубин преисподней. Волосатой лапкой

он настраивал бородавчатый член на нужный лад. Лунослав ощутил, как уха попыталась силой расширить пищевод.

– Вот так ягодки. Обе в силе да в соку. – Выкормыш тьмы с хрипотцой, указывающей на возбуждение, хихикнул. – Этой ночью я стану вашим любовником, ибо мое имя...

– Пипку не сточи, – оборвал его Булат. Лицо молодого человека выражало скуку, какая обычно бывает, когда показывают, как пишет обыкновенный карандаш.

Карлик с усмешкой оскалился:

– Мое имя – Литавр, вестник сладкоистомного Гесиода. Ваши попки надолго меня запомнят. Хлоп-хлоп. Ну, кого первого одарить настоящей мужской любовью? – Он хохотнул.

Лунослав с трудом сглотнул, не веря, что сейчас скажет это.

– М-меня, – просипел он. Как же хотелось дать пинка Булату! – Бери... бери меня первым.

Булат честно постарался соорудить серьезную мину, чтобы глупая тварь ничего не заподозрила. Однако бездонный трагизм в глазах напарника тронул его врожденное чувство цинизма. Он против воли зашелся в смехе, ставя под угрозу всю их задумку.

– Не знал, что в тебе столько невостребованной страсти, брат шаман!

– Пошел ты в задницу, урод чубастый!

Но Литавру было глубоко плевать на их болтовню. Он уже

приголубливал Лунослава: гладил по голове, потирал спину, разминал бёдра.

– Такой смелый, такой... *дрожащий*.

Несмотря на ужасы, пережитые в образе заколдованной бумаги, происходящее грозило максимально дополнить их. Лунослав с ужасом почувствовал, как пах сжимается, словно оказавшись в холодной воде.

– Боже мой, я, кажется, передумал... Я передумал! *Передумал!*

Булат, уткнувшись в подушку, засмеялся. Вынырнул из вмятины, оставшейся от лица.

– Лунь, мы тебе потом подорожник найдем. Приложишь!

Литавр запрыгнул на Лунослава, цепко обхватил ножками. На пробу один раз толкнул тазом. Как пружинит! Прекрасно. Можно начинать.

– Буду жарить тебя, пока хрустящая корочка не образуется. А если завтра никому не расскажешь...

– О таком – *никому и никогда!*

– Все так говорят – в первый раз.

Булат прекратил смеяться. Затих, словно крокодил, поджидающий буйволенка у водопоя.

Литавр засунул лапу Лунославу в штаны. Ему нравились исходившие от жертв вибрации, вызванные прикосновениями, вторгавшимися в сокровенные места. Однако выражение сластолюбия сменилось растерянностью. Нечто вцепилось в лапу карлика и принялось пить его силу. Парализующие эма-

нации таяли с каждой секундой.

– Что происходит?.. Почему я... Что за трюк, шлюхи?!

Тело наконец-то стало отзываться на импульсы нервной системы, и Булат сел. С хрустом потянулся. Уперся локтем на колено и одарил шокированного карлика снисходительным взглядом.

– Добро пожаловать в мышеловку, ягодичную платформу для которой любезно предоставил мой братишка.

– К-как это?

Лунослав, боясь лишний раз пошевелиться, чтобы ему не разорвали шею, с опаской оглянулся. Встретился глазами со своим наездником. Литавр мигнул и забился в истерике, пытаясь освободиться. Сотрудник бюро подтянул плечи к ушам и закрыл голову руками.

– Убери! Убери его! Сними этого ублюдка немедленно! Сними!

Булат с готовностью вскочил. Пригляделся, оценивая обстановку. Так и есть: напарнику ничто не грозило. Литавр, несмотря на прыжки и увертки, боялся причинить урон потенциальной жертве. Видимо, это шло вразрез с некими внутренними установками. А раз так...

– Может, вас на память сфоткать? Или ты боишься, что он трением костер любви разведет?

– *Булат!*

– Ладно, ладно, не верещи. – Булат схватил Литавра за шею, отчего тот запищал, напомнив пойманную крысу, и

снял с товарища.

Лапа карлика вытянула за собой кошель предсмертных подаяний.

– Что это? – Литавр со страхом затряс лапой, намертво прикипевшей к демоническому артефакту. Его пенис окончательно потух, став одной крупной черной бородавкой в области паха. – Вы кто такие?

Лунослав подтянул штаны. Сердце трепыхалось в груди, точно рыбина на берегу. Он так и не понял, что было страшнее: попытка изнасилования или чересчур интимный контакт с тем, что способно забрать жизнь, душу и еще бог весть что.

– Мы – чертовидцы, – пролепетал Лунослав, понемногу приходя в себя.

– Чертовидцы... – Литавр прекратил извиваться. Осознание исказило и без того уродливую морду. В единственном глазе, словно в светофоре, поочередно промелькнули страх, похоть, снова страх и опять похоть. – Чертовидцы. Это же гребаные чертовидцы! А может, напоследок...

Но похабное предложение так и не прозвучало.

Лунослав распахнул горловину мешка, не зная, чего ожидать. Кошель подчинился. В домике словно раззявилась бездонная влажная глотка. Стены окрасило кораллово-красное сияние, рвавшееся наружу из демонического артефакта.

Свет сворачивался невообразимой, голодной воронкой. Казалось, он хотел сорвать с присутствующих лица и сжевать

их.

Карлик захлебывающимся голосом запищал. Булат, жмурясь, впихнул его головой в жерло сияния, и Литавра сложило, будто хрустящую одноразовую головоломку, а затем всосало. Мешок сам собой закрылся. Кожаная тесьма запахла горловину.

Одна из крупных прорех, около двух пальцев шириной, зарубцевалась, стянувшись невесть откуда взявшейся комкастой нитью. По мешку прошла сладкая дрожь, подобная той, что испытывает человек, оказавшись после промозглого дождя в тепле.

– Боже, – простонал Лунослав. Он наконец-то застегнул штаны.

Идея использовать кошель предсмертных подаяний пришла за ужином. Сотрудник бюро чувствовал, что мешок способен причинить вред даже внешней оболочкой. Особенно если противник – тварь, ничего не видящая дальше собственного члена. Мешок расстелили сзади по левой штанине. Правда, сами штаны, не сходявшиеся на поясе, пришлось оставить расстегнутыми. Булат, вполне имевший право не участвовать в столь сомнительной затее, обеспечил напарнику страховку.

Костяная и Злоруб ночевали в машине – чтобы не отпугнуть Литавра.

К счастью сотрудников бюро, любвеобильный карлик полностью отдался удовлетворению либидо. И потому не заме-

тил чрезмерно раздутые штаны одной из жертв.

Булат, усмирив зевок, бросил демонический артефакт на стол. Мешок, казалось, с довольством щерился. Или оскал принадлежал Умертвине? Как бы то ни было, отвечать взаимностью ни ей, ни мешку не хотелось.

– Слушай, я вот тут пораскинул умом. А если бы кошель не сработал?

– Тогда бы нас объединяла страшная-престрашная тайна. – Лунослав откинулся на топчан.

– Хреново. А если бы озабоченный сперва на меня полез?

– Тогда бы страшная тайна тяготила только тебя. Мешок же у меня был.

– Вот еще! Думаю, мою задницу он бы в жизни не раскусил.

– Страшно представить.

Они расхохотались, довольные тем, что всё обошлось. На радостях доели оставшийся с ужина ржаной хлеб, предварительно смочив его остатками ухи. Прикончили наливку кузнеца. И в благостном расположении духа заснули.

Дело закрыто.

Лунослав сбежал с крыльца домика. Следом, позевывая и почесываясь, вышел Булат.

Утренний небосклон изобиловал громадами облаков, напоминавших вату, напитанную кровью. Солнце с упрямством альпиниста, испытывающего кислородное голодание,

взбиралось по алым кручам к далекому зениту. Несмотря на апокалиптическое небо, внутри у сотрудников бюро всё пело. Еще бы! Такими темпами кошель предсмертных подаваний скоро заглянет в меню и, стукнув по столу, потребует «Хэппи Мил» с Бессодержательным.

– Ну как? – раздался чей-то взволнованный голос.

Собирая туфлями и сапогами росу, в десяти метрах от придомовой лужайки топталась мужская половина деревни, завсегдатаи «бара» на бензоколонке. Все как один вглядывались в лица молодых людей. Искали чересчур знакомый стыд.

Кузнец страшился ответа, но всё же спросил еще раз:

– Ну, кто кого обуздал?

– Мы, конечно. – Булат подправил расческой кок Элвиса. – Так сказать, сохранили честь, лицо и право называться натуралами. Издох карлик.

Лунослав с улыбкой поднял кошель предсмертных подаваний над головой и потряс им. Пугающий мешок дернулся, словно в нём, в этой жуткой рванине, обитало всё зло мира. Многие вздрогнули.

Казимир, хмыкнув, безапелляционным тоном потребовал:

– А ну-ка, присядьте. Так ли всё хорошо, как вы соловьями заливаете.

Булат вежливо поинтересовался в ответ:

– Может, тебе еще микроскоп для задницы дать?

– Погоди, Булат, не горячись. – Лунослав всмотрелся в деревенских. В их глазах читалось затаенное унижение, с которым предстояло просуществовать всю оставшуюся жизнь. – А как еще доказать, что всё в порядке? Мешок трофея не оставил.

Булат фыркнул, убрал расческу, подтянул джинсы на коленях. Сделал несколько классических приседаний, после чего присел по разу на каждой ноге. И всё это – с ухмылкой того, кто знаком с физической нагрузкой не понаслышке.

– Позер. – Лунослав тоже исполнил пару приседаний, даже не пытаясь повторить программу напарника.

Кто-то по-женски ахнул. После ночных визитов ни один не мог нормально сесть-встать, чтобы на лице не отразились мучки, характерные для застарелого геморроя.

– Гузна не придерживают. – Нектарий, словно сам себе не веря, повторил: – Гузна не придерживают!..

А потом деревенских будто прорвало. Они со счастливыми лицами кинулись к сотрудникам бюро, не давая проходу. Последовали объятия и хлопки по плечам.

– Ну, всё, всё, – сказал Лунослав. – Не переживайте, больше ваш сон ничто не потревожит.

– ...и седалища – тоже! – добавил Булат. Он расхохотался, и его смех подхватили несколько глоток.

Радость оборвалась довольно быстро. Гвалт, точно нож, прорезал женский голос, полный негодования:

– Кто это тут седалища тревожит?

К скоплению мужчин, с южной стороны улицы, направлялась прекрасная половина деревни. Шли замужние женщины. Холод в глазах свидетельствовал о клокотавшей глубоко внутри ярости. Закаленные тяжелым трудом руки сжимали хозяйственную утварь. Возглавляла процессию растрепанная Гортензия в курточке. Ее каштановые волосы колыхались в такт шагам.

Гвидон приуныл. Зачем-то подул на руки, словно обжег их. За годы, прожитые с Гортензией, давно понял: когда жена в гневе, шутки плохи. Однажды она урезонила кавказскую овчарку, сорвавшуюся с цепи. Агрессивную псину вырубил точный удар ноги. Точно такой же «привет» – но уже по яйцам – получил подвыпивший хозяин собаки.

Кузнец со страхом посмотрел на ноги супруги. Галоши. Может, хотя бы ими будет не так больно?

Женщины остановились в четырех метрах от занервничавших мужчин.

– Тут такое дело... – произнес Гвидон, не зная, как продолжить и что было бы правильнее, соврать или сказать правду.

– Дело? – Глаза Гортензии сузились в опасном прищуре. – А дело жен без ласок оставлять? А вы, оказывается, ласки друг другу дарите. Как же, наслышаны. Гомики! – Оскорбление получилось растянутым и громким, точно раскаленное злостью тавро, готовое клеймить и метить.

– Ради бога, Тензи! Что ты такое придумываешь? Да нет

же!

– А это еще кто? – Палец с мозолью на подушечке показал на Лунослава и Булата. – Кто из этих педиков – Литавр, по которому вы каждый вечер на бензоколонке сохнете?

Сотрудники бюро опешили. Такого поворота событий они не ожидали. В них вперились десятки колючих взглядов. Казалось, кто-то потревожил гнездо мстительных фурий. И если от одной можно было отбиться, то встреча с несколькими обещала травматическое забытье.

– Твою ж мать. – Булат кинулся к уазу и запрыгнул на водительское сиденье. Завел двигатель. – Лунослав! Не тупи! Хочешь, чтобы тебя на вилы подняли?!

– Н-нет! – Тот на ощупь попятился, натыкаясь на теплые животы местных. В голове металось: «Господи, где там машина?!» – Дамы, дамы! Мы абсолютно ни при чем! Мы...

Одна из женщин, обладательница резиновых сапог в гусином дерьме, метнула подкопченный ухват. Снаряд угодил в мужиков, саданув пастуха по плечу. Ряды сломались, и все бросились врассыпную. Никто не рискнул звать ко второй половинке, когда ту вел животный инстинкт обозленной толпы.

– Хватай педиков!

Женщины закричали, бросившись ловить беглецов. Первой жертвой стал Нектарий. Запнувшись, он растянулся на мокрой траве. Несколько рук, обычно ласковых и нежных, принялись с остервенением выбивать из него дурь, словно

учитель представлял собой обоссанный общественный матрас.

Лунослав втиснулся в машину, едва не ободрав себе спину дверкой:

– Брат, это не наша война!

– Да знаю я, знаю! – Булат дал по газам, и уазик, повавлив чей-то зеленый заборчик, погнал к выезду из деревни. Замелькали дома. – Вот тебе и женщины – хранительницы очага. Даже ухи в термос набрать не дали.

– Боже упаси оказаться не на той стороне баррикады защиты семейных ценностей.

– Аминь, брат.

Оставив позади деревушку, раздираемую междоусобицей, они с облегчением выехали на трассу. Поиски Алого отложили до лучших времен. Того требовали обстоятельства. Ибо тьма облюбовала не какой-то определенный уголок Брянских земель, а целую область.

А значит, они были нужны везде.

А теперь вопрос классу. Что означает фраза «вспенивать рукой»? Начитанные сразу же покраснеют, тогда как остальным ответ подскажут интуиция и мера распушенности.

Конечно же, речь идет о всеми любимой мастурбации.

И ведь как удобно соглашаться с любовью к этому нехитрому делу, когда вас никто не видит, верно?

Но доводилось ли вам встречать людей, утверждавших,

что они ни разу не удовлетворяли сексуальную потребность *собственноручно*? Это всё равно что сказать, что никогда не принимал душ или собираешься объявить войну дельфинам. Словом, это – неприкрытое вранье и кретинизм. Потому что потребность в бесстыдствах заложена в нас самой природой. И о чём она только думала? Явно о том же, о чём иногда думаете и вы.

Как бы то ни было, *собственноручно* можно накачать мячик, состряпать бутерброд и приголубить себя любимого. Таким образом можно сделать всё, кроме одного – сотворить жизнь. Для этого необходимо пройти через «вторые руки».

А чтобы «вторые руки» всегда оставались добрыми, помните главный принцип качественной половой жизни: быть не потребителем, но благодарным партнером.

Получите и распишитесь. Урок окончен.

Глава 6 Трасса «Р-68»

Как известно всякому русскому, в России две беды – дураки и дороги. Случись вам влететь под приподнятый ковш бульдозера в своем новеньком хэтчбеке «КІА», виноватым оказался бы кто-то из этой парочки. Первый претендент – вы сами, обладатель золотой медали по кретинизму, решивший проехаться с закрытыми глазами и опущенными окнами, чтобы представить себя на носу корабля. И второй претендент – проклятая выбоина, дернувшая колесо. Такова концепция.

Но отбросим повсеместных недоумков и поговорим о дорогах. Точнее, об одной из них. О черной ленте, бегущей по Брянской области: трассе «Р-68».

Протяженность «Р-68» – около ста сорока километров. Ее исток – точка федеральной «А-130», раскинувшейся в Калужской области. Минуя железнодорожную станцию «Занозная», Киров и Людиново, «Р-68» прокалывает Брянскую область на севере, точно пузырь. Затем черная трасса, отмахав свыше шестидесяти километров, выдыхается в самом Брянске, становясь притоком «Р-120».

Непременным атрибутом трассы «Р-68», как и любой другой, являются точки свадебных маршрутов. Одна из них – придорожный памятник партизану и солдату, расположенный в полукилометре к юго-западу от въезда в Фокино.

Здесь, в сосновой рощице, растет береза. В ее ветви молодожены вплетают свадебные ленты – символы любви и арифметического экстаза, сопутствующего подсчету денег, содранных с гостей.

Нынешней ночью дереву суждено стать свидетелем несколько иных событий: ужасающих смертей на трассе «Р-68».

Итак, десять часов вечера, автостанция города Дятькова, привычная предрейсовая суэта.

Анисим Пенский поставил ногу на подножку и качнулся, собираясь с духом. Чертовы килограммы! Чертовы всадники апокалипсиса, развозящие по сосудам холестерина бляшки! Он втянул себя на водительское сиденье, и «газелька» цвета золотистого апельсина ощутимо клюнула носом. Анисим перевел дух. Поправил табличку «Дятьково – Брянск». Поднял глаза и через зеркало заднего вида оглядел салон машины, чтобы оценить возможные проблемы.

Женщина с убитыми химией волосами достала сканворды «Тещин Язык». Что-то нашептывали друг другу подростки, чьи лица буквально сочились любовью и сальными пробками. Еще пятеро уткнулись в смартфоны, став похожими на волхвов, склонившихся над котлами с зельем, предсказывающим погоду и результаты матча: «Челси» – «Ливерпуль». Парень в бейсболке «NY Yankees» ловил соусный потек, сбегавший с наполовину съеденного брикета.

В голове Анисима зазвучал сигнал тревоги.

Шаурма! Кто-то протащил сраную шаурму!

– Штраф за испачканный салон – семьсот рублей, – бросил Анисим через плечо. – Я к тебе обращаюсь, любитель «Нью-Йорк Янкис».

– Семьсот рублей? – Женщина с безжизненными волосами оторвалась от сканвордов. Озвученная цифра ошарашила ее. – Господи, проще на такси доехать.

Кто-то поддержал ее:

– А рожа не треснет?

– Не треснет, – заверил Анисим. – Деньги пойдут на услуги клининга и пивинга.

Он взглянул на свое отражение в зеркале. А и правда: не треснет ли? Пятидесятилетний. В обширной бордовой футболке: «БУДУ ТВОЕЙ МАСЛЕНКОЙ: СМАЗКА КАЖДЫЙ ДЕНЬ». С лишним весом и впалыми щеками. Он представлял из себя столько же, сколько представляла хлорированная питьевая вода.

Парень в бейсболке наконец-то сообразил, что разговор крутился вокруг его возможного пищевого отравления. Смутился. Потом завернул протекающую шаурму в пакет, вытер рот и показал чистые руки. Ничего, дома в микроволновке разогреет.

Анисим кивнул, и «газелька» отъехала от автостанции. Вывернула на трассу «Р68» и двинула на юг, в сторону Брянска. Впереди лежал сорокакилометровый маршрут по мало-

освещенным участкам, изредка сдавливаемым полями и стенами леса.

«Р-68» оставалась одной из немногих дорог, предлагавших безопасный маршрут. Здесь не встречались колонии блуждавших огней. Сгустки адского света, плывшие в туманных коронах, с равной легкостью прожигали плоть и металл. Не бывало и порождений нечеловеческого порядка.

Казалось, трассу что-то защищает, и многие водилы сходились во мнении, что у Дьявола на эту дорожку имелись особые планы.

Анисим зябко передернулся. Возможно, из-за того, что в последние ночи ему снился старый трехколесный велосипед, привет из далекого детства. Он бежал к своему первому в жизни транспортному средству, но пружинящий воздух удерживал его на месте, ревущего и требующего «лисипед». И так каждый гребаный раз.

Анисим включил радиостанцию «Калина Красная». Из колонок донесся хрипловатый голос Пугачевой, утверждавшей, что «жизнь не долгая, любовь не вечная»³³. В гипнотическом оцепенении, свойственном водителям, уставился на бегущую в свете фар дорогу.

Рытвины.

Морщины на асфальте.

Указатели.

А потом световой конус выхватил девушку, резанувшую

---

³³ Довольно-таки известная старая песня «Птица певчая».

по глазам ослепительным белым пятном. Незвестная голо- совала напротив сумрачных коробок дач, находившихся юж- нее Дятькова. Не самое удачное место, чтобы поймать по- путку: без остановки и дорожного освещения. Просто тем- ная обочина.

Маршрутка притормозила, и пассажиры с вялым интере- сом посмотрели на девушку. Женщина, решавшая сканвор- ды, выронила ручку.

Черноволосая автостопщица куталась в подвенечное пла- тье, отливавшее жемчужно-лунным светом. V-образный вы- рез, спущенные бретели, пышная торжественная юбка. В томных, мечтательных глазах будто тлели внутренности без- жизненного костра. По меловому лицу струилась кровь, сбе- гая с влажного участка волос.

На обочине стояло безжизненное нечто, нацепившее це- ремониальную одежду для бракосочетания. Фальшивка же- лала, чтобы ее подобрали. Это ощутил каждый, кто имел несчастье оказаться пассажиром рейса «Дятьково – Брянск».

Анисиму уже доводилось сталкиваться с подобной чепу- хой: мертвая невеста, мертвая медсестра, мертвая монаш- ка. Какие только кретинские костюмы на себя не напялива- ли идиотки, отправляясь на тематические вечеринки, чтобы там обмазать лимоном и солью собственный пупок с катыш- ками и предложить его в качестве сомнительной закуски к текиле.

Анисим поддал газу:

– Еще салон бутафорией заляпает.

Микроавтобус вернулся на трассу и стал набирать скорость. Женщина с безжизненными волосами напрочь позабыла про упавшую ручку. Влюбленные подростки расцепили руки: невеста казалась плохим знамением. Многие прилипли к окнам, провожая взглядами зловещее видение, утопавшее в ночи.

Анисим усмехнулся:

– Господи, вы как дети малые, ей-богу. «Р-68» спокойна как сытый теленок. А такие вот жертвы моды встр... – Он закашлялся, подавившись собственным снисходительным тоном.

Впереди голосовала та же невеста.

Мертвое хотело живого. Теперь это прочувствовал и Анисим. До дрожи в мясистых ногах.

– Мужик, только не подбирай ее! – крикнул парень в бейсболке.

– Мертвая невеста. Мертвая невеста. Мертвая-мертвая-мертвая! – Глаза женщины с убитыми волосами понемногу стекленели, предвещая утрату рассудка.

Салон захлестывал массовый психоз. Всё больше и больше слышалось испуганных голосов, призывавших ехать дальше. Страх смерти выдавливал белёсые капли истерии.

– Заткнитесь! Заткнитесь все! – Анисим ощутил во рту кислый привкус. – И молитесь, чтоб вас черти подрали!

«Газелька», словно ужаленная, проскочила мимо призра-

ка.

– Если кого-то надо высадить, только скажите. Боже, я даже деньги верну!

Предложение покинуть машину отдавало идиотизмом: снаружи тянулся лес, подпиравший пиками деревьев красноватое ночное небо. Посыпались протесты. Никому не хотелось оказаться черт-те где.

Анисим поморщился:

– Господи, ну не здесь же я вас высажу! Завернем куда-нибудь. И желательно туда, гделюдно и светло. Годится?

Но слова, казавшиеся такими трезвыми и разумными, так и остались словами.

Мертвая невеста поджидала их на пустовавшей остановке «Слободище». Затем стала возникать у каждого съезда. Тварь в подвенечном платье была повсюду. Несшиеся навстречу машины дергались в сторону, выхватывая из тьмы ее образ. Но призрака интересовал только рейсовый микроавтобус «Дятьково – Брянск».

У запечатанных в «газельке» людей не оставалось выбора, кроме как ехать дальше.

После поворота на Колядчино в мерный шум, издаваемый машиной, вплелись посторонние звуки. Анисим сначала решил, что повреждены вкладыши коленчатого вала, потом с ужасом понял, что рокот мотора дополняют заунывные рыдания, словно кто-то переживал поистине страшную потерю.

И этот кто-то находился в микроавтобусе.

Из капота машины показался влажный камень... под которым возникли безжизненные глаза, нос и губы. Мгновением позже из капота поднялась мертвая невеста во всём своем кошмарном великолепии. От нее осязаемо веяло загробной любовью и сумасшествием.

Анисим, выпустив руль, надрывно завопил. Вместе с ним закричали и пассажиры. Только женщина со сканвордами в подозрительном молчании откинулась на спинку сиденья. Ее сердце, раздув напоследок грудную клетку, лопнуло.

Анисим, будучи единственным человеком на передних сиденьях, в полной мере ощутил предложенный ужас. Мертвая невеста не сводила с него глаз, напоминавших проклятые колодцы. А кровь всё бежала по ее лицу, похожему на разрезанный цветок лотоса.

«Газелька» задрезбуждала, и Анисим тупо осознал, что они набирают скорость. Он вцепился в руль и долбанул ногой по педали тормоза. И если рулевое колесо позволяло управлять транспортом, то педаль годилась только в качестве приступки. Никакого отклика.

Восемьдесят три километра в час.

Девяносто один.

Сто.

И так – до хрипа движка.

Мертвая невеста с равнодушием произнесла:

– Не спеши, братик. – Ее голос сочился сверхъестествен-

ной густотой.

Окровавленное лицо подвенечного ужаса треснуло, точно разбитая скорлупа. Из осколков кожи вытянулась скалящаяся лисья пасть.

Невеста-лиса рассмеялась, и ее платье погребальной простыней закрыло обзор. Анисим что-то бессвязно заорал.

Страх играл на одной высокой ноте, вынуждая людей рвать голосовые связки.

«Газелька», ослепленная призраком, заметалась по дороге.

Ей кричали, сигналили, но микроавтобус цвета золотистого апельсина неумолимо приближался к конечной точке своего рокового маршрута.

Анисим схватил телефон. Дрожащим пальцем активировал приложение «ЯндексПро». Нашел нужную иконку, ткнул ее. Сигнал «SOS» получили десятки водителей, совершавших поездки этой ночью. Обычно «SOS» использовался при поломке машины или проблемах с пассажирами. Анисим не знал, что еще предпринять.

И это стало последним, что он успел сделать.

Всё дернулось, и Анисим вновь увидел тот самый сон. Он бежал по траве, ощущая ее нагретый солнцем покров голыми ножками. Бежал к своему трехколесному приятелю. На этот раз пружинивший воздух пропустил его, чересчур сильно сжав напоследок. Детские ручки легли на руль. Анисим рассмеялся. Он был по-настоящему счастлив.

Опрокинувшаяся «газелька» совершала по трассе оборот за оборотом.

Срывалось дорожное покрытие. Звенели стёкла. Скрипел металл, зажимая теплую плоть. Салон машины будто встряхнула могучая рука, сорвав всех со своих мест. Парня в бейсболке выкинуло в окно и растерло об асфальт. Влюбленных подростков придавило сидениями, сломавшими позвонки.

«Р-68» забрала каждого.

Обагренная груда визжащего металла, слетев с трассы, проделала в воздухе пару кульбитов. С грохотом, поставившим окончательную точку в жизни пассажиров, приземлилась в сосновой роще, тянувшейся в пяти метрах от дороги. Принявшую удар десятилетнюю сосну с хрустом сломало. В фигуры мемориального комплекса «Памятник партизану и солдату» ударила сосновая щепка.

Затихла сталь, замерли тела.

Перед разбитой машиной материализовалась мертвая девушка. Ее лицо уже не уродовал лисий оскал. С тоской прошептала:

– Не спеши, братик!..

Она нарвала из одежд покойников букет окровавленных полосок. Подлетела к единственной в сосновой рощице березе, в чьих ветвях трепетали свадебные ленты – свидетельства безумных и лживых клятв, предваряющих скоропортящуюся похоть.

Заторможенными движениями мертвая невеста украси-

ла березу добытыми символами смерти. Просто очередные жертвы скорости и запретной любви.

Потом она вернулась на «Р-68» – чтобы вновь проделать путь до места, где ее накануне собственной свадьбы изнасиловал и убил один ублюдок.

Лунослав толкнул стеклянную дверь с табличкой «ОТКРЫТО». Звякнул колокольчик. Они с Булатом зашли в забегаловку «La Femme Чебурек»³⁴. Обычная дерьмовая обдираловка при автостанции Дяткова. Шесть столиков. Витрина с фастфудом. Ворчание масла во фритюре.

Почти все столики занимали водилы. Когда военные оцепили Брянскую область, остались только внутренние перевозки. Да, случались аварии и необъяснимые убийства, но повышенные тарифы бросали жирные косточки, так что услуги перевозок не глохли.

Гибель людей на «Р-68» перетасовала приоритеты, и шоферские баранки сменили пластиковые стаканчики с водкой.

За грязными окнами сутулилась неземная звездная ночь. Играла песня «Третье сентября» Шуфутинского, хотя сам календарь утверждал, что в европейской части страны к концу подходило уже двадцать седьмое.

– Дерзай, оратор, – бросил Лунослав товарищу и направился к стойке. Взял карточку с меню. Ни одного салата.

Булат хлопнул в ладоши. Убедившись, что взгляды боль-

---

³⁴ По аналогии с сериалом «La Femme Nikita» 1995 года («Ее звали Никита»).

шинства сошлись на нём, заговорил:

– Езде – время, опросу – час. Прошлой ночью на трассе «Р-68» погибло около пятидесяти человек. Погибшие – пассажиры и водители транспорта, выехавшего в сторону Брянска с *этой* автостанции. – Заметил, как у некоторых вытянулись лица. – Не знали? Машинки из любых других точек трассы доезжают целыми. То же касается и времени. Погибли все, кто выехал с двадцати двух вечера до пяти утра.

– Станция проклята, – буркнул седой мужчина в застиранных джинсах.

– Возможно. Что-нибудь необычное в последнее время замечали? Озёрца холодного воздуха? Потемнение зеркал? Свечения? Может, погибшие перед смертью успевали что-нибудь сообщить? Потому что видеорегистраторы ни хрена не прояснили: что-то поджарило их начинку.

Зал по дуге пересекла тоненькая палочка и ударилась об «косуху» Булата, оставив на ней капельку слюны. Молодой человек перевел взгляд на атаковавший объект: жеваная зубочистка. Кулаки потяжелели, принимая кровь, подоогнанную адреналином.

– А ты что еще за гнида? – От тарелки с недоеденным бифштексом оторвал голову Шлен, тридцатилетний обладатель покрытого шрамами подбородка. Массивный. В кожаном бомбере камуфляжного цвета. – Где твоя мышинная курточка рядового полиции?

– Что я за гнида? Я, гнида разэтакая, Булат. А эта гнида

зубастенькая, – показал Булат на помахавшего рукой товарища, – Лунослав. Но для тебя, дегенерата, мы – сотрудники бюро «Канун» и паранормальная дружина. Всосал?

– Всосал. Ну че сказать? И таким рожу бивали.

Остальные водилы покосились на Шлена. Слишком уж часто тот лез в бутылку на ровном месте. Главнейшей причиной всеобщей антипатии являлась прямо-таки фантастическая неприязнь Шлена к женщинам. Терпимо он относился лишь к собственной сестре, Кире. Но о ней уже почти три месяца ничего не было слышно.

Булат расплылся в улыбке; кулаки разжались. Он всегда успеет познакомить лоб придурка со жратвой на столе. Только вряд ли таким образом он наберет очки популярности у прочих водил. Требовался рычаг воздействия. И желательно в погонах.

– Мы здесь по поручению одного психованного майора. Кто не хочет дружить с нами, подружится с тысячью его дубинок.

Шлен подобрал пластиковую вилку, наставил на Булата. Пародируя «Мурку», пропел:

– Раз пошли на дело: я и моя вилка. – А затем добавил: – Валите отсюда к псам, говно хлебать.

Лунослав вздохнул. Он знал, скольких трудов стоит Булату сдерживаться. Всё равно что пытаться поймать тайфун в спичечный коробок. Обычно задиристые тупицы сразу начинали сыпать искрами из глаз, высеченными кулаками на-

парника. Но если этого еще не произошло, значит, Булат шел окольным путем. Обычно куда более эффективным.

– Четыре чебурека, пожалуйста, – сказал Лунослав, взглянув на сутулого старичка за стойкой. – Два – с сыром, два – с мясом. Всё с собой.

– И печенья к чаю! – ввернул Булат, набирая по телефону номер Питонина.

– И большую пачку «Юбилейного с овсяными хлопьями» добавьте.

В телефоне послышались длинные гудки, и Булат включил громкую связь.

– Чего надо, труподел? – раздался скрипучий голос Питонина. – Подвижки по делу «Р-68» есть? Я, между прочим, за вас поручился перед серьезными шишками.

– Не забудь из шишек поделку сделать. У нас тут водительская диаспора не верит в миссию по спасению закупоренной транспортной артерии. А еще они все убеждены, что ты – какой-то выдуманный квадратный лох.

– Эй, а вот это неправда, – заметил Седой Джинсоносец. Но Булат с улыбкой человека, спустившего питбуля на отдыхающих в парке, уже убирал телефон подальше от головы.

Слышно было, как Питонин, с шумом гоняя воздух, собирается с мыслями. И мысли все эти оказались сплошь негативными.

Последовал громкий и качественный поток брани.

В основном это были претензии к сложности работы с бю-

ро «Канун». Как будто его сотрудники специально выискивали дерьмо погуще да пожирнее, чтобы сперва с дебильными улыбками прыгнуть в него, а потом, уже из трясины, клянчить влажные салфетки. В какой-то момент показалось, что полицейский решил опробовать себя на поприще родовых потуг.

– Фамилии у этих дебилов есть? – наконец спросил Питонин.

Шлен сломал пластиковую вилку:

– Дмитрий Карский. Ну че сказать? Удиви меня, тявкалка из телефона.

«Тявкалка из телефона» скрипнула чем-то. Булат с ухмылкой понял, что скрип породили стиснутые зубы Капитона. Раздался стук кнопок клавиатуры.

Через двенадцать секунд вновь слышался голос Питонина:

– Дмитрий Антеевич Карский, девяностого года рождения. Кличка «Шлен». Выезжал за границу в две тысячи пятом: Украина. Непогашенный условный срок за нанесение побоев Евгении Холовой, сожительнице, и Кире Карской, двадцатитрехлетней родной сестре. Последняя исчезла накануне собственной свадьбы. Согласно ее заявлениям, впоследствии отозванным, подвергалась в восемнадцатом и девятнадцатом годах домогательствам со стороны брата. О как. Труподелы, может, вам наряд выслать?

– Дома нарядами рисоваться будешь. Отбой. – Булат от-

ключил телефон. Смерил Шлена долгим взглядом, каким обычно изучают невесту откуда взявшуюся шишку на ноге. – Дима, Дима, вот ты какой, оказывается. А почему кличка такая странная: и не «шлем», и не «член»?

– По пьяни оговорился. – Шлен погрузил взгляд в остывший бифштекс. Только сейчас заметил, что есть его было нечем.

Первым заговорил Седой Джинсоносец. По мере его рассказа слово брал то один, то другой водила. Раз полиция взялась расследовать трагические события на «Р-68», хоть и не своими руками, то и на здоровье. Тем скорее все в рейсы выйдут.

Выяснилось, что четверо из пятерых погибших водителей слали через «ЯндексПро» сигнал «SOS». Вдобавок один из них успел позвонить и сообщить о «страшной бабенции в подвенечном платье». Правда, лихорадочный поток слов через сорок секунд оборвался – как и жизнь звонившего.

О прочих жертвах трассы, тех, кто покидал автостанцию с родственниками и друзьями, водилы ничего не знали. Зато о них ведала удручающая статистика: помимо пяти «газелей», в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое сентября на «Р-68» разбились четыре легковушки и один фургончик с подвыпившей компашкой. Впрочем, компашка могла распрощаться с жизнью и по вине Джека Дэниэлса³⁵.

Шлен слушал трепавших языком мудаков с некоторой

---

³⁵ «Jack Daniel's» – американский виски.

отрешенностью. Его пальцы то и дело потирали основание среднего пальца, на котором виднелась бледная полоска. Это не укрылось от Лунослава, который следил за ним со всё возрастающим беспокойством.

– Кольцо потеряли, Дмитрий?

– Любопытным привет передавал, вот и сдуло. – Шлен выставил из кулака средний палец, сотворив оскорбительный жест. – Вот так. Или за это сажают?

– Только если на кол правосудия.

Шлен ответил долгим взглядом человека, который запомнил обиду, но по ряду причин не имеет возможности ответить на нее. По крайней мере, сейчас.

– Не порти себе птичий аппетит, брат. – Булат забрал пакет с чебуреками и печеньем и зашагал к выходу. Звякнул колокольчик.

Лунослав отправился следом, коснулся ручки двери, но что-то заставило его обернуться. Он успел ухватить взглядом вспышку эмоций, проскользнувших на лице Шлена.

Того раздирали стыд, страх и непередаваемая тоска, похожая на ломку.

Узик бюро «Канун» уверенно наматывал на колеса метраж злополучной «Р-68». В свете фар мелькали указатели, съезды во тьму, казавшуюся бездонной, и гонимые ночным ветром кормовые травы с полей. Звезды напоминали взвившиеся искры кровавого костра.

Ничего не происходило, не считая тоскливого ворчания, доносившегося из живота Лунослава. Чебуреки славно разлеглись в желудках под зеленым чаем и тонким слоем овсяного печенья. Не совсем полезно, но вполне сносно. Жить можно.

Показались дачные участки, шедшие по левую руку. Ни огонька, только пара уличных фонарей несли вахту. Изредка проносились машины – либо идиоты, которым не сиделось дома, либо идиоты, не знавшие о драмах «Р-68».

Булат вытер уголок рта салфеткой, после чего испачканный комочек полетел в сентябрьскую ночь.

– Какой план? Стреляем, потом спрашиваем? Или вообще не спрашиваем?

Лунослав уставился на зеленые и красные огни, парившие в желтоватой линии горизонта. Самолет. Видимо, облетал область по самому краю.

– Попробуем для начала подобрать невесту. Очевидно, смерть она приняла не по доброй воле. Если повезет, этот пустычок развеет проклятие.

– Она всех намазывает на асфальт только потому, что ее никто не подобрал? Мне кажется, всё куда глубже.

– А вдруг она при жизни куда-то не успела?

– Естественно, не успела: на собственную свадьбу.

– Логично. Вдобавок все аварии случились на территории Фокинского лесничества, близ мемориального комплекса «Памятник партизану и солдату». А туда навешиваются со

всей области – отметить начало семейной жизни.

– Знаешь, меня больше тревожит, почему все так безумно гнали. Не в зад же их ужалили, да?

Лунослав хотел ответить, но так и замер с открытым ртом. Впереди, на расстоянии стремительно таявших пятидесяти метров, возникло призрачное пятно. На обочине, в полумраке неосвещенного участка трассы, покачивался исток трагедий «Р-68».

Мертвая невеста голосовала лебедиными взмахами руки. Подвенечное платье белоснежным веером трепетало на ветру. Сеяло тоскливые блики. Бежавшая из головы кровь разрушала образ невинности и чистоты, буквально транслируя горечь и боль.

– На ловца и тварь бежит, – с азартом заметил Булат.

Лунослав подтянул с заднего сиденья перевязь со Злорубом и положил на колени. Его начинало потряхивать.

Уазик затормозил в десяти метрах от призрака. Мертвая невеста не шелохнулась, словно подъехавшая машина остановилась ради кого-то еще.

– И что теперь? – шепотом спросил Лунослав. Мизансцена пугала его до усрачки: темнота, а в ней – печальная девушка, что уже никогда не обретет покой.

– Ишь, заносчивая какая. Стало быть, Магомед двинет к горе. – Булат открыл дверь, спрыгнул на пыльную землю. В растерянности завертел головой. – Черт, а где она?

Лунослав протер глаза, ничего не понимая. Только что

мертвая невеста находилась перед уазиком, наполовину освещенная светом фар, и внезапно пропала. Он тоже вышел. Какое-то время пытался узреть что-либо внутренним оком. Но на темных полях и пустой дороге никого, кроме них, не было. Чертовщина. Он добрёл до того места, где она стояла, или парила, или что там обычно делают проклятые души, когда охотятся на живых.

На земле обнаружили отчетливые следы лисьих лап.

– А вот это плохо, – выдохнул Лунослав. Почувствовал, как съеденный фастфуд толкает в голову тошноту.

– Почему? – Булат, оглядываясь, зачем-то приложил ко лбу руку козырьком.

– Потому что она не хочет, чтобы ее подобрали.

– А если мы *уже* это сделали?

Оба покосились на машину. Уазик, работая на холостом ходу, казался незыблемым рифом реальности, о который разбивалась тьма. Довольно-таки обманчивое впечатление.

– Ну и черт с ней, – буркнул Булат. – Значит, в следующий раз подбирать не станем. Будем как все – проскочим с надменными рожами мимо.

Уазик вывернул на трассу, и они поехали с минимальной разрешенной скоростью – пятьдесят километров в час. Вскоре призрак дал о себе знать. Мертвая невеста лунным пятном возникла на автобусной остановке «Слободище». Такая же божественно-пугающая, она манила и манила к себе, будто обещая незабываемый поцелуй.

Булат оскалился и пригнулся за рулем. Затем, увеличив скорость, направил машину в сторону гибельного духа, словно японский пилот, атакующий американские эсминцы.

– Хочешь не хочешь, красотка, а я тебя прокачу – с ветерком на капоте.

Лунослава покрыла пленка пота. Он схватился за силовой поручень и уперся в бардачок. Запоздало сообразил, что не пристегнулся.

– Ты что творишь? А вдруг она – материальна?

– Ты же сказал, что это призрак!

– А зачем тогда таранишь, псих?!

– Ради удовольствия.

Узик налетел на призрачную невесту – и проскочил насквозь. Задел правым крылом автобусную остановку, оторвав от нее пластиковую панель, пустившуюся в дикий пляс возле мусорки.

В тот же миг мотор машины адски взревел, и транспорт бюро начал набирать скорость.

Лунослав завертел головой, пытаясь сообразить, какого черта происходит.

– Ты что творишь, камикадзе? Путь узика – путь смерти?!

– Это из какого-то неопубликованного трактата Ульяновского автомобильного завода? – Булат попытался поддеть ногой просевшую педаль тормоза. Но ребристая говнючка и не думала реагировать. – Так, кроме руля, ни хрена не работа-

ет. А еще кто-то топит гашетку газа в пол – и это не я.

– Зато я знаю к-кто! Она!..

Из капота уазика, будто дьявольский летучий голландец, поднялась иллюзорная девица. Безжизненное очарование. Глаза казались просверленными шахтами, на дне которых пылали огни преисподней. Ручеек крови впадал в ложбинку бровей, огибал лилейный носик и срывался с губ, пачкая подвенечное платье пролитым вином Сатаны.

– Не спеши, братик. – Ее приятный эфирный голос переполняли загробная любовь и безумие.

Прекрасное лицо потрескалось. Изнутри черепа, разорвав фарфоровую кожу и мышцы, вынырнула лисья морда – отвратительная и чудовищная в своей пародии на человеческий лик.

Подвенечное платье, точно объятие белой смерти, распахнулось.

Дорога скрылась за жемчужно-лунной тканью.

– Доволен, Гастелло?! Ты ее разозлил! – крикнул Лунослав. С замиранием сердца понял, что не может воспользоваться Злорубом в салоне.

Булат долбанул рукой по люку в крыше. Тот открылся, и его сорвало, швырнув на дорогу погнутой скорлупкой.

– Руль!

– Чего?

– Руль, говорю, возьми!

Призрачная попутчица простионала:

– Не спеши, не спеши, братик!

Булат рывком высунулся в люк, и Лунослав занял его место. Задел локтем магнитолу. Грянуло что-то из немецкого индустриального металла.

Костяна легкой вибрацией поприветствовала хозяйина. Щурясь от ветра, Булат попытался рассечь белоснежное порождение зла. Но хорошему удару мешало абсолютно всё: и ревущий в ушах воздух, и хмельная траектория уазика.

– Не виляй машиной: не задница на танцполе! – крикнул он в салон. – И возьми чуть правее!

– Хочешь местами поменяться?! – огрызнулся Лунослав. – Попробуй мешок Влекущего!

– Точно!

Булат бросил косу в люк и схватил поданный товарищем артефакт. Распахнул.

Кораллово-красное сияние ослепило деву-лису, заставив по-собачьи взвизгнуть. Закрывая руками морду, она завывала.

Вой тоскливой птицей полетел над трассой и лесом.

И ему ответили тонкие голоса, от которых стыла кровь в жилах.

Из теней бегущего ночного пейзажа на дорогу потекли десятки красноглазых лисиц. Их манила летевшая навстречу смерти машина.

Лунослав кинул взгляд в боковое зеркало и переменился в лице. Их преследовала рыжеватая тьма, усеянная доброй сотней сверкающих бордовых точек. А еще тьма тоненько

рыдала.

– За нами хвост!

– Какой еще, ядрен батон, хвост?!

– Пушистый! *Держись!*

Булат оглянулся. Узнал нагонявших тварей. Эти самые лисицы прицепились к нему у Ильбово, когда он разыскивал Лунослава. Тогда им хватило пары смертей под колесами, чтобы остальные сбежали. Сейчас такой роскоши не предвидится. Мертвая невеста, как сирена концлагеря, всё подзывала и подзывала их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.